

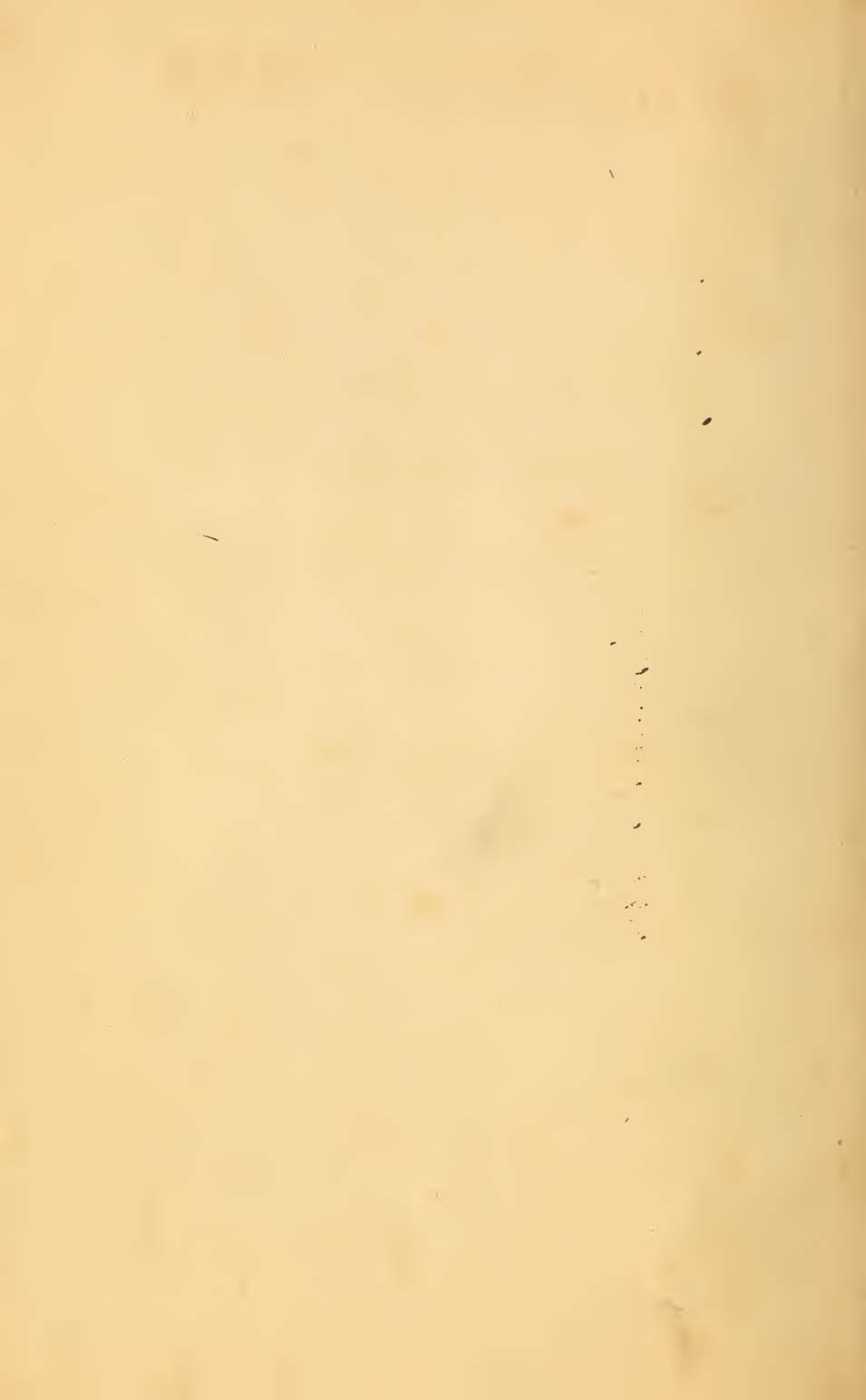
U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1928

Class _____

Book _____

YUDIN COLLECTION

Драматическіе очерки

ДРАМАТИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

Владкин, Михаил Николаевич

М. ВЛАДЫКИНА.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ АЛЕКСАНДРА СЕМЕНА,
на Софійской улицѣ.

1857.

PG 3470
V58D7

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный
Комитетъ узаконенное число экземпляровъ, Москва, Января 20 дня
1857 года.

Ценсоръ Н. Гилларовъ-Платоновъ.

№ 11-11-54

ВЫГОДНАЯ ЖЕНИТЬБА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА :

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЬ ГОЛЯШКИНЪ, купецъ-лобазникъ.

МАРФА ИВАНОВНА, жена его.

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА, ихъ дочь.

ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА, сваха.

ЕРМОЛАЙ ИВАНОВИЧЬ СКАКУНОВЪ, чиновникъ.

КНЯЗЬ ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЬ ЧЕНХАЛИДЗЕВЪ.

ВАСИЛІЙ МИХАИЛОВИЧЬ МУРАВЕЙНИКОВЪ ,

отставной полковникъ.

АНДРЕЙ СТЕПАНОВИЧЬ ПОДКУЗМИЛОВЪ.

ИВАНЪ, лакей Скакупова.

МАЛАНЬЯ, кухарка Голяшкихъ.

} Пріатели

} Скакупова.

Дѣйствіе въ Петербургѣ.

ДѢЙСТВІЕ 1-Е.

ЯВЛЕНІЕ I-е.

Комната Скакунова. Скакуновъ сидитъ въ креслахъ , передъ каминомъ.

СКАКУНОВЪ.

Да, приятно сидѣть въ теплой комнатѣ , передъ огнемъ , когда на дворѣ почти что 15 градусовъ мороза; когда другой, можетъ статья, забнетъ отъ того, что у него и дровъ-то не на что купить — ты сидишь себѣ и знать не знаешь подобныхъ неприятностей. Что-жъ дѣлать? Кто имъ велитъ забнуть? Сами виноваты! Кричатъ—бѣдность! Вздоръ, рѣшительно вздоръ! Просто — лѣньность , пьянство и больше ничего. Я васъ спрашиваю—отъ чего, на примѣръ , половина бѣдняковъ или пьяницы или лѣнивцы или , просто , люди безнравственные? Пожалуй , мнѣ скажутъ, что бѣдность-то и родитъ всѣ эти пороки? Эге! какъ бы не такъ. Нѣтъ, милостивые мои государи , ужъ хорошій и притомъ умѣющій въ свѣтѣ жить человѣкъ бѣденъ не будетъ. (*Подумавъ*) А вѣдь великая вещь , по правдѣ сказать , умѣнье жить! Имъ обладаютъ немногіе счастливыцы. Это... это.. это вещь самая необходимая для человѣка : съ ней онъ—все, безъ нея—ничего. Я рассуждаю такъ, какъ рассуждали всѣ великіе люди , то есть : пробей себѣ сначала въ свѣтѣ, какими бы то ни было средствами, дорогу, стань на высоту, а оттуда ужъ и разливай-свой благодѣянья-то

на человѣчество. (*Вздыхаетъ*) Господи! Еслибъ ты мнѣ помогъ добиться до виднаго мѣстечка! То-то я осчастливилъ бы всѣхъ моихъ подчиненныхъ! Я дѣлился бы съ ними послѣдней моей копѣйкой—это такъ, истинно такъ! Да и чѣмъ же я хуже другихъ? Я служу; почти что на хорошемъ счету у начальства; чуть-чуть не слышу даже за дѣльнаго чиновника. Да что служба? Служба еще немного; служить и всякій съумѣетъ—нѣтъ, пробить себѣ въ свѣтѣ дорогу; втереться мало-мальски въ порядочное общество; сдѣлаться другомъ и стариковъ и молодежи, пріобрѣсти у однихъ—название дѣльца, у другихъ—добраго малаго, у всѣхъ вообще—порядочнаго человѣка, а у кого слѣдуетъ—такъ и лихаго кутимы въ придачу—вотъ задача для умной головы! Даже долги не беспокоятъ меня; первое потому, что я человѣхъ XIX-го столѣтія, а кто нынче живетъ безъ долговъ? А второе, половина моихъ кредиторовъ не имѣетъ росписокъ—все друзья, пріятели, братья родные, и давали мнѣ, чисто, изъ одной сердечной привязанности—чтожъ дѣлать? Надо чѣмъ нибудь доказать любовь-то свою. Чортъ меня знаетъ, какъ это живу я? Имѣнья у меня только и есть, что какихъ-то несчастныхъ 5 душъ въ Саратовѣ; мѣсто мое такого сорта, что не даетъ ровно никакихъ секундъ,—а все таки я никогда не бываю безъ денегъ: тамъ угостятъ, тамъ напоятъ, тамъ выиграешь въ карты—такъ вѣдь и идетъ день за день. (*Задумывается*) Конечно, что и говорить... Жизнь такая хороша... безпорно, да все таки впереди не предвидится ничего. Надо жениться... надо... непременно надо. А на комъ какъ не на купчихѣ? Вѣдь какая нибудь богатая княгиня или графиня, не то что сама не пойдетъ, да и горничной своей не отдастъ за нашего брата. Поди ты, что станешь съ ними дѣлать? Оно конечно, предразсудокъ—да вѣдь коли предразсудокъ-то въ насъ укоренится, такъ его и истиной ни за что изъ головы-то не вышибешь. Да, приходится, кажется, приняться за эту, какъ-бышь ее тамъ—лобазницу, что ли? Она и съ лица-то ужъ

не такъ, чтобы очень дуриа—ну, а главное—Прасковья Ивановна говоритъ, за ней сто тысячъ. Положимъ, что приврала она на половину, такъ вѣдь и то благодать—гдѣ нынче сыщешь подобную сумму? Конечно, я не думаю, чтобы она была изъ ученыхъ, — хоть Прасковья Ивановна и рассказываетъ, что говоритъ на 8-ми языкахъ,—ну, да все же была въ какомъ-то тамъ пансіонѣ, чай и на фортепiano брэнчить и по-Французски маракуеть, а миѣ только это и нужно. У насъ вѣдь и мужчина можетъ обойтись безъ разныхъ тамъ эдакихъ физикъ и химіи, такъ женщины-то не знать и самъ Богъ велить. Миѣ только бы деньги были, а на остальное плевать! (*Подумавъ*) Одна только бѣда! Придется связаться съ разными бородачами... Придется лобызаться съ какимъ-нибудь брюханомъ тестемъ... Уронишь себя въ глазахъ всего хорошаго-то общества—ну, да авось 50-ть тысячъ и возстановятъ немного! (*Смѣется*) Хе, хе, хе! А вѣдь куда, по правдѣ сказать, неразумны эти бородачи! Копить, копить иной себѣ, копить, трудится, мошенничаетъ цѣлую жизнь—и все для чего? Для того, чтобы передать нашему брату! Да оно и справедливо: мы служимъ, трудимся ради пользы отечества, не жалѣемъ здоровья, проливаемъ кровь свою, а они что? Плутуютъ только, да набиваютъ себѣ карманы — да еще бы послѣ этого и не надуть ихъ иной разъ — эге! Нѣтъ, это было бы вовсе глупо. (*Входитъ Иванъ*).

Я В Л Е Н І Е II-е.

ИВАНЪ.

Прасковья Ивановна пришла-съ.

СКАКУНОВЪ.

А! Зови-ка ее, зови. (*Иванъ уходитъ*) Посмотримъ, что-то она скажетъ? Не принесла ли чего нибудь новенькаго на-счетъ моей лобазницы? (*Прасковья Ивановна входитъ*) А! Здравствуйте, матушка!

ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА.

Здраствуйте, Ермолай Иванович!

СКАКУНОВЪ.

Давненько мы не видались съ вами, матушка, давненько. Ну, что вы дѣлали все это время? Женили опять когонибудь что-ли?

ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА.

Полноте, Ермолай Иванович, будто ужъ мнѣ только и дѣла, что женить.

СКАКУНОВЪ.

Да какъ же? Вѣдь я думаю, безъ васъ здѣсь ни одна свадьба не обойдется.

ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА.

Помилуйте-съ, много чести.

СКАКУНОВЪ.

Садитесь пожалуйста. (*Прасковья Ивановна садится*) Ну, чѣмъ же прикажете мнѣ васъ подчивать? Хотите, можетъ быть, *кофею!* Вѣдь вы, я думаю, непременно любите кофею?

ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА.

Отчего же не любить-съ.

СКАКУНОВЪ.

Ну, да, да, да, да... Конечно, конечно. Вѣдь здѣсь всѣ женщины кофейницы, такъ вамъ-то съ какой стати представлять исключеніе? Эй, Иванъ! (*Иванъ входитъ*) Приготовь, братецъ, кофею и угости имъ, да хорошенько смотри, Прасковью Ивановну. (*Иванъ уходитъ и въ продолженіе слѣдующей сцены приноситъ кофе*). Ну-съ, что скажете, матушка, новенькаго?

ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА.

Ничего. Видѣли вы, сударь, вашу невѣсту?

СКАКУНОВЪ.

Видѣлъ.

ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА.

Понравилась ли она вамъ?

СКАКУНОВЪ.

Да, невѣста хорошая.

ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА.

Да ужъ такая-то хорошая, что лучше и не найти. Умная, добрая, ученая, на фортапьянахъ играетъ, по-французски говорить, и другихъ еще восемь языковъ знаетъ.

СКАКУНОВЪ.

Ну, ужъ будто и восемь?

ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА.

Убей меня Богъ на этомъ мѣстѣ, коли не восемь.

СКАКУНОВЪ.

Да, что вы божитесь-то? Сами вѣдь не слыхали?

ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА.

Да мнѣ что слышать? Изъ моего слышанья толку не много. А тутъ другіе ученые люди сказывали.

СКАКУНОВЪ.

Какіе же это ученые?

ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА.

Да разные.

СКАКУНОВЪ.

Разные? А вотъ мы посмотримъ-ка ее сами, да проэкзамуемъ хорошенько. Вѣдь мы въ языкахъ-то тоже кое-что смыслимъ.

ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА.

Еще бы вамъ и не смыслить, Ермолай Ивановичъ, нынче вѣдь весь свѣтъ на учеши стоитъ.

СКАКУНОВЪ.

Конечно.

ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА.

Нынче вѣдь XVIII столѣтіе, сказываютъ умные люди.

СКАКУНОВЪ.

Конечно, Прасковья Ивановна, конечно.

ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА.

О-охъ! вотъ, одна только бѣда!..

СКАКУНОВЪ.

Какая это, Прасковья Ивановна?

ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА.

Люди-то нынче больно худы ужъ стали.

СКАКУНОВЪ.

Худы? Чѣмъ же такъ худы?

ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА.

Очень скупы. Хотятъ все жениться на деньгахъ. Ищи имъ богатыхъ невѣстъ, а гдѣ ихъ сыскать-то? И невѣсты-то всѣ ужъ повывелись.

СКАКУНОВЪ.

Оно конечно, Прасковья Ивановна, да вѣдь, знаете ли, нельзя жить и безъ денегъ.

ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА.

Разумѣется, что нельзя; а впрочемъ случаются иной разъ такія оказіи, что не радъ будешь и деньгамъ. Вотъ,

былъ у меня здѣсь одинъ капитанъ — присталъ ко мнѣ: жени, говоритъ, на богатой меня, да и только. Ну что же? отъ чего не прислужиться хорошему человѣку? Сыскала ему я невѣсту—богатую, да только дуру набитую, да и злущую, распрезлущую еще въ добавокъ; сыскала и говорю: «Вотъ молъ, сударь, невѣста—не угодно ли сочетаться законнымъ бракомъ? только дескать ужъ извините: не изъ ученыхъ. А онъ— э! ничего, говоритъ, дуру-то еще лучше, скорѣй деньги отдастъ. Ну отдастъ—такъ отдастъ, какъ молъ хотите. Да и думаю себѣ еще, что, можетъ статься, и для нея-то сдѣлаю доброе дѣло, попадетъ въ руки къ хорошему человѣку, такъ онъ за ея же деньги изъ нея дурь и повыбьетъ. Вотъ, и женила. Что-жъ бы вы думали, сударь? Какъ принялась она сдуру-то его муштровать!.. Такъ не то, что ужъ деньги... Прибѣжалъ разъ ко мнѣ, голубчикъ, какъ полоумный, да такъ и лѣзетъ на кулаки—убью, говоритъ, тебя, старая эдакая чертовка—сгубила ты, говоритъ, жизнь мою! А я чѣмъ виновата? Самъ вѣдь просилъ. Такъ вотъ она женитьба! Вотъ она какова, иной разъ, бываетъ!

СКАКУНОВЪ.

Ну, да ужъ съ нами-то этого не случится; мы съумѣемъ ее къ рукамъ прибрать.

ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА.

Ну этого, Ермолай Иванычъ, не говорите. Ужъ я, кажется, на что опытна въ этихъ дѣлахъ: лишь взгляну на невѣсту, тотчасъ вижу, какой гдѣ есть изъянъ, а и то, иной разъ, ни за что не увидишь.

СКАКУНОВЪ.

Это, Прасковья Ивановна, странно!

ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА.

Да, а иной разъ и безъ денегъ да выйдетъ лучше. Вотъ у меня есть здѣсь другой капитанъ — женился безъ

денегъ. А посмотрѣли бы вы, какъ ихъ живутъ? Любятся да цѣлуются по цѣлымъ днямъ, что твои голубки. Истинно, что завидная доля!

СКАКУНОВЪ.

Ну, да Домна-то Терентьевна какова? Что она эдакъ не злая?

ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА.

Помилуйте, Ермолай Иваныч!

СКАКУНОВЪ.

То-то, помилуйте! кабы она еще да была изъ хорошаго рода?

ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА.

А чѣмъ же не изъ хорошаго? Она лобазница.

СКАКУНОВЪ.

Такъ вотъ то-то и есть! Ну, и вдругъ кто нибудь спроситъ: — а на комъ дескать вы, Ермолай Иванычъ, женаты? А? Что тогда?

ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА.

Какъ что?

СКАКУНОВЪ.

На Домнѣ моль, на Терентьевнѣ, на Голяшкиной, да еще на лобазницѣ... Это просто ужъ-тьфу! Просто Богъ знаетъ что!

ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА.

Да что же вамъ такъ не правится Домна-то? Ну, не хотите звать ее Домной, такъ зовите и по французскому, что-ли. Вонъ у Поддѣргаева жена Оекла, а онъ зоветъ ее по французскому Тѣкла, а у Калачева, такъ и совсѣмъ ужъ Хавроця, а онъ возьми да и перекрести ее въ Селину.

СКАКУНОВЪ.

А тесь-то, тесь! Бородачь вѣдь чергъ его побери!

ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА.

Такъ чтожь, что бородачь? Нынче пошла мода на бороды. Пожалуй еще и за француза примуть.

СКАКУНОВЪ.

Ха, ха, ха, ха!... Хорошь французъ—лобазникъ!

ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА.

Да за то вѣдь у этого лобазника свой лобазъ; какъ трях-веть мошной, такъ что твое дворянство.

СКАКУНОВЪ.

Да въ самомъ ли дѣлѣ у него много денегъ? (*Смотритъ на нее довольно подозрительно*) Вы не привираете ли, съ позволенія вашего сказать, Прасковья Ивановна?

ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА.

Очень нужно! Купецъ извѣстный, богатый!

СКАКУНОВЪ.

Ну, а что если онъ да надуетъ меня?

ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА.

Что?

СКАКУНОВЪ.

Да. Вѣдь вы тогда даромъ со мною не раздѣляетесь—ей Богу! Вѣдь у меня есть и знакомые такіе, что помогутъ упрятать васъ куда нибудь эдакъ подальше. Ченхалидзевъ—князь! Муравейниковъ, отставной полковникъ—человѣкъ съ большимъ вѣсомъ, имѣетъ сильную руку и ищетъ виднаго мѣста! Да и не одни они—еще есть человѣкъ, про котораго я теперь только вотъ говорить не хочу. Да и тесь-то самъ пускай у меня не храбрится—я его въ острогъ запру, слышите или нѣтъ?

ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА.

Слышу, какъ не слыхать.

СКАКУНОВЪ.

Да, а лобазникамъ такъ и скажите, чтобъ до вѣнца день-ги,—не то я и въ церковь не пойду.

ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА.

До вѣнца? А вы возьмете, да все проиграете или, тамъ, прокутите... Нѣтъ, эдакъ ужъ лучше не свататься. Я вотъ уйду, да и дѣлу конецъ. (*Встаетъ съ мѣста*).

СКАКУНОВЪ.

Постойте! Куда вы, Прасковья Ивановна? Что вы? Постойте!

ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА.

Чего стоять-то? Только шлешься, да понапрасну трешь башмаки. Что въ самомъ дѣлѣ? Врала, врала имъ, наговорила короба съ три....

СКАКУНОВЪ.

Да куда же вы это? Садьте опять, да потолкуемъ (*усаживаетъ ее*). Что же вы имъ такое нагородили?

ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА.

Мало-ли что! Ну, какой вы знатный баринъ!

СКАКУНОВЪ.

Ну, а еще?

ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА.

Еще, что вы богаты!..

СКАКУНОВЪ.

И про знакомыхъ не забыли прибавить?

ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА.

И про знакомыхъ не забыла прибавить. Э, Ермолай Ивановичъ! одѣвайтесь-ка теперь же, да поѣзжайте.

СКАКУНОВЪ.

Одѣвайтесь, да поѣзжайте... Хорошо это вамъ говорить!.. Ну, а ежели они, какъ нибудь, да надуютъ меня?

ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА.

Полноте—захочу ли я острамиться при старости лѣтъ.

СКАКУНОВЪ.

При старости? При какой это старости?

ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА.

Да извѣстно ужъ, при какой!

СКАКУНОВЪ.

Помилуйте! Да вы женщина еще хоть куда, совершенно на все годитесь.

ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА.

Тьфу!

СКАКУНОВЪ.

Полноте, полноте, нечего понапрасну плевать, вѣдь я знаю, вамъ это пріятно...

ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА.

Отстаньте, безстыдники, право!

СКАКУНОВЪ.

То-то, безстыдники! Не будь я влюбленъ теперь въ Домну Терентьевну, не увернуться бы вамъ отъ моихъ рукъ.

ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА.

Да отстаньте же, коли вамъ говорятъ.

СКАКУНОВЪ.

Послушайте—какъ же я къ нимъ приѣду?

ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА.

Какъ? да такъ и скажите: слышали моль, что продается у нихъ фортапяня.

СКАКУНОВЪ.

Ну, а коли они только надуютъ меня, грѣхъ будетъ на вашей душѣ. Такъ вы поѣзжайте теперь же, да предувѣдомьте.

ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА.

Хорошо-съ. (*Просительнымъ голосомъ*) Ермолай Иваныч!

СКАКУНОВЪ.

Что вамъ еще нужно?

ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА.

На извозниковъ совсѣмъ издержалась, не пожалуете-ли хоть что нибудь....

СКАКУНОВЪ.

Ну, ну, ладно, вотъ вамъ 10 руб. Поѣзжайте же, а я за вами сей часъ.

ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА.

Прощайте-съ, покорнѣйше васъ благодарю.

СКАКУНОВЪ.

Прощайте!

ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА.

Прощайте! Господи благослови на доброе дѣло! (*уходитъ*)

ЯВЛЕНІЕ III-е.

СКАКУНОВЪ. *(одинъ)*

Да, хорошо, еслибъ это уладилось. Вѣдь бываетъ же другимъ счастье! Вонъ Поддєргаевъ, подцѣпилъ себѣ такую же, да и живетъ теперь припѣваючи, и Ломовъ тоже... Лишь мнѣ одному, грѣшному, нѣтъ да и нѣтъ до сихъ поръ... *(Ходитъ въ задумчивости)* Чертъ знаетъ, что такое... купецъ.. свой добазъ... одна дочь.. посмотримъ— попытка не шутка! А тамъ, если что замѣтимъ, такъ можно тотчасъ и назадъ поворотить оглобли. *(Кричитъ)* Ей, Иванъ! *(Иванъ входитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ IV-е.

СКАКУНОВЪ.

Одѣваться!

ИВАНЪ.

Сертукъ или фракъ?

СКАКУНОВЪ.

Фракъ! *(начинаетъ одѣваться)* Послушай, Иванъ!

ИВАНЪ.

Чего изволите-съ?

СКАКУНОВЪ.

Хотѣлось бы тебѣ, чтобъ я женился?

ИВАНЪ.

Отчегожъ не хотѣться? хотѣлось бы.

СКАКУНОВЪ.

А на какой? На богатой или на бѣдной?

ИВАНЪ.

Ужъ извѣстно, что на богатой-сь.

СКАКУНОВЪ.

Ага! Видно у тебя губа не дура. А ужъ какъ бы мы съ тобой зажили! А?

ИВАНЪ.

Зажили бы-сь.

СКАКУНОВЪ.

Квартира была бы у насъ , что называется просто en grand.

ИВАНЪ.

Ангранъ-сь.

СКАКУНОВЪ.

Лошадей держали бы пару. А какія тебѣ лучше нравятся, сѣрыя или вороныя?

ИВАНЪ.

Вороныя-то будутъ, должно, получше-сь.

СКАКУНОВЪ.

Врешь, дуракъ!

ИВАНЪ.

А то, неужто сѣрыя? Онѣ вѣдь , сказываютъ , дороже вороныхъ то-сь.

СКАКУНОВЪ.

Такъ чтожъ , что дороже , за то и моднѣе. А ужъ какую бы я тебѣ спилъ ливрею, Иванъ!

ИВАНЪ.

Покорнѣйше васъ благодарю-сь.

СКАКУНОВЪ.

И ты входилъ бы и докладывалъ миѣ о гостяхъ, напр.

хоть о князѣ Ченхалидзеѣ. Ну-ка представь, какъ бы ты доложилъ?

ИВАНЪ (*представляетъ*).

Князь Ченхалидзеѣ пріѣхаль.

СКАКУНОВЪ.

Врешь! развѣ такъ докладываютъ? ты долженъ войти бодро, смѣло и доложить какъ можно громче: Его Сія-тельство, князь Иванъ Петровичъ Ченхалидзеѣ, или от-ставной полковникъ Василій Михайловичъ г-нъ Муравей-никовъ! ну понимаешь?

ИВАНЪ.

Теперь понимаю-съ.

СКАКУНОВЪ.

Да что впрочемъ съ тобой дуракомъ толковать-то! (*оборачивается и смотритъ ему въ глаза*) Послушай, Иванъ!

ИВАНЪ.

Чего изволите-съ?

СКАКУНОВЪ.

Ежели кто нибудь придетъ къ тебѣ и станетъ спраши-вать, что богатъ ли дескать твой баринъ? ты, смотри, отвѣчай, что богатъ—слышишь?

ИВАНЪ.

Слышу-съ.

СКАКУНОВЪ.

А гдѣ молъ имѣніе? такъ въ Саратовской губ. въ селѣ Бобовнѣ, родовыхъ 300 душъ, понимаешь?

ИВАНЪ.

Понимаю-съ.

СКАКУНОВЪ.

Смотри, коли обдѣлаешь это дѣло, такъ и самъ не бу-

лешъ въ накладѣ. Ну теперь давай шинель! (*Иванъ даетъ шинель*) Посмотримъ, авось что нибудь изъ этого да и выйдегъ, можетъ быть какъ нибудь и удасться надуть! (*Уходитъ. Перемѣна декораціи*).

СЦЕНА 2-я.

Комната въ домѣ Терентія Савича Голяшкина.

ЯВЛЕНІЕ V-е.

МАРФА ИВАНОВНА И ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА (*входятъ*).

МАРФА ИВАНОВНА.

Такъ ты говоришь, такъ и ѣдетъ?

ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА.

Такъ и ѣдетъ, матушка, такъ и ѣдетъ. При мнѣ в одѣваться началъ.

МАРФА ИВАНОВНА.

Батюшки! при ней и одѣваться началъ! бѣда да и только. (*Кричитъ:*) Терентій Савичъ! Терентій Савичъ! (*голосъ Терентія Савича за дверьми: чего?*) Ступай скорѣе сюда!

ЯВЛЕНІЕ VI-е.

ТѢЖЕ И ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ (*въ дверяхъ*).

—Ну?

МАРФА ИВАНОВНА.

Женихъ ѣдетъ!..

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ (*входя*).

—Такъ чтожь? эка невидаль! пуцай ѣдетъ, коли ѣдетъ, да какой эвто?

ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА.

Да тотъ, что я говорила.

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

Говорила... говорила... малоль ты чего говорила? ты ихъ перетаскала сюда съ полсотни. Скажи какой, такъ и угадаемъ.

ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА.

Да тотъ—штацкій.

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

А, штацкій! что похожь на графа-то, что-ли?

ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА.

Да.

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

Ну, ладно, ладно! посмотримъ, что такой за графъ? можетъ статья такой, что его и впускать-то сюда не слѣдуетъ.

ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА.

Помилуйте, Терентій Савичъ! ужъ будете довольны.

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

Что довольны! мало мы ихъ видывали! слава-те Господи, не первый годъ живемъ ца свѣтѣ! поди, чай, моть, аль прощальга какой нибудь.

ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА.

Какъ прощальга, Терентій Савичъ? онъ чиновникъ.

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

Чиновникъ! ну эвто хорошо. Да ты все таки скажи, есть ли у него за душой-то что нибудь?

ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА.

Еще бы не быть, онъ человѣкъ богатый.

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ (*становится внимательный*).

Богатый?

ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА.

Да, у него 300 душъ въ Саратовѣ.

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

Въ Саратовѣ! что ты?

ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА.

Да.

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

Въ Саратовѣ! губерня знатная! бывали мы въ ней! 300 душъ — это хорошо! если на половину есть, такъ и то слава-те Господи!

ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА.

Помилуйте, Терентій Савичъ — за чѣмъ это стану я врать?

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

А такъ себѣ, сказано сваха, такъ сваха и есть.

ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА.

Да вы посмотрите только, какъ онъ живетъ! И знакомъ все съ князьями!

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

Съ князьями знакомъ? можетъ ли быть? это хорошо! Мнѣ самому давно, по правдѣ сказать, смерть какъ хочется попасть въ ихъ компанію. (*въ сторону*) А что, можетъ статься, что нибудь да и правда? надо справиться да не упущать. Вѣдь иной разъ, ни за что, ни про что, лезете въ рыло счастье, а мы, слава-те Господи, торговцы извѣстные! (*кричитъ*) Домна, Домнушка!

ЯВЛЕНІЕ VII-е

ТѢЖЕ И ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА.

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА (*входя*).

Что, папенька?

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЬ.

Ступай-ка скорѣй, да одѣвайся.

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА.

Зачѣмъ?

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЬ.

Женихъ ѣдетъ.

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА.

Какой?

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЬ.

Штацкій.

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА.

Папенька! я не хочу штацкаго!

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЬ.

А какого же еще тебѣ надо?

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА.

Я хочу гусара.

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЬ.

Вишь ты! не хошь ли ты еще улана аль карасира?

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА.

Пожалуй, по мнѣ хоть и карасира!

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЬ.

Мало чего захотѣла! будетъ съ тебя и штацкаго. Ну,

вы тутъ изготовляйтесь—а я пойду да перемѣню кафтанъ-то, эвотъ больно истасканъ. (*говоритъ, уходя*) Эко каторжно мѣсто эвотъ лобазъ! Только войди, такъ тебѣ во всѣ концы и налетитъ муки. Словно, чертъ какой, прости Господи, снизу-то поддуваетъ подъ тебя (*уходитъ*).

Я В Л Е Н І Е V I I I - е .

МАРФА ИВАНОВНА.

Ступай же одѣнься, Домнушка!

ДОМНА ТЕРЕПТЬЕВНА.

Одѣваться для какого нибудь статскаго!

МАРФА ИВАНОВНА.

Да вѣдь штатскій-то, слышь ты, просто, графъ!

ДОМНА ТЕРЕПТЬЕВНА.

Видала я вашихъ графовъ! (*уходитъ*).

Я В Л Е Н І Е I X - е .

МАРФА ИВАНОВНА.

Экая правная дѣвка! (*кричитъ:*) Маланья! Маланья!
(*Маланья входитъ*) подай новый платокъ! (*Маланья уходитъ и потомъ приноситъ ей платокъ*).

Я В Л Е Н І Е X - е .

ТѢЖЕ И ТЕРЕПТЬ САВИЧЪ.

ТЕРЕПТЬ САВИЧЪ (*въ новомъ сюртукѣ*).

Что, эвдакъ хорошо?

ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА.

Хорошо.

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЬ.

Что же здѣсь-то не прибрано? (*Маланья прибираетъ*) ну, вотъ мы и готовы! хоть сей часъ прїѣзжай. (*Звонокъ въ передней*) Маланья — пошла да отвори! (*Маланья уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XI-е.**ТѢЖЕ и СКАКУНОВЪ.**

СКАКУНОВЪ (*входя и останавливаясь въ дверяхъ*).

Позвольте узнать, вы будете Терентій Савичъ Голяшкинъ?

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЬ.

Я, сударь, я-съ. Честь имѣю рекомендоваться!

СКАКУНОВЪ.

Я слышалъ, почтеннѣйшій, что у васъ продается фортепьяно: могу я его видѣть?

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЬ.

Нѣтъ-съ, оно не продается; да что же... покорнѣйше благодаримъ, что навѣстили. Рекомендую мою жену.

СКАКУНОВЪ (*входитъ*).

Очень, очень, очень пріятно! честь имѣю рекомендоваться, я самъ—Ермолай Ивановичъ Скакуновъ,—здѣшній служащій, чиновникъ.

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЬ.

Просимъ покорно садиться.

СКАКУНОВЪ.

Очень, очень пріятно! покорнѣйше васъ благодарю. (*Садится*) Странно однакоже, право, какъ меня обманули

про это фортепяно, ей Богу! но вѣроятно вы все таки его имѣете?

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

Какъ же, имѣемъ, имѣемъ-съ.

СКАКУНОВЪ.

Кто же на нихъ играетъ, кто нибудь изъ дѣтей вашихъ? Вѣдь у васъ, я думаю, ужъ навѣрно есть дѣти?

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

Есть-съ дочь, такъ она и играетъ. А ужъ намъ-то самимъ со старухой, куда! Хе, хе хе! (*смѣется и гладитъ бороду*).

СКАКУНОВЪ.

Ну да, да, да. Конечно, конечно, конечно. Я такъ и полагалъ, что играетъ дѣвица. Вѣдь это есть инструментъ, исключительно употребляемый женщинами. Мужчины играютъ на немъ гораздо рѣже. Что я играю, такъ это не чудо, я страстно люблю музыку. Я, знаете-ли, то, что называется художникъ въ душѣ! Все прекрасное доводитъ меня чуть-чуть не до безумія. Я совершенно теряюсь, когда вижу прекрасную картину, или когда встрѣчаю хорошенькую женщину, или когда слушаю трогательную музыку. Вы, вѣроятно, доставите мнѣ удовольствіе познакомиться съ вашею дочерью, Терентіи Савичъ?

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

Какъ же-съ, какъ же. Марѳа Ивановна, поди, выведи Дошу-то! (*Марѳа Ивановна уходитъ*).

СКАКУНОВЪ (*въ сторону*).

Доша... Доша... это что-то хорошее! Доша вовсе не то что Домна — примемъ къ свѣдѣнію (*громко*). Вы, вѣроятно, счастливы въ семейной жизни, Терентіи Савичъ?

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

Да-съ, нешто, — прожили со старухой-то безъ малаго дѣтъ 30.

СКАКУНОВЪ.

Завидная доля! прожить безмятежно такое количество лѣтъ, приобрести уваженіе соотечественниковъ, образовать дѣтей!..

ТЕРЕНТИИ САВИЧЪ.

Да-съ, эвто ужъ правду сказать, за Дошу одной мадамъ платили 1000.рублевъ въ годъ.

СКАКУНОВЪ.

За то вѣдь, я думаю; она и образована какъ?

ТЕРЕНТИИ САВИЧЪ.

За себя постоитъ-съ.

СКАКУНОВЪ.

Вѣроятно, Домна Терентьевна и музыку прекрасно знаетъ?

ТЕРЕНТИИ САВИЧЪ.

Еще бы! сто рублевъ и за музыку платили.

СКАКУНОВЪ.

И языки тоже?

ТЕРЕНТИИ САВИЧЪ.

И въ языкахъ маху не дастъ.

СКАКУНОВЪ.

Это пріятно! Очень, очень, очень пріятно! (*Марѳа Ивановна вводитъ Домну Терентьевну*).

ЯВЛЕНІЕ XII-е.

ТѢЖЕ и Домна Терентьевна.

ТЕРЕНТИИ САВИЧЪ.

Вотъ, батюшка, это моя и дочь-съ!

СКАКУНОВЪ (*раскланивается*).

M-lle, j'ai l'honneur de vous faire mes compliments!

(*Домна Терентьевна присѣдаетъ и садится*). Et sans vous, M-lle, nous avons causé, avec M-r votre père, du commerce. Permettez vous de continuer ?

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА.

Oui.

СКАКУНОВЪ (*въ сторону*).

Ну, кажется по французски-то она небольшо смыслить. Впрочемъ, хоть повимаетъ, это слава-те Господи! (*громко*) И такъ, добрыйшій Терентій Савичъ, мы съ вами имѣли удовольствіе говорить о торговлѣ?

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ (*разглаживая бороду*).

Такъ-съ, такъ-съ, истинно такъ-съ!

СКАКУНОВЪ.

Я, знаете ли, самъ чувствую необыкновенную склонность къ этого рода занятіямъ—и не служи я, не будь такъ любимъ начальствомъ, а главное, не будь такъ самолюбивъ—я бы непременно бросилъ службу и занялся торговлей. Надобно, изволите видѣть, замѣтить, что я страшно самолюбивъ! Видѣть товарища обогнавшего меня по службѣ для меня, просто, острый ножъ! Все, что угодно, только не щелчекъ моему самолюбию! Я ужъ и генералъ себя такое составилъ... чтожъ дѣлать? Въ этомъ не я виноватъ, такимъ ужъ меня Богъ сотворилъ.

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

Такъ-съ, такъ-съ, истинно такъ-съ.

СКАКУНОВЪ.

Да, и не будь всего этого, я-бъ непременно бросилъ службу и занялся торговлей. Я, видите ли, принадлежу къ числу тѣхъ людей, которые не пренебрегаютъ ни какимъ родомъ занятій... и того мнѣнія, что всякое званіе благородно и, въ свою очередь, полезно.

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

Оченно-съ справедливо.

СКАКУНОВЪ.

Почести и знатность хороши, да коли не имѣете денегъ, такъ что въ нихъ толку? Не правда-ли, Терентій Савичъ?

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

Дѣйствительно-съ (*Небольшое молчаніе*). Ну, а позволите-съ спросить васъ, батюшка? Вотъ, вы изволите говорить, что не будьте, такъ къ примѣру сказать, славолюбивы, такъ бросили бы службу и занялись торговлей. Да вѣдь извѣстная вещь, что торговать нельзя безъ капитала. Чтоже вы, стало быть изволите имѣть, для этого, приличныя суммы? (*смотритъ искоса на Скакунова*).

СКАКУНОВЪ (*въ сторону, тоже косясь на него*).

Видишь, проклятая борода откуда заѣзжаетъ! ну да нѣтъ, не надуешь! (*громко*). Нѣтъ, я капитала не имѣю.

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

Такъ, можетъ статья, имѣете какое либо другое имущество?—

СКАКУНОВЪ.

Да, я имѣю имѣніе.

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

Имѣнье? такъ-съ. А гдѣ оно, батюшка, если осмѣлюсь спросить?

СКАКУНОВЪ.

Что? имѣнье-то? тамъ!

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

Гдѣ тамъ-съ?

СКАКУНОВЪ.

Въ Саратовѣ.

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЬ.

Въ Саратовѣ? такъ-съ. Губернія знатная! А какъ велико оно, батюшка, дозвоьте узнать?

СКАКУНОВЪ.

Да по послѣдней ревизіи оно... оно дозвоьте, дозвоьте, (*подымаетъ глаза въ верхъ*) 307 душъ.

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЬ.

307 душъ? и землицы, чай, не мало?

СКАКУНОВЪ.

О! ужъ земли черезъ чуръ даже много.

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЬ.

Такъ, знамо дѣло—степныя мѣста. Имѣете папеньку, или маменьку?

СКАКУНОВЪ.

Нѣтъ, ни кого не имѣю.

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЬ.

И чѣмъ же, дозвоьте узнать, занимаются мужички ваши?

СКАКУНОВЪ.

Они—они занимаются разными ремеслами.

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЬ.

Конечно, главнѣйше земледѣліемъ?

СКАКУНОВЪ.

Да, земледѣліемъ и скотоводствомъ тоже, или правильнѣе сказать,—овцеводствомъ. Вообще, тамъ барановъ огромное количество! (*обращаясь къ Домни Терентьевнѣ*). C'est n'est pas un salambour M-lle (*къ Терентію Савичу*) Я говорю, почтенивѣйшій Терентій Савичъ, что это не каламбуръ или правильнѣе, не острота и это надо было понимать относительно дѣйствительныхъ барановъ, а не то, что людей съ бараньими головами—тамъ совершенно напротивъ.

Я, изволите видѣть, имѣю такую врожденную привычку остричь, что, иной разъ, и не желалъ бы, да остришь по неволѣ.

ТЕРЕНТІИ САВИЧЪ.

Такъ-съ, извѣстное дѣло, вы люди ученые, образованные! (*прежнимъ тономъ*) и большой доходъ съ имѣнья-то получать изволите.

СКАКУНОВЪ.

Какъ случится, годомъ! иной разъ тысячи 4, иной 5, а иной такъ и шесть съ половиной.

ТЕРЕНТІИ САВИЧЪ.

Эвто довольно на прожитье-съ.

СКАКУНОВЪ.

Конечно. Да вѣдь, знаете ли, за то ужъ и живу хорошо. Я и знакомство притомъ долженъ поддерживать съ разными важными эдакими людьми, напр. съ Ченхалидзевымъ княземъ, съ Муравейниковымъ, Васильемъ Михайловичемъ, отставнымъ полковникомъ, человѣкомъ съ огромнѣйшимъ вѣсомъ и разными другими людьми, все хорошими и порядочными.

ТЕРЕНТІИ САВИЧЪ.

Такъ-съ!

СКАКУНОВЪ.

Нельзя же на свѣтѣ прожить безъ знакомства.

ТЕРЕНТІИ САВИЧЪ.

Конечно! на службѣ изволите быть, на виду у начальства?

СКАКУНОВЪ.

О! что до этого касается, такъ ужъ начальники просто не знаютъ со мной что и дѣлать — чуть не на рукахъ несутъ.

ТЕРЕНТІИ САВИЧЪ.

Эдакъ, пожалуй еще, и въ генералы, какъ разъ, батюшка, попадете?

СКАКУНОВЪ.

А что попаду , такъ разумѣется , попаду ! нынче дорожать такими людьми, какъ я: такому человѣку вездѣ открыта дорога.

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

Въ заведеніи какомъ нибудь тоже изволите быть?

СКАКУНОВЪ.

Какъ же, въ одномъ изъ первыхъ.

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

И наукамъ обучались?

СКАКУНОВЪ.

Да, времени даромъ не тратилъ.

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

А вѣдь, это счастье для человѣка-то батюшка! Вѣдь ученый дуракъ и то умнѣе неученаго умника, право-съ!

СКАКУНОВЪ.

Да, это правда.

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

Вѣдь доподлинно говорятъ, что ученье свѣтъ, а неученье-то тьма. Вѣдь иной разъ и простая вещь , а своимъ разумомъ до нея ни за что не дойдешь.

СКАКУНОВЪ.

Рѣшительно, правда.

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

Вотъ ономясь разговорились мы межъ собой, въ лобазѣ-то: отколева дескать вѣтеръ берется? Ну думали, думали, гадали, гадали, а межъ этимъ-то временемъ и подожди къ намъ одинъ сосѣдъ. «О чемъ молъ спорите, господа? Да вотъ молъ, отколева вѣтеръ берется. Эвось, отколева берется! Да надъ нами-то, что? Нѣбо? Нѣбо. А

подъ нами-то земля?—земля. Ну такъ, съ боковъ-то, знамо дѣло, и продуваетъ.

СКАКУНОВЪ.

Такъ, такъ, дѣйствительно такъ, Терентій Савичъ!

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

Да, вѣдь вотъ, кажись, и не мудрая вещь, а безъ ученья-то, подикось, своимъ разумомъ ни за что не дойдешь.

СКАКУНОВЪ.

Такъ, такъ — своимъ разумомъ дойти до этого трудно!
(перемѣляетъ тонъ) Давно вы занимаетесь вашимъ родомъ торговли, Терентій Савичъ?

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

Таки давненько-съ.

СКАКУНОВЪ.

И на большія суммы торгуете вы?

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ (увертывается).

Такъ себѣ-съ.

СКАКУНОВЪ.

Ну, а какъ напримѣръ?

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

Да не равно-съ, вѣдь годъ на годъ не придется.

СКАКУНОВЪ.

Нѣтъ.... эдакъ хоть приблизительно?

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

И приблизительно-то трудно сказать-съ.

СКАКУНОВЪ.

Ну, да хоть какъ нибудь?

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

Да надо полагать, что тысячь за сотню и перейдетъ черезъ руки-то—да-сь. (*Смотритъ на Скакунова*).

СКАКУНОВЪ (*въ сторону*).

Вретъ, я думаю, вретъ. А впрочемъ, чертъ его знаетъ, можетъ статья, и правда. (*громко*) Бываете вы въ театрѣ, Терентій Савичъ?

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

Бываемъ-сь, какъ же, бываемъ.

СКАКУНОВЪ.

И оперу посѣщаете?

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

Это къ Тальянцамъ? Нѣтъ, туда не ѣздимъ мы—билета трудно достать.

СКАКУНОВЪ.

Какъ же это? напрасно, напрасно! (*Качаетъ головой*) Это было бы полезно и для Домны Терентьевны. (*обращаясь къ ней*) Вы, вѣроятно, любите музыку, сударыня?

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА.

Да-сь, я ее очень люблю.

СКАКУНОВЪ.

Какую же вы предпочитаете?

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА.

Польки-сь.

СКАКУНОВЪ.

А! значитъ вы любите больше веселую—это, однако же, хорошо! (*въ сторону*) Кажется, что она и въ этомъ ни черта не смыслить. Ну, да чтожъ, не велика бѣда! у насъ вѣдь почти на половину, по выходѣ замужъ, бросаютъ весь этотъ вздоръ. Извѣстное дѣло, дѣвушка для того только учится разнымъ искусствамъ, чтобы женихъ нашель

ее, какъ слѣдуетъ, какъ ни поверни, чтобъ со всѣхъ сторонъ была хороша. (*Громко*) Однакожь, я позабылъ обо всемъ въ вашемъ пріятномъ обществѣ, Терентій Савичъ. Позвольте мнѣ наконецъ съ вами проститься — мнѣ надо еще быть въ одномъ мѣстѣ по одному дѣлу.

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

Не можемъ васъ задерживать, батюшка.

СКАКУНОВЪ.

Такъ до свиданья! (*обращаясь къ дамѣ Терентевнѣ*)
Au revoir, M-lle n'est-ce pas?

ДАМА ТЕРЕНТЬЕВНА.

Au revoir, M-r.

СКАКУНОВЪ.

Croyez moi, le temps, que j'ai passé avec vous, M-lle est le plus heureux temps de toute ma vie. Прощайте, добрыйшій Терентій Савичъ! Прощайте, Марѳа Ивановна!

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

Прощайте, батюшка! просимъ милости не забывать.

СКАКУНОВЪ.

Прощайте, покорнѣйше васъ благодарю! (*Раскланивается и идетъ къ дверямъ; всѣ его провожаютъ*).

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ 2-Е.

ЯВЛЕНІЕ I-е.

Декорация таже; Терентій Савичь сидитъ одинъ задумавшись.

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЬ.

Дѣло идетъ, кажись, на ладъ! Какъ ни переворачиваль, съ какихъ сторонъ ни осматриваль—все выходитъ хорошо. И къ лакею подсымалъ, и виномъ его опаиваль, и товарищей допрашиваль, все оказалось справедливо. Лакей стоитъ на томъ, что 300 душъ, и такъ красно рассказалъ, что старосту и многихъ мужиковъ поназываль; товарищи тоже хорошо говорятъ, и съ какими-то князьями знакомъ,—поди, чего добраго, и мы за ними выльземъ въ люди. (*Озадаченный*) Ну, а что если онъ да надувать меня? (*спокойно*) А коли и надувать, такъ я не въ потерѣ. Кто ее изъ хорошихъ-то возметъ, пронохамши, что за ней всего 5 тысячъ? Да, тутъ надобно повести дѣло умно, чтобы и онъ какъ нибудь не поразнохалъ, не то какъ разъ дастъ тягу. А главное дѣло—денегъ-то до вѣнца не выдавать. Межъ этимъ же временемъ и Кондратій-то Тихонычъ соберетъ намъ извѣстія, да и вышлетъ ихъ изъ Саратова. (*Кричитъ*) Домна! Домнушка!

ЯВЛЕНІЕ II-е.

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА (входитъ).

Что, папенька?

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЬ.

Подь-ко сюда, садись.

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА (сидясь).

Чего изволите?

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

Что же? какъ ты думаешь на счетъ, такъ сказать, жениха-то?

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА.

Да что, папенька? Онъ мнѣ не нравится.

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

Эвто почему?

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА.

Да онъ, папенька, статскій.

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

Поговорико-съ ты мнѣ еще, такъ я тебѣ задамъ такого штацкаго, что ты у меня и своихъ не узнаешь.

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА.

Вотъ, вы ужъ и браниться начинаете.

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

Да по неволѣ бранишь, коли ты врешь чепуху.

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА.

Какую же я вру чепуху?

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

Да какже! не нравится отъ того-де, что штацкій.

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА.

Ахъ, папенька! вы вовсе не похожи на иѣжнаго отца!

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

А на кого же я похожъ, по твоему? на черта, что ли?

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА.

Вы не отецъ, а тиранъ.

ТЕРЕНТИЙ САВИЧЬ.

Вишь ты ужъ и въ тираны попалъ!

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА.

Да говорите, что хотите, а я знаю, что выйдетъ изъ этого.

ТЕРЕНТИЙ САВИЧЬ.

А что выйдетъ, по твоему?

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА.

То, что вы погубите меня!

ТЕРЕНТИЙ САВИЧЬ.

А я те говорю, что нѣтъ.

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА.

А я вамъ говорю, что да! Вотъ я когда нибудь пойду гулять съ мужемъ, онъ нечаянно толкнетъ офицера, а офицеръ велитъ его взять въ полицію (*плачетъ*).

ТЕРЕНТИЙ САВИЧЬ.

Эку штуку отмочила! изъ какой книжки ты это вычитала? глупая, глупая дѣвка! кто те навралъ все эвто?

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА.

Ну ужъ, навралъ не навралъ, а я не пойду за статскаго.

ТЕРЕНТИЙ САВИЧЬ (*поглаживая бороду*).

Не ври—пойдешь!

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА.

Не пойду.

ТЕРЕНТИЙ САВИЧЬ.

Пойдешь!

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА.

Не пойду, не пойду, не пойду!

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

Домна !

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА.

Что ?

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

А читала-ль ты книжку?

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА.

Какую?

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

Про непокорную и преступную дочь Аделаиду?

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА.

Это та, что у васъ въ спальнѣ—то валяется?

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

Да.

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА.

Да помилуйте, папенька ! какъ же я ее стану читать , когда она похожа не на книжку, а на блинъ засаленный?

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

Ахъ ты эдакая дурища ! Да какъ ты смѣешь мнѣ говорить эвто, коли я самъ ее читаю?

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА.

Да чтожъ , коли она и въ самомъ дѣлѣ похожа на блинъ?

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

Да что ты хорохоришься—то больно ? Что ты милліонщица, что ли?

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА.

Разумѣется, я богатая невѣста.

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

А какъ, къ примѣру сказать, велико твое богатство-то, ну-тка?

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА *(нерешительно)*.

Да Прасковья Ивановна говоритъ....

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

Ну, ну, что она говоритъ?

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА.

Что вы дадите за мной сто тысячъ...

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

Вишь ты! скажи-ка ты ей, чтобы она не вралъ пустяковъ-то, старая дура!

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА.

А то сколько же вы дадите за мной?

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

Пять тысячъ—и все тутъ.

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА *(припрыгиваетъ на лѣсть)*.

Да помплуйте, папенька! Кто же меня возьметъ съ пятью-то тысячами?

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

А вотъ видишь, нашелся же человекъ, что беретъ,

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА.

Да онъ думаетъ, что вы дадите больше.

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ *(спокойно)*.

А коли думаетъ, такъ и пушай себѣ думаетъ.

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА.

А какъ онъ да узнаетъ?

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ *(поглаживая бороду)*.

Не бось, не узнаетъ.

ДОМНА ТЕРЕЦЬЕВНА.

Помилуйте, папенька! Вѣдь, у васъ есть еще деньги.

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

Гдѣ онѣ есть-то?

ДОМНА ТЕРЕЦЬЕВНА.

Какъ гдѣ? Вѣдь вы купецъ?

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

Такъ ништо у купцовъ-то ихъ и куры не клюютъ?

ДОМНА ТЕРЕЦЬЕВНА *(съ отчаяніемъ).*

Господи Боже мой! Что же это будетъ со мной?

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

А будетъ хорошо, коли выйдешь.

ДОМНА ТЕРЕЦЬЕВНА.

Да я бы пожалуй и рада, да онѣ не возьметъ.

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

Не бось, возьметъ. Слушайся меня, Домна; будь умна и не ври пустяковъ. Слышь ты, онѣ богатый помѣщикъ и служить. Ты то не забудь, что будешь чиновница, помѣщица, а по времени, можетъ стать, и генеральша.

ДОМНА ТЕРЕЦЬЕВНА.

Какъ же, сейчасъ, генеральша!

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

Да, ты что думала? Вѣдь онѣ воспитанный, ученый и у начальства на виду.

ДОМНА ТЕРЕЦЬЕВНА.

Вотъ какъ онѣ солгалъ объ имѣньи-то, такъ и будетъ вамъ на виду!

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЬ.

Не должно быть. Лучшаго жениха тебѣ во вѣки вѣковъ не найти. Вишь ты, какой онъ фуфуря, просто не подступайся. Ступай-ка, да приодѣнься, можетъ статься онъ скоро пріѣдетъ.

ДОМНА ТЕРЕПТЬЕВНА.

Хорошо!

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЬ.

То-то же хорошо. Ступай-ко-съ, ступай. (*Домна Терептьевна печально уходитъ*).

Я В Л Е Н І Е III-е.

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЬ (*одинъ*).

Ну, эвто порѣшили! А и поживемъ же мы теперева на счетъ нашего зятя! Поступимъ въ хорошія знакомства; будемъ все водиться съ дворянами, да съ чиновниками! Какъ дадимъ балъ, такъ гости-то словно воронѣ налетятъ со всѣхъ сторонъ. Гуляй тогда Терентій Саввичъ! Въ уваженьи будешь жить, въ общемъ почетѣ. Эхма! важнѣющее житье, то есть все бы на свѣтѣ отдалъ, чтобы попасть въ дворяне. (*Подумавъ*) Вотъ, одна только бѣда, какъ я съ нимъ-то потомъ раздѣлаюсь? Вѣдь онъ тоже, должно быть, мѣтить не на копѣйки. А пушай себѣ мѣтить, коли мѣтитъ. Я вѣдь ему ни слова не говорилъ, да и не скажу. Наплюетъ ништо въ бороду, а потомъ помпрится. Я вѣдь не одинъ надуваю на свѣтѣ-то—ужъ эвто такой законъ намъ положенъ: Не клади пальца въ ротъ, тотчасъ откусятъ. (*звонокъ*) Ахти, Господи, никакъ онъ! Маланья? (*входитъ Маланья*) Поди поскорѣй, отопри, да попроси пообождать. (*Поспѣшно уходитъ, Маланья идетъ въ переднюю и черезъ нѣсколько минутъ вводитъ Скакунова*).

ЯВЛЕНІЕ ІV-е.

СКАКУПОВЪ (Маланья).

Такъ ты говоришь, дома?

МАЛАНЬЯ.

Дома-съ, они просили пообождать.

СКАКУПОВЪ.

Хорошо, милая, я подожду (*Маланья уходитъ; небольшое молчаніе*). Дѣло, кажись, идетъ на ладъ, какъ ни перерачиваль, съ какихъ сторонъ не разсматриваль, все есть выгода. У кого ни спрашиваль — всѣ говорятъ, что мой пузастый лобазникъ имѣетъ деньгу; только бы гораздо лучше вытерebить ее до вѣнца, оно какъ-то на совѣсти спокойнѣй, коли обезпеченіе лежитъ въ карманѣ. Ну, а что коли онъ да не дастъ? Э, и тогда можно согласиться. — Вѣдь у него одна дочь, такъ для какого же черта ему деньги? (*воодушевляется*) А ужъ и поживу же я на счетъ моего бородача! Все изъ него повытресу! Ужъ коли и свяжусь съ нимъ, такъ не даромъ, — пусть, чертъ его побери, откупается отъ меня за мое самоотверженіе! То-то я задамъ тогда тону! Буду давать балы! Заведу лошадей! Отдѣлаю квартиру! Познакомлюсь еще съ важнѣйшими людьми, чѣмъ Ченхалидзевъ и Муравейниковъ! Они, коли правду сказать, такъ вовсе не то чтобы очень... У Ченхалидзева-то за душой ни кола, ни двора: онъ изъ тѣхъ князей, что заселяютъ цѣлые уѣзды въ степныхъ губерніяхъ. А Муравейниковъ и того чище, нужды нѣтъ, что отставной полковникъ: въ отставку выкатилъ по какимъ-то неприятностямъ, какъ самъ говоритъ, и вотъ уже три года ищетъ по Петербургу виднаго мѣста, да все не находитъ. Половина моихъ остальныхъ пріятелей тоже все люди нѣсколько двусмысленные, напр. хотъ этотъ Подкузмиловъ — сплетникъ и шаромыжникъ отъявленный. Нѣтъ, господа, adieu! Мы съ вами разлучимся и поста-

раемся попасть какъ нибудь эдакъ повыше. На счетъ Домны я не боюсь: я ужъ сбиль ее вполонину съ толку, держу пари, что лобью сего дня и окончательно. Надо ей только объясниться въ любви, непременно надо, потому что безъ объясненія въ любви никакъ не проникнешь къ женскому сердцу. (*Подумавъ*) Одна только бѣда—какъ я потомъ раздѣлаюсь съ моимъ тестемъ? Вѣдь рано или поздно, а онъ узнаетъ, что я его надулъ. А что мнѣ тогда за дѣло? Вѣдь въ глаза наплевать и другой какой либо тяжкой обиды нанести не посмѣтъ: я дворянинъ и не позволю съ собою такъ обращаться! За малѣйшую дерзость я ему, просто, всю бороду выщеплю, да и дѣло будетъ съ концемъ! Да! Господи Боже мой! Чѣмъ же я виноватъ въ этомъ надувательствѣ? Вѣдь это единственный случай, гдѣ я рѣшаюсь почти что на явную-то подлость. Въ другихъ я поступалъ такъ, что ко мнѣ нельзя было прицѣпиться. Чтожъ дѣлать? Тутъ идетъ о счастіи всей моей жизни и ничто не должно останавливать меня. Какъ Наполеонъ, изотру въ прахъ, что попадется на пути къ моему возвышенію! Отпусти же мнѣ, Создатель, мое прегрѣшеніе, какъ я прощаю и отпускаю всѣмъ другимъ надувшимъ меня.

ЯВЛЕНІЕ V-е.

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА (*быстро входитъ*).

Ахъ!

СКАКУНОВЪ.

Домна Терентьевна! (*смотритъ на нее съ нѣжностію*).—

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА.

Извините, я думала, что здѣсь папенька.....

СКАКУНОВЪ.

А меня развѣ вамъ непріятно видѣть?

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА.

Нѣтъ... ничего... Но я думала, что здѣсь папенька...
Садитесь, прошу васъ.

СКАКУНОВЪ (*садясь*).

Смѣю ли я сидѣть въ вашемъ присутствіи?

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА (*съ удивленіемъ*).

Помилуйте! Что вы это, Ермолай Ивановичъ?

СКАКУНОВЪ.

Скорѣе помилуйте вы меня, Домна Терентьевна! Вѣдь
въ вашихъ рукахъ и жизнь и смерть моя.

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА.

Господи Боже мой! Да вы совершенно поразили меня
такими словами.

СКАКУНОВЪ (*въ сторону*).

Ага! сама сознается, что поразила.

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА.

Я совершенно мнѣ сконфужена.

СКАКУНОВЪ.

Чего же тутъ конфузиться, Домна Терентьевна! Развѣ
можно конфузиться такихъ возвышенныхъ чувствъ, какъ
мой?

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА.

Ахъ, Ермолай Ивановичъ!...

СКАКУНОВЪ.

Нѣтъ, скажите—развѣ можно ихъ конфузиться? (*Домна
Терентьевна молчитъ*). Отвѣчайте же, Домна Терентьевна!
(*въ сторону*) Эхъ, какъ я ее зарѣзалъ! Просто, всѣ спо-
собности уничтожилъ! Впрочемъ, я давно зналъ, что на

женщину смѣлостію да нечаянностію скорѣй всего подѣйствуетъ. (*Громко*) Что же вы не отвѣчаете мнѣ?

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА.

Я, право, не знаю.

СКАКУНОВЪ.

Скажите—сочувствуете вы любви моей?

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА.

А развѣ вы любите меня?

СКАКУНОВЪ.

Какъ люблю ли? Да неужели же, послѣ столькихъ доказательствъ, вы еще можете во мнѣ сомнѣваться, струна души моей?

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА.

Вы обманщикъ!

СКАКУНОВЪ.

Кто? Я обманщикъ? Вотъ ужъ, рѣшительно, грѣхъ-то вамъ обижать честнаго человѣка!

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА.

Вы мужчина.

СКАКУНОВЪ.

А вы женщина, Домна Терентьевна, да еще и какая прекрасная женщина! Нѣтъ, скажите, за чѣмъ вы такая прекрасная женщина?

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА.

Такъ вы, и въ самомъ дѣлѣ, находите меня прекрасной?

СКАКУНОВЪ.

Разумѣется.

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА.

И вы влюблены въ меня?

СКАКУНОВЪ.

Просто, по уши!

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА.

Можетъ ли быть?

СКАКУНОВЪ.

Даже еще хуже....

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА.

Скажите, чѣмъ же я такъ плѣнила васъ?

СКАКУНОВЪ.

Всѣмъ, Домна Терентьевна, рѣшительно всѣмъ: много было женщинъ, которыхъ любилъ я, много было женщинъ, по которымъ страдалъ я, но ни одну я такъ не любилъ и ни по одной я такъ не страдалъ, какъ страдаю по васъ, обожаемая Домна Терентьевна! Надобно вамъ сказать, что я человѣкъ страннаго сорта. Я прожилъ и выстрадалъ цѣлыя столѣтiя, потому что страданiя не мѣняются часами и временемъ. Половина души моей въ нихъ сгорѣла, а другая живетъ и дѣйствуетъ и мучитъ меня. Я жажду любви, какъ жаждетъ путникъ въ степяхъ Аравiйскихъ. Гдѣ мнѣ найти ее? Въ васъ! въ васъ я обрѣту мое блаженство! Уста наши сольются устами въ уста. Жизнь пролетитъ однимъ мгновеньемъ, въ чудныхъ сердца сновидѣньяхъ и... *(быстро хватаетъ ее за руку).*

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА *(визжитъ и вырывается).*

Ахъ! Отстаньте, Ермолай Ивановичъ—папенька идетъ!

СКАКУНОВЪ.

Что папенька! Развѣ есть для любящихся сердецъ и папенька и маменька?

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА.

Нѣтъ, отстаньте, пожалуйста!

СКАКУНОВЪ.

Скажите—согласны ли вы отвѣчать страсти моей?

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА.

Отстаньте, сдѣлайте милость!

СКАКУНОВЪ.

Скажите—сочувствуете ли мнѣ?

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА.

Сдѣлайте милость, отстаньте.

СКАКУНОВЪ.

Я вамъ предлагаю руку и сердце—согласны ли вы?

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА.

Ну да, да да!... Ахъ Господи — что я сказала? (*вырывается и хочетъ бѣжать*).

СКАКУНОВЪ (*загораживаетъ ей дорогу*).

Домна Терентьевна! Куда вы?— обожаемая мною Домна Терентьевна!

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА.

Пустите, пустите! Вы забываете, что я скромная дѣвица и мнѣ стыдно говорить съ женщиной! (*убѣгаетъ*).

Я В Л Е Н І Е VI-е.

СКАКУНОВЪ.

Каково! Каково, чортъ побери! Да будь я подлець, и не честный человекъ, коли я не Донъ Жуанъ, или, по крайнѣй мѣрѣ, не Ловелась! Побѣдилъ, рѣшительно побѣдилъ, какъ не упиралась моя Домна! Половина дѣла сдѣлана. Гуляй теперь, Ермолай Ивановъ! Получай свои 100 или 50 тысячъ и живи потомъ... (*Входитъ Терентій Савичъ*) А, Терентій Савичъ, мое почтеніе!

Я В Л Е Н І Е VII-е.

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ (*холодно*).

Здравствуйте-съ!

СКАКУНОВЪ.

Какъ ваше здоровье, почтенный мой?

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

Слава Богу-съ, милости просимъ садиться.

СКАКУНОВЪ.

Покорнѣйше васъ благодарю.

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

Не взыщите, что заставили маненечко дожидаться.

СКАКУНОВЪ.

Ничего, я вѣдь говорилъ здѣсь съ Домной Терентьевной.

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ (*оглядывается*).

Гдѣ же она?

СКАКУНОВЪ.

Да она сей часъ за чѣмъ то-вышла.

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

Напрасно не подождала меня.

СКАКУНОВЪ.

Отчего же?

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

Такъ-де, непригоже гостей-то оставлять однихъ.

СКАКУНОВЪ.

Помилуйте, Терентій Савичъ! Я ей долженъ быть благодаренъ и за тѣ несказанно пріятныя минуты, которыя здѣсь провелъ съ нею.

ТЕРЕНТІЙ САВВИЧЪ.

Такъ-съ! А о чемъ же вы поговорили?

СКАКУНОВЪ.

Мы говорили, говорили... Да мы о многомъ кой о чемъ говорили (*въ сторону*). Плутуетъ, ей Богу, плутуетъ, проклятая борода! Держу пари, что все время подслушивалъ за дверьми.

ТЕРЕНТІЙ САВВИЧЪ.

Такъ о чемъ же вы толковали съ ней, батюшка?

СКАКУНОВЪ.

Послушайте, Терентій Саввичъ!

ТЕРЕНТІЙ САВВИЧЪ.

Что вамъ угодно, Ермолай Иванычъ?

СКАКУНОВЪ.

Я съ вами долженъ наконецъ говорить откровенно.

ТЕРЕНТІЙ САВВИЧЪ.

Ну-съ, говорите.

СКАКУНОВЪ.

Что жъ тутъ молчать, когда душа заговорила? Я люблю дочь вашу, Терентій Саввичъ!

ТЕРЕНТІЙ САВВИЧЪ.

Что-съ? Какъ-съ? (*смотритъ на Скакунова, Скакуновъ въ свою очередь смотритъ тоже на него*) Можетъ статья, не обслышался ли я, батюшка?

СКАКУНОВЪ.

Какъ обслышались? Я вѣдь сказалъ, кажется, довольно ясно. (*Въ сторону*) Что же, это, чертъ побери, онъ на меня и глаза-то вытирашилъ, точно вовсе и не ожидалъ? (*громко*)

Я говорю , Терентій Саввичъ , что я влюбленъ въ Домну Терентьевну .

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

Вотъ какъ-съ!

СКАКУНОВЪ.

Да , я говорилъ уже съ ней и она мнѣ отвѣчаетъ...

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

Говорили ? Отвѣчаетъ ? Не хорошо , батюшка Ермолай Ивановъ , очень не хорошо ! Между добрыми людьми эдакъ не водится — сбивать дѣвку съ толку , не переговоримши съ отцемъ . Да и она еще вздумала отвѣчать ! Вотъ я ей уже задамъ отвѣчанье ! А вамъ такъ и очень стыдно .

СКАКУНОВЪ (*въ сторону*).

Ахъ ты , чертовъ козелъ ! Еще не будучи моимъ тестемъ , да ужъ и распекать меня начинаешь ! Пстой , дай лишь только получить твои деньги , а тамъ я тебѣ утру носъ . (*громко*) Помилуйте , Терентій Саввичъ ! Что вы ? Вѣдь я только такъ... Я и не думалъ васъ этимъ обидѣть... Я съ добрымъ намѣреніемъ....

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

А еще бы , батюшка , съ дурнымъ ? Кто входитъ къ намъ съ дурнымъ намѣреніемъ въ домъ , такъ мы того , не въ обиду вамъ будь сказано , и по шеямъ отселева гоняемъ .

СКАКУНОВЪ.

Терентій Саввичъ ! Терентій Саввичъ ! Какія слова !

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

Да что-же , батюшка ? Слова очень справедливыя . (*помолчавъ*) Такъ вы изволите говорить о любви вашей что же ? Какъ мнѣ прикажете разумѣть это ?

СКАКУНОВЪ.

Да разумѣть очень просто , — я прошу руки Домны Терентьевны .

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

Руки вы просите? Такъ-съ. Я отъ себя скажу вамъ, что и самъ бы, пожалуй, не прочь отъ эдакой чести—что же? Вѣдь вы человѣкъ, кажется, тоже хорошій... и своимъ родствомъ намъ безчестья не нанесете.

СКАКУНОВЪ.

О! ужъ конечно, (*въ сторону*) то есть я, рѣшительно, почти уничтожень! Каково? Этотъ проклятый бородачъ еще толкуетъ, что я ему не нанесу безчестья! Я думалъ, что за мое предложенье онъ бросится цѣловать миѣ руки, а онъ... Не понятно, совсѣмъ не понятно!

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

Только вамъ, какъ человѣку ученому, должно быть извѣстно, что женитьба дѣло не шуточное; вамъ придется не одинъ годъ прожить съ Домной; придется, можетъ статься, и дѣточекъ произвести на свѣтъ.

СКАКУНОВЪ.

О! вѣроятно!

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

Такъ надобно подумать и объ нихъ. Имѣете ли вы достаточныя средства на пропитанье семейства вашего?

СКАКУНОВЪ.

Средства? Да вѣдь, я думаю, онѣ вамъ извѣстны?...

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

Эвто то, что вы говорить-то изволили? Имѣнье то?

СКАКУНОВЪ.

Да!

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

Да вѣдь знаете ли что, Ермолай Иванычъ?

СКАКУНОВЪ.

Нѣтъ не знаю, добрѣйшій Терентій Саввичъ.

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

Вѣдь иной разъ говорится про имѣнье-то такъ себѣ.

СКАКУНОВЪ.

Какъ такъ себѣ?

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

Да такъ, что называется пыли въ глаза напущать.

СКАКУНОВЪ.

Помилуйте!

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

Нѣтъ, я вѣдь эвто только къ слову сказалъ. Конечно, я за Дамной тоже дамъ кое-что, да все же, знаете, не приходится ее отдавать за какого нибудь голяка, аль прощальгу.

СКАКУНОВЪ.

Помилуйте, Терентій Саввичъ! Что вы это говорите? Голякъ! Прощальга! Тьфу! Просто, Богъ знаетъ что!

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

Нѣтъ, батюшка, эвто просто вѣдь къ слову пришлось. (молчитъ) Такъ какъ же на счетъ имѣнья-то-съ! вы, и вправду, имѣете все, что говорили-то, ась?

СКАКУНОВЪ.

Ужъ разумѣется. (Въ сторону) Нѣтъ, этотъ боровъ не такъ глупъ, какъ я сначала воображалъ. Признаюсь, можно подумать, что онъ читаетъ всѣ мысли мои.

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

Чортъ его вѣдасть — ни крошки и не замѣшался! и плюется и обижается—должно, что правда. (Громко) Я, батюшка, признаться сказать вамъ, ужъ тертый калачъ. Меня

надуть, охъ куды трудновато! Слава те Господи—не первый годъ торгуемъ—торговцы извѣстные! Я наводилъ объ васъ разныя справки и отъ того-то и вѣрю вамъ, что онѣ оказались всѣ справедливы.

СКАКУНОВЪ (*въ сторону*).

Эге! Вотъ оно что! Знаю я давно, что ты приходилъ къ Ивану и спрашивалъ моихъ товарищей... Этимъ-то мы тебя и поддѣли. (*Громко*) Такъ какъ же, Терентій Саввичъ?

ТЕРЕНТІЙ САВВИЧЪ.

Да чтожъ, батюшка? Коли вы ужъ такъ очень крѣпко влюбились, такъ возмогу ли я отказать? Возмогу ли я, коль она моя дщерь, Ермолай Ивановичъ! Вѣдь не лютый я звѣрь! Не безчувственный скотъ!

СКАКУНОВЪ.

Терентій Саввичъ! Батюшка! Паленька!

ТЕРЕНТІЙ САВВИЧЪ.

Ермолай Иванычъ! сынъ мой! дитя ты мое возлюбленное! Я, признаться, давнымъ давно хотѣлъ имѣть тебя зятемъ! Дай Богъ тебѣ прожить счастливо съ моей Домной! Береги ее, какъ я берегъ! Люби, какъ я любилъ! Вѣдь она моя единственная дщерь, мое единственное сокровище! (*оба плачутъ и цѣлуются*).

СКАКУНОВЪ (*освобождаясь изъ объятий*).

Ахъ, какъ я счастливъ!

ТЕРЕНТІЙ САВВИЧЪ.

Ангели Господни радуются, смотря съ небеси на нашу радость!

СКАКУНОВЪ.

Терентій Саввичъ!

ТЕРЕНТІЙ САВВИЧЪ.

Что, братъ, Ермолай Иванычъ?

СКАКУНОВЪ.

Вѣдь вы отецъ существа , которое для меня теперь дороже всего !

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

А ты, братъ, будущій мужъ эстаго существа!

СКАКУНОВЪ.

Вѣдь вы должны заботиться о ея счастіи?

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

Все одно, какъ и ты, Ермолай Иванычъ.

СКАКУНОВЪ.

По этому-то я и хочу спросить васъ, будущій родитель мой....

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

Что?

СКАКУНОВЪ.

Что же вы дадите за ней?

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

Ермолай Иванычъ ! Не заботься ты , братъ, объ эвтихъ пустякахъ.—Будешь всѣмъ удовлетворенъ, не обижу тебя!

СКАКУНОВЪ.

Оно такъ... Да все таки...

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

Полно, полно, и не говори лучше ! Вѣдь она моя единственная дочь—такъ кому, какъ не ей , оставлю я всѣ богатства свои ? Не бойся, не обману ! Не положу худой славы на свою сѣдую голову при старости лѣтъ ! Слава те Господи, не первый годъ торгуемъ—торговцы извѣстные!

СКАКУНОВЪ.

Мнѣ говорили, что вы даете за ней 100,000 руб.?

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

Сто не сто, а будешь доволенъ!

СКАКУНОВЪ.

Такъ лучше бы ихъ получить до вѣнца....

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ (*замотавъ головой и за-
матавъ руками*).

Нѣтъ, нѣтъ, эвтаго ты, братъ, мнѣ и говорить не моги!
Я поклялся не дѣлать эвтаго и не сдѣлаю.

СКАКУНОВЪ.

А ужъ какъ бы мы стали почитать васъ, Терентій Сав-
вичъ! Мы бы васъ стали на рукахъ носить! Вы бы у насъ
какъ сыръ въ маслѣ катались!

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

Да ужъ это извѣстное дѣло. Еще бы вы вздумали не
почитать-то меня!

СКАКУНОВЪ.

Такъ какъ же, Терентій Саввичъ?

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

Да ужъ такъ. Положись, братъ, на мою совѣсть! Вѣдь
она у меня единственная дщерь, такъ мнѣ некому отдать
окромѣ ея. Не бойся, не обману! Не осрамлю своей сѣдой
головы при преклонности лѣтъ! Не первый годъ торгуемъ—
торговцы извѣстные!

СКАКУНОВЪ (*въ сторону*).

Ну, чортъ съ нимъ, пускай! (*громко*) Нечего дѣлать, я
согласенъ!

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

Ухъ! Обдуди! Слава те Господи! (*громко*) Вотъ это ладно!
Вотъ мы кликнемъ-ко невѣсту и мать. (*Кричитъ*) Марѣа
Ивановна! Доша! (*онѣ входятъ*),

Я В Л Е Н І Е VIII-е.

МАРФА ИВАНОВНА.

Что, Терентій Саввичъ?

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА.

Что, папенька?

ТЕРЕНТІЙ САВЧЪ.

Подите сюда (*помолчавъ*). Вотъ, Марфа Ивановна, Ермолай Иванычъ просить руки Дошиной.

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА.

Ахъ!

МАРФА ИВАНОВНА.

Ну! чего ты испугалась, глупая?

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА.

Не пугайтесь, обожаемая Домна Терентьевна!

ТЕРЕНТІЙ САВЧЪ.

Что же? Согласна ли ты, Марфа Ивановна?

МАРФА ИВАНОВНА.

Коли ты согласенъ, такъ и я. Ты мужъ и голова моя—смѣю ли я прекословить?

ТЕРЕНТІЙ САВЧЪ.

Ну, а ты, Домна! Согласна ли сочетаться законнымъ бракомъ съ этимъ господиномъ?

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА.

Я, папенька?... я, я согласна...

СКАКУНОВЪ.

Милая Домна Терентьевна!

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

Благослови же ихъ, Марѳа Ивановна.

МАРѢА ИВАНОВНА.

Господи васъ благослови!

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

Ну, подите же теперева ко мнѣ, дѣти мои! (*они подходятъ*) Будьте счастливы на... на... на долгую жизнь! Будьте утѣхой другъ дружкѣ и намъ старикамъ, при преклонности лѣтъ!... (*Рыданія прерываютъ его голосъ*) Нѣтъ! Не могу больше и говорить! Подлинно, Господь наградилъ меня эвдакимъ бракомъ, за мою простоту! Я такъ радъ, что... что должно, что и ангели Божіи радуются, смотря съ небеси, на мою радость (*занавѣсь опускается*).

КОНЕЦЪ ВТОРАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ 3-Е.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Квартира Скакуновыхъ, отдѣланная довольно богато.— Скакуновъ ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ, жена его сидитъ на диванѣ.

СКАКУНОВЪ (*останавливаясь передъ женою*).

Ну, Додо! Наконецъ мы счастливы и сочетались законнымъ бракомъ!

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА.

Ахъ, Лоло! Я такъ счастлива, такъ люблю тебя! Ты научилъ меня вполне всѣмъ сладостямъ любви. Какъ отлично будемъ жить мы съ тобою!

СКАКУНОВЪ.

Все для тебя, мой безцѣнный ангелъ!

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА.

И какъ прекрасно убралъ ты квартиру! Я очарована, я никогда не видала лучше ея. Вѣдь папенька, не въ обиду ему будь сказано, живетъ совсѣмъ не по-людски.

СКАКУНОВЪ.

Да, убрать-то ее я убралъ, только для этого долженъ былъ дать вексель въ 3 тысячи серебромъ. Надо поскорѣй вытормошить деньги да расплатиться: друзья и пріятели тутъ ужъ не помогутъ.

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА.

Чтожъ ты молчишь, мой безцѣнный другъ?

СКАКУНОВЪ.

Отъ счастья , душа моя , отъ черезъ - чуръ полного счастья.

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА.

Мы заведемъ съ тобою лошадей ! Тебѣ пришлютъ ихъ изъ деревни , не правда ли ? Вѣдь ты говорилъ , что пришлютъ ?

СКАКУНОВЪ.

Какъ же , какъ же , непременно пришлютъ .

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА.

Мы будемъ давать балы , къ намъ будутъ съѣзжаться князья и графы , не правда ли ? Вѣдь ты говорилъ , что они будутъ съѣзжаться ?

СКАКУНОВЪ.

Еще бы не съѣзжаться ! Непременно всѣ приѣдутъ .

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА.

Зиму мы будемъ жить здѣсь ; будемъ ѣздить въ дворянское собраніе , въ оперу , въ маскарадъ , а лѣтомъ поѣдемъ въ твою деревню , въ Саратовъ . Не такъ ли ? Поѣдемъ ?

СКАКУНОВЪ.

Поѣдемъ , душа моя , коли только Начальство отпустить .

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА.

Да какъ же оно можетъ не отпустить ? Твои начальники должны принять въ соображеніе , что мы недавно обвинялись и хотимъ насладиться всѣми удовольствіями супружества . Притомъ же я вовсе не знаю , что такое деревня и желаю узнать деревенскую жизнь . А не правда-ли , что она очень пріятна ? Вѣдь у тебя въ деревнѣ есть домъ ?

СКАКУНОВЪ.

Есть .

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА.

Большой?

СКАКУНОВЪ.

Большой. Вѣдь ты помнишь, душа моя, что я даже чертилъ тебѣ планъ этого дома?

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА.

Помню. А что, онъ каменный или деревянный?

СКАКУНОВЪ.

Такъ себѣ, въ половину каменный, а въ половину деревянный.

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА.

И можно въ немъ давать балы?

СКАКУНОВЪ.

И очень даже.

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА.

Къ намъ будутъ съѣзжаться сосѣдніе помѣщики?

СКАКУНОВЪ.

Будутъ.

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА.

Вечеромъ когда нибудь мы сядемъ въ дубовой рощѣ...

СКАКУНОВЪ.

Тамъ вѣтъ дубовой рощи.

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА.

А какая же?

СКАКУНОВЪ.

Тамъ все соснякъ, да ельникъ.

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА.

Ну все равно, мы расположимся съ тобой и подь сосной и будемъ пить чай! Вѣдь мы будемъ пить чай?

СКАКУНОВЪ.

Отчего не будемъ—будемъ, душа моя.

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА.

А въ виду у насъ будетъ стадо барашковъ! Ахъ, я очень люблю барашковъ! Есть ли тамъ барашки, другъ мой?

СКАКУНОВЪ.

Какъ не быть, есть!

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА.

Ихъ будутъ пасти пастушокъ съ пастушкой. Вечеромъ будетъ къ намъ приходить староста, я ему буду отдавать приказанія. Вѣдь ты позволишь мнѣ отдавать приказанія?

СКАКУНОВЪ.

Душа моя, располагай не только старостой, но и мной самимъ.

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА.

Я буду распоряжаться кого похвалить, а кого наказать. Вѣдь все, что мое—то твое, а что твое—то мое, не правда ли, другъ мой?

СКАКУНОВЪ (*цѣлуетъ ее*).

Все, все, ангелъ! И я самъ весь твой до гроба.

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА.

И какъ я тебѣ благодарна, Лоло, что ты не велѣлъ принимать разныхъ моихъ дяденекъ и тетенекъ! Вѣдь это неприлично теперь въ нашемъ новомъ и важномъ положеніи.

СКАКУНОВЪ (*въ сторону*).

Вотъ только бы мнѣ получить деньги, а тамъ можно не только какого нибудь дяденьку, да и самаго милаго тятеньку выгнать въ шею—чортъ его побери!

ЯВЛЕНІЕ II-е.

ИВАНЪ *(входитъ)*.

Его Сіятельство, князь Иванъ Петровичъ Ченхалидзеъ!

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА.

Ахъ Боже мой! Князь, князь пріѣхалъ. (*Вертится на стуль и оправляется*).

СКАКУНОВЪ.

Проси.

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА.

Лоло! Я думаю, что мнѣ надобно переодѣться.

СКАКУНОВЪ.

Къ чему, душа моя? Ты и такъ прилично одѣта. Вѣдь человѣкъ коротко знакомый, почти что свой.

ЯВЛЕНІЕ III-е.

ЧЕНХАЛИДЗЕВЪ *(входитъ)*.

Ермолай Иванычъ! Домна Терентьевна! *(раскланивается)*
 Простите, можетъ быть мой приходъ нѣсколько и не въ пору, потому что теперъ для васъ созерцанье другъ друга должно быть пріятнѣй всего, но все таки.... но все таки я никакъ не могъ превозмочь желанія поздравить васъ....

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА.

Mon prince!

СКАКУНОВЪ.

Князь! Князь! *(жметъ ему руку)* безъ комплиментовъ!
 ради Бога, безъ комплиментовъ! Для такого человѣка,
 какъ вы, всегда открытъ домъ нашъ и мы рады приходу
 вашему. Прошу васъ садиться *(усаживаетъ его)*.

ЧЕНХАЛИДЗЕВЪ (*садясь*).

Comment va votre santé, M-me?

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА.

Merci, mon prince.

ЧЕНХАЛИДЗЕВЪ.

А какая скверная нынче погода—ни снѣгъ, ни дождь, просто, чортъ знаетъ что!

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА.

Это, князь, свойство нашего Петербурга.

ЧЕНХАЛИДЗЕВЪ.

O! vous avez raison, M-me.

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА.

Кто постоянно въ немъ живетъ, тотъ почти привыкъ къ этимъ явленіямъ, князь.

ЧЕНХАЛИДЗЕВЪ.

Совершенно справедливо.

СВАКУНОВЪ.

Вѣдь человѣкъ есть такое странное существо, что привыкаетъ рѣшительно ко всему, князь.

ЧЕНХАЛИДЗЕВЪ.

Рѣшительно справедливо.

Я В Л Е Н І Е IV-е.

ИВАНЪ (*входитъ*).

Его Высокоблагородіе, отставной полковникъ г-нъ Муравейниковъ!

СВАКУНОВЪ (*Ивану*).

Проси.

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА.

Премилый человекъ этотъ полковникъ! И какъ онъ прекрасно танцуетъ, не смотря на свои лѣта!

СКАКУНОВЪ.

Да чтожъ еще его за лѣта, душа моя? Онъ еще вовсе не старъ. (*Муравейниковъ входитъ*) Василій Михайловичъ! Полковникъ! Любезный полковникъ! какъ ваше здоровье?

Я В Л Е Н І Е V-е.

МУРАВЕЙНИКОВЪ.

Слава Богу, какъ ваше? (*жметъ руку Скакунову*). Домна Терентьевна, мое почтенье!

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА.

Bonjour, M-r le colonel!

ЧЕНХАЛИДЗЕВЪ.

Василій Михайловичъ!

МУРАВЕЙНИКОВЪ.

А! здравствуйте, князь!

ЧЕНХАЛИДЗЕВЪ (*подавая ему руку*).

Я васъ видѣлъ на Невскомъ проспектѣ.

МУРАВЕЙНИКОВЪ.

Когда?

ЧЕНХАЛИДЗЕВЪ.

Нынѣшнимъ утромъ.

МУРАВЕЙНИКОВЪ.

А я, къ сожаленію, васъ не видалъ.

ЯВЛЕНИЕ V I-е.

ИВАНЪ (входитъ).

Андрей Степанъчъ Подкузмиловъ!

СКАКУНОВЪ.

И нашъ весельчакъ Подкузмиловъ! Ахъ, какъ я радъ!
Рѣшительно, мы собрались, какъ на заказъ.

ЯВЛЕНИЕ VII-е.

ПОДКУЗМИЛОВЪ (влетаетъ).

Мое почтенье! Мое почтенье, милый другъ Ермолай
Иванычъ! Домна Терентьевна, — какъ драгоценное ваше
здоровье?

СКАКУНОВЪ.

Слава Богу! любезный Андрей Степанъчъ.

ПОДКУЗМИЛОВЪ.

Вотъ это хорошо! Вѣдь и пословица говорить: что слава
Богу лучше всего. Ахъ, да я и забылъ! Еще бы вамъ
теперь не быть здоровыми, когда вы находитесь на самомъ
верху блаженства.

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА.

Вы ужъ ради засыпать любезностями, Андрей Степа-
нычъ!

ПОДКУЗМИЛОВЪ.

Помилуйте, какими любезностями? Это вовсе еще и не
любезности.

ЧЕНХАЛДЗЕЕЪ (Подкузмилову).

Не слышать ли въ городѣ чего нибудь новенькаго?

ПОДКУЗМИЛОВЪ.

Новенькаго только то, что Бородавкина попалась въ исторію. Да вѣдь это вамъ, я думаю, уже извѣстно.

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА.

Что это такая за Бородавкина?

ПОДКУЗМИЛОВЪ.

Какъ? неужели вы не знаете про Бородавкину? про Катерину Николаевну Бородавкину? Да вѣдь весь городъ ужъ три дня трубить про нее въ трубы, Ермолай Ивановичъ! Какъ же это вы оплошали? не стыдно ли вамъ не рассказать эдакой интересной исторіи супругѣ вашей?

СБАКУНОВЪ.

Вотъ пустяки!

ПОДКУЗМИЛОВЪ.

Хороши пустяки! Слышите, господа, мужъ поймалъ жену въ преступленьи, а это для него пріятно!

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА.

Ахъ, какъ это интересно! Расскажите, расскажите пожалуйста, Андрей Степанычъ.

СБАКУНОВЪ.

Душа моя, это такой вздоръ... (*въ сторону*) чѣртъ бы побралъ его, шаромыжника! онъ непременно заставитъ что нибудь ее сморозить.

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА.

Расскажите же, сдѣлайте милость, Андрей Степанычъ!

ПОДКУЗМИЛОВЪ.

Ну-съ, изволите видѣть, — Бородавкинъ жилъ съ своей женой давно уже, точно кошка съ собакой.

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА.

Ахъ, Господи! Послушай, Лоло—мы съ тобой ужъ навѣрно жить такъ не будемъ?

СКАКУНОВЪ.

Конечно, мой ангелъ! (*въ сторону*) Ну, поѣхала моя Терентьевна, погубить, погубить она мою голову!

ПОДКУЗМИЛОВЪ.

И дошло у нихъ до того, что разошлись они на разныя половины, а наконецъ Катерина Николаевна и совсѣмъ перестала пускать къ себѣ мужа. Приходить онъ разъ; говорятъ: у нея докторъ; второй, — опять таки докторъ и въ третій—опять таки докторъ. Встревожился мой Бородавкинъ: что за чертъ? чѣмъ это она, думаетъ, захворала? Выломалъ дверь и...

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА.

И?

ПОДКУЗМИЛОВЪ.

Нашелъ....

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА.

Нашелъ?....

ПОДКУЗМИЛОВЪ.

Офицера.

МУРАВЕЙНИКОВЪ (*смѣясь*).

Ха, ха, ха! хорошъ докторъ!

ЧЕНХАЛИДЗЕВЪ (*тоже хохоча во все горло*).

Ха, ха, ха!.. Нѣтъ, что всего для меня интереснѣй, такъ это то, что я воображаю, какъ онъ лечилъ ее!..

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА.

Чтожъ дальше?

ПОДКУЗНИЛОВЪ.

Ну, а дальше, ужъ разумѣется, что исторія кончилась самымъ скандальнымъ образомъ.

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА.

Бѣдная! мнѣ удивительно ее жалко!

СКАКУНОВЪ.

Полно, душа моя! Какъ можно жалѣть женщину дурнаго поведенія! (*нѣсколько помолчавъ*) Эхъ, господа! вы все съ исторіями, а вотъ мнѣ такъ ужъ право не до исторіи.

ПОДКУЗНИЛОВЪ.

А что? что, что такое?

СКАКУНОВЪ.

Да то, что надо нѣсколько подумать и о дѣлишкахъ... Вѣдь какъ бы то ни было, а получа... (*Домни Терентьевнѣ*) Чтожь, Додо? скрываться намъ съ тобой теперь ужъ бесполезно. А получа за женой цѣлыхъ 100 тысячъ!..

ВСЪ.

Сто тысячъ!

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА (*подтвердительно*).

Да, цѣлыхъ сто тысячъ.

СКАКУНОВЪ (*съ жаромъ*).

Да серебромъ!

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА (*тоже съ жаромъ*).

Да, серебромъ!

СКАКУНОВЪ.

Такъ надо подумать о томъ, куда ихъ дѣвать! Какъ ты думаешь, надо, Додо?

ДОМНА ТЕРЕПТЬЕВНА.

Надо, Лоло.

СКАКУНОВЪ.

Впрочемъ, я рѣшилъ, что часть ихъ употреблю на устройство моего собственнаго родоваго имѣнья; надѣюсь, душа моя, что ты позволишь?

ДОМНА ТЕРЕПТЬЕВНА.

Какъ я могу, Лоло, не позволить?

ЧЕНХАЛНДЗЕВЪ (въ сторону).

Экое счастье, чертъ побери! Эдакъ пожалуй не дурно было бы и мнѣ.

ПОДКУЗМИЛОВЪ.

А вы, Ермолай Ивановичъ, имѣете развѣ имѣнье?

ДОМНА ТЕРЕПТЬЕВНА.

Да, у насъ съ нимъ, по послѣдней ревизіи — сколько, Лоло?

СКАКУНОВЪ.

307 душъ.

ДОМНА ТЕРЕПТЬЕВНА.

307 душъ.

ПОДКУЗМИЛОВЪ.

А гдѣ это имѣнье?

СКАКУНОВЪ.

Въ Саратовѣ.

ПОДКУЗМИЛОВЪ.

А какъ оно называется?

ДОМА ТЕРЕЩЕВНА.

Село Бобовна.

СКАКУНОВЪ.

Да, да, Бобовна.

ПОДКУЗНИЛОВЪ.

Это прекрасно. (*въ сторону*) А что-то сдается, что онъ все вреть. Ай да Ермолай Ивановъ! Умный, умный человекъ—что говорить!

СКАКУНОВЪ.

Такъ получа за женой цѣлыхъ 400 тысячъ, я рассчитываю на нѣкоторое время даже оставить службу и поселиться въ имѣнн. Служи теперь тамъ, кому надо служить, а намъ съ Додо можно на время и бросить службу.

ПОДКУЗНИЛОВЪ (*съ сокрушеніемъ*).

Можно, можно, что говорить, конечно можно, въ особенности же получа цѣлыхъ сто тысячъ.

СКАКУНОВЪ.

При томъ же, я рассчитываю сдѣлать и нѣкоторыя усовершенствованія. Я вѣдь не таковъ, какъ всѣ эти тамошніе пентюхи... я распорядусь быстро и вдругъ... первое дѣло—введу пяти-польную систему, а второе—выпущу тотчасъ Дургамскихъ коровъ.

МУРАВЕЙНИКОВЪ.

Что это еще за коровы?

СКАКУНОВЪ.

Какъ? Вы ничего не знаете про Дургамскихъ коровъ? Да развѣ вы не читали, какъ ихъ описывалъ Александръ Дюма въ путешествіи своемъ въ Алжиръ?

МУРАВЕЙНИКОВЪ.

Нѣтъ, не читалъ.

СКАКУНОВЪ.

Такъ прочитайте. Вѣдь онѣ, батюшка, такъ толсты, что ежели смотрѣть издали, такъ покажется, что рѣшительно ползутъ на брюхѣ. Ну, а вѣдь ужъ Дюма повѣрить можно! Вѣдь ужъ Дюма, какъ всѣмъ извѣстно, ни за что вратъ не станетъ! Я только воображаю, что это такое выйдетъ? Вся губернія прибѣжитъ смотрѣть, какъ эдакое чудовище ползетъ на брюхѣ.. ха, ха...

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА.

Ха, ха, ха, ха!

СКАКУНОВЪ.

Ну, а устроившись понемножку, да оглядѣвшись, можно и опять приняться за службу, хоть бы по выборамъ. Богъ дастъ, будемъ сначала уѣзднымъ предводителемъ...

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА.

А тамъ и губернскимъ!

СКАКУНОВЪ.

Да, а тамъ и губернскимъ.

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА.

И будемъ—Ваше Превосходительство!

СКАКУНОВЪ.

Да, Ваше Превосходительство. А ужъ какой бы я былъ предводитель! (*свищетъ*) Фю! какой бы я былъ предводитель! какой бы былъ у меня домъ! садъ! музыки хоръ! обѣдъ для званныхъ и всѣхъ незванныхъ! просто, чертъ знаетъ что! словомъ, былъ бы предводитель, рѣшительно, образцовый!.. (*въ сторону*) Ухъ лихо, Подкузмиловъ разнесетъ все это по городу. Лихо, лихо, чертъ поberi!

ЯВЛЕНІЕ VIII-е.

ИВАНЪ (*входитъ*).

Письмо-съ.

СКАКУНОВЪ.

Хорошо. (*беретъ письмо, Иванъ уходитъ*) Откуда бы это было? (*смотритъ на штемпель про себя*) Изъ Саратова—что это значитъ? Извините, господа, я сію минуту—вась займетъ покамѣсть хозяйка дома (*отходитъ къ окну*).

ДОМНА ТЕРЕПТЬЕВНА.

Откуда это, Лоло?

СКАКУНОВЪ.

Изъ Саратова, другъ мой (*взламываетъ печать*).

ДОМНА ТЕРЕПТЬЕВНА.

Видно отъ старосты?

СКАКУНОВЪ.

Должно быть отъ старосты. (*Смотритъ на подпись*) Отъ Коноплянникова! Что бы это такое было? что онъ тутъ пишетъ? (*читаетъ*) «Любезный другъ, Ермолай! Странные, братъ, про тебя разнеслись здѣсь слухи. Говорятъ, что ты женишься на какой-то лобазницѣ—милліонщицѣ».. (*говоритъ съ усмѣшкой*) Хе... ужъ и въ милліонщицы произвели? (*читаетъ*) «Поздравляю, братъ, душевно поздравляю! Но ты, какъ рассказываютъ, распустилъ слухъ, что у тебя чуть ли не 1000 душъ и лобазники твои. между прочимъ, наводятъ здѣсь справки.» (*говоритъ*) Ай, ай.. ай! Дьяволь бы ихъ подралъ! (*читаетъ*) «А такъ какъ, другъ души моей, мнѣ лучше чѣмъ кому нибудь извѣстно, что у тебя кромѣ какихъ-то 5 душъ не имѣется за душой ни черта, то берегись! Хватай скорѣе свою Дульцинею и сочетайся съ нею на вѣковѣчную и счастливую жизнь».

(Говоритъ дрожащимъ голосомъ) Да какъ же это? Я вѣдь не получила еще денегъ.

ПОДКУЗНИЛОВЪ.

Завидую вамъ, Домна Терентьевна, что вы такая богатая помѣщица. Счастливая вы женщина!

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА.

Надѣюсь. Въ особенности же, имѣвши такого добраго, умнаго и честнаго мужа, какъ мой Лоло!

СКАКУНОВЪ (читаетъ).

«Эти брюханье и ко миѣ подсылали, да я имъ нагородилъ такой чепухи, что они чуть-чуть и бороды своихъ не растеряли! (говоритъ) Вретъ, право вретъ! Навѣрное все рассказалъ. (читаетъ) А впрочемъ, братъ, дѣло твое такъ скверно, какъ только можетъ быть. Они не повѣрили моей чепухѣ, а все узнали какъ нельзя лучше. Еще разъ повторяю—бери скорѣе деньги, не то ты пропалъ; чуть ли они ужъ не написали къ вамъ въ Питеръ (едва можетъ читать отъ волненія). Прощай! деревенская жизнь миѣ по нутру, только нѣсколько скучно. Про меня ужъ начинаютъ распространяться слухи, что будто я, отъ скуки-то пью горькую—если ты это услышишь, смотри, братъ, не вѣрь—все врутъ. Я веду себя просто отлично. А если иной разъ и выпьешь, такъ бѣда все-таки не велика. Прости еще разъ! У васъ, думаю, теперь идетъ кутежъ во всю Ивановскую и удовольствіямъ нѣсть числа! — Да ну ихъ совсѣмъ! Миѣ не до нихъ. Твой на вѣки Богданъ Конопляниковъ». (Говоритъ) Вотъ штука, такъ штука! А что если это и точно правда?

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА.

Что, Лоло? Это отъ старосты?

СКАКУНОВЪ (весь блѣдный).

Отъ старосты.

ДОМНА ТЕРЕПТЬЕВНА.

Что же онъ пишетъ ?

СКАКУНОВЪ.

Не могъ еще собрать оброка.

ДОМНА ТЕРЕПТЬЕВНА.

Какъ же это можно? Ты принудь его , пожалуйста, ты знаешь, что деньги не могутъ быть лишними ни для кого.

СКАКУНОВЪ.

Принужу, принужу. *(Вдругъ останавливается, какъ пораженный громомъ)* Что это? Что? Господи Боже мой! *(шумъ въ передней, среди котораго можно различить голоса Ивана и Терентія Савича. Голосъ Ивана)*. Да позвольте.... *(Голосъ Терентія Савича)* Пошелъ! *(Голосъ Ивана)* да позвольте же , я доложу *(Голосъ Терентія Савича)*. Пошелъ, коль тебѣ говорятъ.... *(Скакуновъ кричитъ)* Иванъ! *(отвѣта нтъ, шумъ все еще ближе и ближе)* Иванъ! *(шумъ еще ближе)* Иванъ! Слышишь ли? Я тебѣ говорю! *(бросается къ двери. Дверь съ шумомъ распаивается и въ ней появляется Терентій Савичъ, отталкивающий Ивана. Онъ въ мхсей шубѣ, бобровой шапки и весь перепачканъ мукой; грязные его сапоги оставляютъ огромные слѣды по полу. Скакуновъ, въ ужасъ, бросается къ нему)* Терентій Савичъ!

ЯВЛЕНІЕ IX.

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

Что! А! Ваше Высокородіе! Что же это такое? Ужъ и меня, вашего родителя, не хотите пуцать къ себѣ, что ли?

ДОМНА ТЕРЕПТЬЕВНА.

Ахъ, папенька! вы намъ перепачкали весь полъ.

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ (*съ досадою*).

Молчи ты, глупая женщина!

СКАКУНОВЪ.

Додо!.. Объясните ради Бога, батюшка, что это значит!

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

Да то покамѣсть, что твой холопъ не хотѣлъ вотъ впущать меня.

ИВАНЪ (*весь растрепанный и съ самым жалобнымъ видомъ*).

Вы сами изволили приказать мнѣ докладывать, и я сказалъ... только молъ доложу-съ....

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ (*яростно подступая къ нему*).

Холопъ! Не знаешь почтенья къ особамъ! Я те дамъ такой докладъ, что ты у меня и своихъ не узнаешь! Я те все рыло-то на сторону сверну!

СКАКУНОВЪ (*Ивану грозно*).

Пошелъ вонъ, дуракъ! (*Терентію Савичу*) Извините, батюшка! это такая пустая ошибка... Садитесь, сдѣлайте милость!

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ (*ворчитъ*).

Садитесь... садитесь... Эвто мы пожалуй сядемъ и безъ твоего дозволенья... Въ своемъ хлѣву вольны дѣлать, что намъ угодно. (*Пыхтитъ и отдувается*) Уфъ! (*съль*) Только раненько вы-то, Ваше Высокородіе, перестали почитать нашего брата. Обѣщанья-то ваши видно всѣ по вѣтру разлетѣлись... Что? На мужичковъ-то своихъ изволите надѣяться, что ли? (*насмѣшливо*) да вѣдь и они только на словахъ хороши, а дойди-ка до дѣла, такъ тоже всѣ по вѣтру разлетятся, и ни одного, поди, и не сыщешь.

СКАКУНОВЪ (*въ сторону*).

Батюшки! Онъ ужъ все знаетъ! (*Гости начинаютъ смѣяться*).

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

Что же, зятюшка? Поступаютъ ли эдакъ честные-то люди? Чтожъ ты молчишь?

СКАКУНОВЪ (*старался улыбнуться*).

Помилуйте, мы ведемъ странный такой разговоръ....

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

Какой разговоръ? Эдакъ поступаютъ только мошенники да подлецы—вотъ оно что!

СКАКУНОВЪ (*вскакиваетъ, весь побагровѣвъ*).

Терентій Савичъ! Не забудьте, что у меня есть гости, довольно важные люди!... и...

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ (*тоже вскакивая*).

А плевать я хотѣлъ на всѣхъ твоихъ важныхъ гостей!
(*Всѣ съ шумомъ поднимаются*).

ЧЕНХАЛИДЗЕВЪ.

Милостивый Государь!

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

Что?

ЧЕНХАЛИДЗЕВЪ.

Вы знаете ли, кто я такой?

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

Какъ не знать—знаю.

ЧЕНХАЛИДЗЕВЪ.

Вы знаете ли, что я Князь?... Князь Ченхалидзеъ.

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

Ладно! Князь-то вѣдь разные, Ваше Сіятельство, на свѣтѣ
бываютъ.

ЧЕНХАЛИДЗЕВЪ.

Какъ это разные?

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

Да такъ! У насъ вонъ въ Низовыхъ мѣстахъ, что тата-
ринъ, то князь. Вы тоже, Ваше Сіятельство, можетъ стать-
ся, изволите быть не изъ Низовскихъ ли?

ЧЕНХАЛИДЗЕВЪ.

Ухъ! признаюсь, такая дерзость... Хотя мнѣ и пріятно
знакомство съ вашимъ домомъ, достопочтеннѣйшій Мг. Ска-
куновъ, но я долженъ лишиться себя этого удовольствія,
чтобъ впередъ не слышать подобныхъ пріятныхъ вещей
(уходитъ съ достоинствомъ).

ЯВЛЕНІЕ X.

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

Проваливай, проваливай! Ладно! Ка-бы ты не былъ дру-
жень съ этимъ мошенникомъ (*указываетъ на Скакунова*),
такъ и я, можетъ статься, не отдалъ бы за него Домны.
Не пріютилъ бы къ себѣ этого нищаго, голяка, прощаль-
гу прокля...

СКАКУНОВЪ (*внѣ себя*).

Терентій Савичъ!

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

Чего?

СКАКУНОВЪ (*къ гостямъ*).

Господа, извините... Но я... я, вы сами видите... Я бы
просилъ...

ПОДКУЗНИКОВЪ.

Мы понимаемъ—мы лишніе и мѣшаемъ вашимъ родственнымъ изліяніямъ чувствъ. Мое почтеніе, сударыня! Про-
шайте, Ермолай Ивановичъ! До скорого свиданья въ вашемъ
селѣ Бобовнѣ (*уходятъ, смѣясь, съ Муравейниковыми*).

ЯВЛЕНІЕ XI.

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ (*ему въ догонку*).

Еще смѣется, прохвость! Моли Бога, что скоро ушелъ,
а то я бы тебѣ далъ смѣяться!

СВАНУНОВЪ (*какъ бы во снѣ*).

Что я съ вами сдѣлаю, Терентій Савичъ, за все это!

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ (*спокойно*).

Что? Ничего!

СВАНУНОВЪ.

Вѣдь вы осрамили, лишили знакомства, погубили меня!

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

Погубилъ? Ладно.

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА.

Помилуйте, папенька! Какъ вы можете такъ срамить
насъ? У насъ, слава Богу, и безъ васъ довольно имѣнья.

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ (*смотритъ на нее на-
смѣшиливо*).

Молчи, Домна! Ты дура! И эвто до тебя не касается.

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА.

Какъ не касается?

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ (*не слушая ее*).

Ну такъ что же, Ваше Высокородіе? Какъ пожи-
ваютъ мужички ваши? Много ихъ у васъ тамъ, али нѣтъ,
ась?

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА.

У насъ по послѣдней ревизіи 307 душъ.

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

Вишь ты! (*подтруниваетъ*) И землицы, чай, много?

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА.

И землицы.

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

И заведенія разныя есть?

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА.

И заведенія.

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

Гмъ! И скотинка тоже, чай, водится?

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА.

И скотинка.

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

Подъ чай, все бараны, да калантуры? Помнишь ты, братъ, говорилъ про какіе-то калантуры?

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА.

Ахъ, папенька,—каламбуры!

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ (*перевиралъ*).

Ну все равно, хоть калантуры. Что же? Много ихъ у васъ тамъ, Ваше Высокородіе—ась?

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА (*въ недоумльнн*).

Да что же это такое наконецъ? Лоло! Развѣ мы не помѣдемъ въ деревню? Развѣ я не помѣщица? (*Скакуновъ молчитъ*).

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

Ладно, дочка! Я вотъ те покажу, какая ты стала помѣщица! Возьми-ка, да прочитай эвту грамотку, что я получилъ оттолева (*достаетъ изъ-за пазухи письмо и отдаетъ ей*).

СКАКУНОВЪ *(въ сторону).*

Ну, теперь я, кажется, совершенно погибъ.

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА *(читаетъ).*

Поклонъ нашъ иискай и глубокае почитаніе государю Терентию Савичу. Какъ васъ батюшка Теренти Савичъ Господь милуетъ, а о себѣ скажемъ штомы слава Богу слоровы, чаво и вамъ впредь жалаимъ на веки нерушнмо. Хозяйка наша жива и здраствунтъ и деточки тоже здраствуютъ и аще Богъ одну послалъ и нарекли мы ее Феклистой. А о томъ мошеннике и по вашему мазурике... Ер! Ер. Ермолае Скакунове *(вскрикиваетъ)* Ахъ! *(закрываетъ лице руками; письмо падаетъ на полъ).*

СКАКУНОВЪ *(бросаясь поднять его).*

Позвольте....

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ *(отталкивалъ).*

Постой, дочитаемъ и безъ тебя. *(Беретъ письмо, потомъ надъвѣваетъ очки и, многозначительно крикнувъ, начинаетъ читать, стараясь притомъ выговаривать слова, какъ можно выразительнѣе)* А о томъ мо... мо.. мошеннике и по вашему мазурике Ермолае Скакунове узнавали *(говоритъ)* слышь, братъ! узнавали! *(читаетъ)* узнавали и собрали самыя вѣрныя свѣденія отъ ево же бывшаво питерскаго пріятели таково же мошенника, да и пьяницы вдобавокъ Коноплянникова. И тотъ пьяница Коноплянниковъ, будучи въ пьяномъ видѣ саабцилъ намъ што де тотъ Ермолай Ивановъ имѣнія только и имѣетъ, што шыщъ съ масломъ. *(говоритъ)* Что братъ? Можетъ статья они и врутъ? *(насмѣшливо)* Можетъ статья, у тебя шишъ-то безъ масла, а не съ масломъ? *(читаетъ)* и што де ему мошенникуверить ни въ чемъ ни слѣдуитъ и што онъ ихъ своихъ пріятелей завсегда тоже обманывалъ и надуывалъ *(повторяетъ)* своихъ пріятелей обманывалъ и надуывалъ. *(читаетъ)* И дочки вы вашае за него не выдавайте, коли не хотите слѣлатъ

ее несчастливою и возьмите лутче дубину (*говоритъ*) Эхма! Старый дуракъ оплошалъ! Не взялъ дубины-то! Не взялъ! (*читаетъ*) дубину, али што первое подъ руки попадется и проганите ево обманщика въ зашеи и кончите тѣмъ всѣ его роскоши чѣмъ и спасете себя для здешнево и будущаго блаженства. Расказавши вамъ все стакими отчетливостями остаемся ваши доброжелатели Кондратій Тупорылинъ. (*бормочетъ*) Гмъ! Кондратій Тупорылинъ... Когда станите писать то вышлите сукна аглецкаго на сертукъ и исподнее мое новое совсемъ поистерлось и деньги получите (*свертываетъ письмо и тщательно прячетъ его въ карманъ*).

ДОМНА ТЕРЕПТЬЕВНА (*рыдаетъ*).

Ахъ, тиранъ, извергъ, злодѣй вы безчувственный!

СКАКУНОВЪ.

Додо! Ангелъ мой! не падай, ради Бога, въ обморокъ! Твое здоровье мнѣ всего дороже на свѣтѣ.

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

Не бось, не упадетъ! Ну, зятюшка, что же? Поступаютъ эвакъ честные люди?

СКАКУНОВЪ (*въ сторону*).

Рѣшительная минута, надо выкручиваться, не то пропалъ. (*громко*) Послушайте, Терентій Савичъ! Любовь моя къ Додо была такъ велика, что я даже...

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ (*договариваетъ*).

Пустился на надувательство?

СКАКУНОВЪ (*трогательно*).

Да какъ хотите назовите этотъ поступокъ, я не могъ выдержать, чтобы не обладать ей; я видѣлъ разницу нашихъ состояній, я зналъ про все ея богатство.

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ (*спокойно*).

А отколева ты эвто зналъ?

СКАКУНОВЪ.

Отъ многихъ. Да вы и сами обѣщались дать мнѣ за ней 100 тысячъ.

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

Чего?

СКАКУНОВЪ (*тревожно*).

Я говорю, что вы сами обѣщались дать мнѣ за ней 100 тысячъ...

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

Держи карманъ-то! Растопырь его пошире! Авось какойнибудь добрый человекъ тебѣ ихъ туда и положить.

СКАКУНОВЪ (*вытираетъ на него съ ужасомъ глаза*).

Какъ!!!...

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

Да такъ! Съ честными людьми, мы сами честны, а съ мошенниками, знамо дѣло—торговцы извѣстные!

СКАКУНОВЪ (*запальчиво*).

Стало быть ты ничего мнѣ не дашь, козлиная ты борода?

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ (*обидьлся*).

Ну, что ты лаяешься-то? (*дразнитъ его*) Козлиная борода!.. Козлиная борода! Вотъ Домнѣ дамъ 5 тысячъ, а ты отъ меня черта лысаго получишь, за твою козлиную бороду (*торжественно подпирается руками въ бока*). Вотъ те и козлиная борода!

СКАКУНОВЪ (*опомнись*).

Терентій Савичъ!

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

Ничего не дамъ! И ты, Домна, не давай ему ничего—все замотаетъ!

СКАКУНОВЪ.

Терентій Савичъ, простите!

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ

Не дамъ ! Ничего не дамъ ! Мое слово свято—торговцы
извѣстные!

СКАКУНОВЪ (*плачетъ*).

Не погубите, Терентій Савичъ!

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

Хошь ноги цѣлуй, такъ ничего не дамъ тебѣ, скалдыр-
нику! (*горячится и расхаживаетъ по комнатѣ*) Вишь ты !
И квартиру разукрасилъ ! И карнизовъ разныхъ поналѣ-
пилъ ! А на какія деньги ? Что ? Въ долгъ взялъ ? Молчишь ?
Ну, ладно, какъ взялъ, такъ и отдашь ! Бери ! обдирай !
Тащи на толкучку ! Авось тамъ тебѣ робята-то наши да-
дутъ въ три-дорога.

СКАКУНОВЪ (*въ отчаянномъ бѣшенствѣ*).

Такъ врешь же ты ! Плюю я на тебя, проклятый брю-
ханъ !

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

А мнѣ хошь плюй не плюй—мнѣ все равно. Намъ ужъ
не привыкать стать, братъ, къ эдакимъ дѣламъ !

СКАКУНОВЪ.

Да что же ты наконецъ , чертъ тебя побери — дурака
что ли ты во мнѣ нашель ?

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

А вѣстимо, что не разумника.

СКАКУНОВЪ.

Да за что же я сей часъ терпѣлъ такой срамъ ? Я ли-
шился моего знакомства ! Я связалъ себя по рукамъ и по

погамъ! Вѣдь я потерялъ все! все! все! Слышишь-ли ты это, чертовъ козель? Слышишь-ли ты?

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ.

Эвто какъ не слыхать!

СКАКУНОВЪ.

Да я же тебя... Я за это... Постои! постои, постои!
(*хватаетъ его за горло*).

ТЕРЕНТІЙ САВИЧЪ (*сильно отбрасываетъ его въ противоположный конецъ*).

Постои! (*показывая кулакъ*) Не побій, да не побіенъ будеши! Не кидайся! не то я те такую тютю дамъ, что ты у меня вонъ куда подлетишь! (*указываетъ на потолокъ и потолокъ говоритъ, любясь безсиліемъ и уничиженіемъ Скакунова*). Что? Много взялъ? Мошенникъ! Скалдыриникъ! Прощалыга! Маклакъ! Подлецъ! Тьфу! (*уходитъ*).

Я В Л Е Н І Е X I - е .

СКАКУНОВЪ.

Вотъ бѣда, такъ бѣда! По мнѣнію общественному погибъ! Всю будущность испортилъ! Домну на шею навязалъ! Господи, Господи, за что это Ты только такъ наказалъ-то меня? (*Горько рыдаетъ*).

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА.

И по дѣломъ! Не надувать, такъ не надули бы и васъ.

СКАКУНОВЪ.

Домна! Дома! Додонюшка ты моя! Ты одна осталась моя надежда. Ты... ты сама говорила, что все мое—твое, а твое—все мое....

ДОМНА ТЕРЕНТЬЕВНА.

Да, какъ бы не такъ!

СКАКУНОВЪ.

Домнушка! Домна моя! Не ужелижъ и ты меня тоже покинешь? Заплати хоть за уборку—то квартиры—я ужъ больше тебя ни о чемъ не прошу.

ДОМНА ТЕРЕПТЬЕВНА.

Подите вы прочь! Вы извергъ, тиранъ, негодяй безчувственный! До самой смерти моей не получите вы отъ меня ни копейки! (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XII.

СКАКУНОВЪ (*одинъ, смотря почти бессмысленно ей въ слѣдъ*).

И она тоже! Что я стану теперь дѣлать? Въ настоящемъ—срамъ! Позоръ! А въ будущемъ нищета! дѣти! дура жена!.. И вѣдь никто не пожалѣетъ, а еще стануть смѣяться! А! Чтобъ чертъ побралъ и лобазниковъ и лобазницъ, а пуще всего тѣхъ дураковъ, которые женятся на однѣхъ деньгахъ! (*Валится въ кресло и закрываетъ лице руками; занавѣсь опускается*).

К О Н Е Ц Ъ .

ПОЗДНІЙ УРОКЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА :

ИВАНЪ ГАВРИЛОВИЧЪ ПОЛОВНИКОВЪ, коллежской ассессоръ, старый
холостякъ 53-хъ лѣтъ.

ВЛАДИМІРЪ ИВАНОВИЧЪ, его племянникъ.

АЛЕКСѢЙ, слуга Половникова.

ДѢЙСТВІЕ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

ДѢЙСТВІЕ 1-Е.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

(Комната Половникова. Половниковъ сидитъ въ креслахъ и держитъ въ рукахъ французскіе разговоры).

ПОЛОВНИКОВЪ.

Фу ты, Господи Боже мой! Что это за мука! Ни какъ не могу кончить вотъ этихъ проклятыхъ французскихъ разговоровъ. Ни какъ ужъ третій годъ сижу за ними, а все еще впередъ не подвинулся. Просто бѣда! Одинъ выучу, а другой забуду. Ну, да ничего, когда нибудь кончу и буду говорить по-французски. Вѣдь ужъ всякій со мной согласится, что безъ языковъ никакъ нельзя прожить на свѣтѣ... Ну, вдругъ говорятъ? Да хорошо еще, если мужчина, ну а какъ дама? Что тогда? Пропаль, и только. *(Подумавъ)* Вотъ что, не взять-ли на домъ француза? Тутъ, говорятъ, есть такіе, что пойдутъ изъ-за одного хлѣба насущнаго... Оно конечно бы можно взять и француза, да только вѣдь заемѣютъ, стыдно... Вотъ молъ, живеть съ французомъ и учится по-французски... Нѣтъ ужъ лучше буду учиться самъ. Хоть и помучусь, да все таки выучусь! *(Небольшое молчаніе)* Я теперь вижу ясно, что безъ фундаментальнаго или по-русски сказать основательнаго ученія, потому что по Рейфу, фундаменталь значить коренной, основной... и я рѣшительно не знаю, на кой чортъ наши Русскія слова замѣняютъ иностранными!.. Объ этомъ еще была прекрасная статья въ одномъ

нашемъ отечественномъ журналѣ, жаль, вотъ не помню въ какомъ, а статья очень умная... Да, о чемъ бишь я говорилъ? О томъ, что безъ фундаментальнаго ученья никакъ нельзя прожить въ образованномъ или, лучше сказать, Петербургскомъ обществѣ... А я не получилъ никакого воспитанья. Конечно я читалъ много, такъ много, что ужъ теперь, чортъ его знаетъ, и самъ даже не помню, что я такое читалъ... Но все таки со мной случаются довольно странные промахи. Просто вспомнить не могу, какъ я сказалъ, что Оемистокль былъ французскій король Капетинской династии. Оемистокль французскій король! Вотъ отлилъ пулю—смѣшно даже! Ну да ужъ теперь не скажу! Будеть! Теперь мы и сами, милостивые государи, знаемъ слово въ слово вплоть до Александра Македонскаго, да еще и знаемъ-то по Кайданову! А мѣсяца черезъ два, такъ кончимъ всю древнюю. А какъ пройдемъ и среднюю, да еще вдобавокъ и новую, такъ ужъ не сунется какойнибудь вертопрахъ, а коли и сунется, такъ не будетъ радъ! Я ему утру носъ. Признаюсь, терпѣть не могу этихъ выскочекъ! Рѣзать ихъ будетъ мое величайшее наслажденіе! Эка важность, что вы знаете чтонибудь! Да вѣдь за то сколько на васъ денегъ посажено! Вбивали, вбивали въ ваши глупыя головы, а все ничего не вбили! (*кричитъ*) Алексѣй!

Я В Л Е Н І Е II.

АЛЕКСѢЙ (*входитъ*).

Чего изволите?

ПОЛОВНИКОВЪ (*въ сторону*).

Вѣдь вотъ и простая фраза: чего изволите, а какъ сказать, чортъ ее знаетъ! Ке ву-ле-ву или ке дезире-ву? Я думаю, что ке дезире будетъ лучше, чѣмъ ке вуле? А впрочемъ, объ этомъ, надо справиться (*обращается къ Алексѣю*) Вене-зи-си!

АЛЕКСѢЙ

Чего?

ПОЛОВНИКОВЪ.

Какъ? Ты не знаешь даже, что значитъ вене зя си?

АЛЕКСѢЙ.

Нѣтъ, не знаю.

ПОЛОВНИКОВЪ.

Ахъ ты мужланъ! Да вѣдь это даже всякая лягавая собака знаетъ.

АЛЕКСѢЙ.

Такъ ништо я собака? Мало-ль чего она знаетъ? она вошь знаетъ, какъ носомъ утокъ отыскивать. А ну-ка попробуйте вы?—такъ не то что утки, да и совсѣмъ ничего не отыщете.

ПОЛОВНИКОВЪ.

Ахъ ты животное эдакое!

АЛЕКСѢЙ.

Всякъ человѣкъ, сударь, есть животное. Такъ и въ книжкахъ напечатано,—стало быть правда.

ПОЛОВНИКОВЪ.

Ну, понимаешь-ли ты, что говоришь?

АЛЕКСѢЙ.

Какъ же не понимать? Вѣдь я не совсѣмъ непонятный. Да что! мнѣ не грѣхъ быть, по правдѣ сказать, и дуракомъ. А вотъ вамъ-то стыдно дурачиться. Постыдились бы лѣтъ своихъ, коли добрыхъ людей не стыдитесь.

ПОЛОВНИКОВЪ.

Какихъ лѣтъ? откуда ты смѣлъ это взять? какихъ лѣтъ?

АЛЕКСѢЙ.

А извѣстно какихъ—вашихъ, а не моихъ.

ПОЛОВНИКОВЪ.

А почему ты знаешь мои лѣта?

АЛЕКСѢЙ.

Да какъ мнѣ не знать? Вѣдь мы съ вами чай однолѣт-ки—вмѣстѣ въ деревнѣ-то въ бабки игравали.

ПОЛОВНИКОВЪ.

Ну, ну, дуракъ, въ самомъ дѣлѣ! ты ужъ, кажется, забываешься... Я вотъ возьму тебя за это, да проучу.

АЛЕКСѢЙ.

Чтожь? это все можно.

ПОЛОВНИКОВЪ.

Пошелъ вонъ! эдакой грубиянъ! (*Алексѣй уходитъ*) Каково? я съ нимъ однихъ лѣтъ, да вдобавокъ еще и игралъ въ бабки? (*съ испугомъ*) Господи! ну, а если онъ, ни съ того ни съ сего, да и при чужихъ, да вдругъ дернетъ про эти проклятыя бабки? Бѣда тогда! Вѣдь зарѣжетъ—ей Богу, зарѣжетъ! Да и про лѣта тоже. Непонимаю, что это такая за странность? Человѣкъ я, кажется, еще вовсе не старыи, а какъ заговорятъ про лѣта, точно въ бокъ тебя колетъ иглой. Да не замѣтилъ ли онъ еще кетати и про французскій? (*хватается за голову*) Батюшки! ну, что если онъ къ лѣтамъ-то да бабкамъ вздумаетъ еще прикментъ и французскій?.. Такъ ужъ точно совсѣмъ погубить! (*Кричитъ что есть силы*) Алексѣй!

ЯВЛЕНІЕ III-е.

АЛЕКСѢЙ (*входитъ*).

Чего изволите?

ПОЛОВНИКОВЪ.

Ты у меня, смогри, никогда не смѣй больше упоминать про эти проклятыя бабки.

АЛЕКСѢЙ.

Хорошо.

ПОЛОВНИКОВЪ.

Да и про лѣта тоже.

АЛЕКСѢЙ.

Ну и про лѣта.

ПОЛОВНИКОВЪ.

А эту книжку ты знаешь?

АЛЕКСѢЙ.

Фертъ—арцы—онъ—рара—ра—фра.

ПОЛОВНИКОВЪ (*передразнивая его*).

Фертъ—арцы онъ ра ра... и складывать еще не умѣешь, глупецъ.

АЛЕКСѢЙ.

Нѣтъ, умѣю. Да еще можетъ статья, получше васъ: вотъ сложите-ка тпру? что? не можете? А я живо сложу.

ПОЛОВНИКОВЪ.

Ну какъ же ты сложишь? сложи—поглядимъ.

АЛЕКСѢЙ.

Да также вотъ: 78 покоевъ, твердо—покой,- -арцы—аво ру—ру—ру—пру, да палочкой подопру, такъ и выйдетъ настоящее тпру.

ПОЛОВНИКОВЪ.

Хе.. хе.. палочкой подопру! А ты скажи, какъ ты книжку—то эту вотъ знаешь?

АЛЕКСѢЙ.

Разговоры-то? Да какъ же не знать, когда вы всякій день ихъ читаете?

ПОЛОВНИКОВЪ.

Анъ врешь, я и не думалъ читать.

АЛЕКСЪИ.

Не думали, да я нешто не видалъ?

ПОЛОВНИКОВЪ.

Что ты видѣлъ? ничего ты не видалъ.

АЛЕКСЪИ.

Вотъ еще!

ПОЛОВНИКОВЪ.

Вотъ я тебѣ дамъ—вотъ еще! разговаривай-ка со мной! (*въ сторону*) однако отъ него надо какъ можно дальше прятаться съ исторіей... (*Ему*) Смотри, расскажи кому нибудь что у меня есть разговоры!

АЛЕКСЪИ.

А мнѣ очень нужно.

ПОЛОВНИКОВЪ.

Я тебя не спрашиваю, нужно тебѣ или нѣтъ, не смѣй, да и только.

АЛЕКСЪИ.

Я и то не смѣю.

ПОЛОВНИКОВЪ.

То-то! (*Помолчавъ*) Я пойду въ кабинетъ, а ты не смѣй никого впускать туда, да и самъ не входи.

АЛЕКСЪИ.

Хорошо.

ПОЛОВНИКОВЪ.

Хорошо! (*въ сторону*) на чемъ бишь я остановился? Да, на Александрѣ Македонскомъ. Онъ родился... родился...

родился... Фу ты Господи Боже мой! совѣмъ забылъ, въ которомъ году родился Александръ Македонскій (*уходитъ*).

Я В Л Е Н І Е IV-е.

АЛЕКСѢЙ.

Эхма! взять ужъ и мнѣ что-ль да почитать книжку, какую бы только взять-то? А ну-ка! (*надъвѣаетъ очки и беретъ книгу*) Французская! чудо да и только--самъ по-французски не знаетъ, а книжки держитъ, вишь, чай все тону задать! Вотъ ужъ подлинно бодливой-то коровѣ Богъ рогъ не дастъ! А ну-ка эту! (*читаетъ по складамъ*) Гамлетъ, принцъ Датскій... театральная.. видѣлъ! Тамъ еще мертвецъ ходилъ, пѣсни пѣли, да могилу копали. Представленье хорошее! А поди чай все наука? До всего доходятъ. (*Беретъ еще книгу*) Физика. А ну, что така за физика? Должна быть ученая — почитаемъ. (*Звонокъ въ передней*) Ахъ ты Господне наказанье? кого еще песеть? и почитать не дадутъ. (*уходитъ и не много спустя, возвращается съ Владиміромъ Ивановичемъ*).

Я В Л Е Н І Е V-е.

ВЛАДИМІРЪ.

Занять? Да чѣмъ же онъ занять?

АЛЕКСѢЙ.

Чѣмъ? Все книжки читаютъ. Заморили себя совѣмъ ученьемъ — и все тутъ. Чѣмъ бы отдохнуть на старости лѣтъ, а они все въ книжку, да въ книжку. Скажешь слово — и ну браниться. Хоть бы ужъ вы имъ посовѣтывали, авось не послушаютъ ли?—а меня такъ ужъ совѣмъ нынче и знать не хотятъ: только заикнешься, ну: и пошла чествовать; годъ отъ году все хуже да хуже, словно малые ребята. Издурачились совѣмъ, да и все тутъ!

ВЛАДИМИРЪ.

Да нельзя-ли ему обо мнѣ доложить?

АЛЕКСѢЙ.

Куда доложить! Запершись и читаютъ! А вѣдь ужъ они какъ примутся читать, такъ, извѣстное дѣло, словно глухіе тетерева: кричи не кричи, ничего не услышать.

ВЛАДИМИРЪ.

Нечего дѣлать, приходится подождать здѣсь.

АЛЕКСѢЙ.

Да ужъ полождите, нечего дѣлать, Владиміръ Иванычъ— не то мнѣ же достанется. (*Представляетъ Половникова*) Ты, говоритъ, долженъ меня охранять, ты говоритъ, значить, мой Церберъ. А какой же я Церберъ? Церберъ обь четырехъ лапахъ, вонъ у хозяина, а я вовсе не Церберъ Да! такъ вы ужъ посидите покамѣсть, Владиміръ Иванычъ, а я пойду, да повяжу хоть чулокъ.

ВЛАДИМИРЪ.

Повяжи.

АЛЕКСѢЙ.

А вы посидите, сдѣлайте милость (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ V I-е

ВЛАДИМИРЪ.

Какой однакоже чудакъ, дяденька! И любопытно было бы знать, чѣмъ онъ тутъ занимается! неужели же все исторіей Кайданова да французскими разговорами? Должно быть такъ! право смѣшно! А всему виной его самолюбіе, которое его заставляетъ сидѣть въ четырехъ стѣнахъ. Одичалъ, одичалъ! Однакожъ я долженъ вытащить его изъ берлоги и познакомить съ моею невѣстой. Да вѣдь пожалуй еще чего

добраго не поѣдетъ—эдакой медвѣдь. (*Въ кабинетъ небольшой шумъ*). А! никакъ онъ идетъ? идетъ, идетъ, такъ и есть!

ЯВЛЕНІЕ VІІ-е.

ПОЛОВНИКОВЪ (*входитъ задумавшись*).

Послѣ сраженія при Иссѣ... Александръ Македонскій пошелъ.. пошелъ.. пошелъ. (*Останавливается и поднимаетъ голову вверхъ*) Да къ какому же черту онъ это пошелъ? (*трескаетъ себя рукой по лбу*). Вотъ вѣдь дурацкая-то память! (*кричитъ*) Алексѣй! (*Алексѣй входитъ*) Куда же бы онъ это пошелъ?

АЛЕКСѢЙ.

А я почему знаю.

ПОЛОВНИКОВЪ.

Пошелъ вонъ! Гдѣ тебѣ это знать?

АЛЕКСѢЙ.

Ужъ извѣстно, гдѣ намъ это знать!

ПОЛОВНИКОВЪ.

А! ты опять—такъ вотъ я тебѣ дамъ! (*оборачивается и видитъ племянника, потомъ не зная, что ему дѣлать, начинаетъ смѣяться.*) Хе, хе, хе! Вотъ, право, смѣшная исторія... эдакое происшествіе! какъ это я тебя не замѣтилъ, Володя?

ВЛАДИМИРЪ.

Ничего... Здравствуйте, дяденька!

ПОЛОВНИКОВЪ.

Вообрази, братецъ, какая смѣшная исторія! Вдругъ вздумалось вспомнить, куда послѣ сраженія при Иссѣ пошелъ Александръ Македонскій... не правда ли, это очень смѣшно? Хе, хе..

ВЛАДИМИРЪ.

Чтожъ тутъ смѣшнаго? изученіе такихъ героевъ, не только для насъ назидательно, но и полезно.

ПОЛОВНИКОВЪ.

Правда, а чему же ты это смѣешься?

ВЛАДИМИРЪ.

Я? ничему.

ПОЛОВНИКОВЪ.

Ничему? Гм! садись пожалуйста, братъ, сдѣлай милость.
(*Садятся*) Славная, кажется, нынче погода?

ВЛАДИМИРЪ.

Прекрасная.

ПОЛОВНИКОВЪ.

Славно въ эдакую погоду гулять на Невскомъ проспектѣ.
Былъ ты на Невскомъ проспектѣ?

ВЛАДИМИРЪ.

Былъ.

ПОЛОВНИКОВЪ.

Что тамъ много, я думаю, народу?

ВЛАДИМИРЪ.

Много. А что вы не гуляете, дяденька?

ПОЛОВНИКОВЪ (*морщась*).

Такъ, братецъ.. знаешь.. все нѣкогда.

ВЛАДИМИРЪ.

Ахъ! Кстати, дяденька, я вѣдь принесъ для васъ одинъ небольшой подарокъ.

ПОЛОВНИКОВЪ.

Подарокъ? какой?

ВЛАДИМИРЪ.

Да вотъ новый романъ Жоржъ Занда.

ПОЛОВНИКОВЪ.

Ахъ, братъ, благодарю, благодарю! Лучше этого ты не могъ и выдумать.

ВЛАДИМИРЪ.

Я зналъ, что вы его очень любите.

ПОЛОВНИКОВЪ.

Да помилуй, братецъ, какъ не любить-то? такъ отлично вѣдь пишетъ. Жоржъ Зандъ! Да это, просто, прелесть. Однако, что же это я тебя не поподчую? Чего ты хочешь? трубки, сигаръ, папирсъ?

ВЛАДИМИРЪ.

Все равно, дяленька.

ПОЛОВНИКОВЪ.

Нѣтъ, чтоже все не равно... Вѣдь у меня все, братецъ, есть. Алексѣй! (*Алексѣй входитъ*) Дай намъ курить!

АЛЕКСѢЙ.

Цыгарокъ аль копировокъ?

ПОЛОВНИКОВЪ.

Всего подай! Копировокъ.. говорить-то еще не научился, а туда же сѣдой... (*Алексѣй идетъ и роется въ коммодъ.*)

ВЛАДИМИРЪ.

А вы сами, дяленька, не курите?

ПОЛОВНИКОВЪ.

Нѣтъ, отчего же, иной разъ курю.

ВЛАДИМИРЪ.

Да вѣдь вы прежде не курили?

ПОЛОВНИКОВЪ.

Не куриль.. ну а теперь, братец, нельзя, потому что всё, видишь-ли, курятъ. Да оно же и отъ зубовъ, сказываютъ, полезно.

АЛЕКСѢЙ (*выбрасываетъ нѣсколько сигарочныхъ щипковъ*).

Вотъ цыгарки, а вотъ конировки, вотъ еще копировки, а вотъ еще цыгарки: (*обращаясь къ Половникову*) будетъ, что ли?

ПОЛОВНИКОВЪ.

Всего подай, коли тебѣ говорятъ!

АЛЕКСѢЙ (*приноситъ щипки на столъ*).

Ну?

ПОЛОВНИКОВЪ.

Ну, а теперь убирайся отъ меня къ черту

АЛЕКСѢЙ (*остановясь*).

Зачѣмъ же къ черту-то?

ПОЛОВНИКОВЪ.

За тѣмъ, что такъ надо.

АЛЕКСѢЙ.

Да что это у васъ только и рѣчей-то, что къ черту да къ черту. Ужъ поглядите, прижгутъ вамъ за это каленымъ жигаломъ языкъ!

ПОЛОВНИКОВЪ.

Тебѣ что за дѣло?

АЛЕКСѢЙ.

А и то правда. Вѣдь не мнѣ его будутъ жечь-то, а вамъ. Вспомните меня, да только поздно.

ПОЛОВНИКОВЪ.

Ладно, ладно, а теперь убирайся!

АЛЕКСѢЙ.

Пожалуй и уберусь (*уходитъ*).

ПОЛОВНИКОВЪ (*подождавъ, пока онъ не вышелъ*).

Эдакое грубое созданье! просто въ гробъ намѣревается онъ меня уложить, Володя.

ВЛАДИМИРЪ.

Такъ зачѣмъ же вы его при себѣ держите?

ПОЛОВНИКОВЪ.

За тѣмъ, что онъ ко мнѣ очень привязанъ.

ВЛАДИМИРЪ.

Такъ за его привязанность-то его можно бы, иной разъ, и не бранить.

ПОЛОВНИКОВЪ.

Ты еще очень молодъ, Володя: нельзя, братецъ, этотъ народъ не бранить, ихъ надобно непременно бранить!

ВЛАДИМИРЪ.

Для чего же, дяденька?

ПОЛОВНИКОВЪ.

Для чего? (*оглядывается и говоритъ таинственно.*) А для внушенія имъ пущаго страха, Володя.

ВЛАДИМИРЪ.

Такъ, правда, дяденька, правда. (*Перемѣнивъ тонъ*) А знаете ли, вѣдь я къ вамъ пріѣхалъ за дѣломъ?

ПОЛОВНИКОВЪ.

За дѣломъ—за какимъ это за дѣломъ?

ВЛАДИМИРЪ.

Я хочу вамъ сообщить очень важную для меня новость,

ПОЛОВНИКОВЪ.

Какую?

ВЛАДИМИРЪ.

Да я... я, знаете ли, собираюсь жениться.

ПОЛОВНИКОВЪ (*вспрыгнувъ съ мѣста*).

Жениться? какъ же это жениться?

ВЛАДИМИРЪ.

Такъ, дяденька, очень просто.

ПОЛОВНИКОВЪ.

Помилуй, да какъ же это можно жениться?

ВЛАДИМИРЪ.

Да отчего же нельзя? Право, я васъ не понимаю.

ПОЛОВНИКОВЪ.

Помилуй, Володя! Да ты еще очень молодъ.

ВЛАДИМИРЪ.

Любезный дяденька, да мнѣ двадцать ужъ восемь.

ПОЛОВНИКОВЪ.

Любезный племянникъ, да мнѣ тридцать ужъ восемь...

ВЛАДИМИРЪ (*въ сторону*).

Согрѣшилъ, дядюшка, согрѣшилъ! Годиковъ пятнадцать съ костей скинулъ долой.

ПОЛОВНИКОВЪ.

Да и то думаю еще лѣтъ 7 подождать, чтобъ было какъ разъ 45.

ВЛАДИМИРЪ (*въ сторону*).

То есть всѣхъ 60! Нечего сказать—прекрасный молодой человѣкъ, завидный женихъ!

ПОЛОВНИКОВЪ.

Нѣтъ, Володя, ты это выкинь, выкинь поскорѣе изъ головы.

ВЛАДИМИРЪ.

Нельзя къ сожалѣнію выкинуть-то, дяденька!

ПОЛОВНИКОВЪ.

Какъ нельзя? значитъ ужъ у васъ все рѣшено?

ВЛАДИМИРЪ.

Все рѣшено.

ПОЛОВНИКОВЪ.

Рѣшено? ну братъ жаль мнѣ тебя, чрезвычайно какъ жаль!

ВЛАДИМИРЪ.

Да чего же это вамъ жаль-то?

ПОЛОВНИКОВЪ.

Жаль, братъ, ужасъ какъ жаль!

ВЛАДИМИРЪ.

Да помилуйте, дяденька! чегожъ тутъ жалѣть? это даже немножко обидно.

ПОЛОВНИКОВЪ.

Обидно? Ахъ, извини ты меня, голубчикъ, Володя! Я, право, нисколько не думалъ обидѣть.. Да мнѣ жаль того, что ты губишь свою будущность-то. Вѣдь она у насъ съ тобой вся еще впереди. Вѣдь ты еще очень молодъ, Володя... Какъ же зовутъ твою невѣсту?

ВЛАДИМИРЪ.

Вѣра Павловна.

ПОЛОВНИКОВЪ.

А фамилья какъ?

ВЛАДИМИРЪ.

Чернова.

ПОЛОВНИКОВЪ.

Чернова... А что она, братецъ, дѣвица, или вдова?

ВЛАДИМИРЪ.

Вдова.

ПОЛОВНИКОВЪ (*вскрикиваетъ*).

Вдова?... Ну, часъ отъ часу не легче.. поздравляю, братъ, поздравляю, Володя.

ВЛАДИМИРЪ.

Съ чѣмъ же вы меня поздравляете-то? Право, дяденька, это ужъ и дѣйствительно становится обидно!

ПОЛОВНИКОВЪ (*схвативъ его съ чувствомъ за руку*).

Голубчикъ ты мой, извини еще разъ! Ей Богу, я нисколько не думалъ тебя обидѣть... Да ты самъ подумай только—ты человѣкъ еще молодой, а тутъ вдова!...

ВЛАДИМИРЪ.

Да ей только 25 лѣтъ.

ПОЛОВНИКОВЪ.

Нѣтъ, ты подумай только — вдова!!

ВЛАДИМИРЪ.

Да не все ли равно?

ПОЛОВНИКОВЪ.

Все равно! Ахъ какъ ты еще молодъ! Ну куда еще тебѣ жениться! Молодъ ты, молодъ, Володя. Впрочемъ все таки поздравляю, отъ души поздравляю.

ВЛАДИМИРЪ.

Благодарю покорно. Такъ я и пріѣхалъ васъ просить познакомиться съ моею невѣстой.

ПОЛОВНИКОВЪ.

Познакомиться? Да помилуй, какъ же я стану знако-
миться?

ВЛАДИМИРЪ.

Сдѣлайте милость, дяленька, не откажитесь! Вѣдь у меня
безъ васъ будетъ свадьба не въ свадьбу!

ПОЛОВНИКОВЪ.

Какъ свадьба не въ свадьбу? Да я-то что тутъ такое?

ВЛАДИМИРЪ.

Какъ, что такое? Вѣдь вы знаете, я вамъ столько обя-
занъ!

ПОЛОВНИКОВЪ.

За что?

ВЛАДИМИРЪ.

Да во-первыхъ, за мудрые ваши совѣты.

ПОЛОВНИКОВЪ.

А во-вторыхъ?

ВЛАДИМИРЪ.

А во-вторыхъ, и за все остальное.

ПОЛОВНИКОВЪ.

Благодарю, братъ, благодарю. Когда же мы поѣдемъ?

ВЛАДИМИРЪ.

Да хоть теперь же. Я, признаюсь вамъ, за тѣмъ и за-
ѣхалъ.

ПОЛОВНИКОВЪ.

Спасибо, спасибо, Володя! Эй, Алексѣй! *(тотъ входитъ)*
приготовь фракъ мнѣ сію же минуту, да самый новый.
(тихо племяннику) Ну а что, братъ, сказать между нами,
что она эдакъ.. хорошенькая?

ВЛАДИМИРЪ.

Хорошенькая!

ПОЛОВНИКОВЪ.

И умная?

ВЛАДИМИРЪ.

И умная! А въ добавокъ еще и очень ученая.

ПОЛОВНИКОВЪ.

И очень ученая?

ВЛАДИМИРЪ.

Да и любить больше разсуждать все объ ученыхъ предметахъ.

ПОЛОВНИКОВЪ.

И любить разсуждать объ ученыхъ предметахъ. Давай одѣваться живѣй, Алексѣй! (*уходитъ*).

Я В Л Е Н І Е VIII-е.

ВЛАДИМИРЪ.

Вотъ чудаки! Если придти сюда безъ предувѣдомленія, такъ можно подумать, что заѣхалъ въ звѣринецъ. Воображаю, какъ онъ будетъ кургизанить съ моею невѣстой! Чего добраго—еще можетъ ее и насмѣшить, а она же, кстати, ужасно смѣшлива—такъ можетъ выдти не хорошо. Надобно бы ей разсказать. Какъ онъ долго однакоже совершаетъ свой туалетъ....

ГОЛОСЪ ПОЛОВНИКОВА.

Ты обожди, братъ Володя! я живо, сей часъ!

ВЛАДИМИРЪ.

Хорошо, не торопитесь, я подожду. Я думаю, съ какимъ страхомъ и тщательностію онъ одѣвается—чудо только, какъ онъ не выбранить до сихъ поръ своего Аклексѣя? А! вошъ оно.

ГОЛОСЪ ПОЛОВНИКОВА.

Какіе сапоги подаешь ты, болванъ?

ГОЛОСЪ АЛЕКСѢЯ.

Да какіе же вамъ еще нужно?

ГОЛОСЪ ПОЛОВНИКОВА.

Лаковые—ну!

ГОЛОСЪ АЛЕКСѢЯ.

Да за чѣмъ лаковые-то? Только испортите.

ГОЛОСЪ ПОЛОВНИКОВА.

Кшъ!.. не разсуждать!

ВЛАДИМИРЪ.

И вотъ, такая война идетъ у нихъ цѣлый день, чудаки, рѣшительно чудаки!

ЯВЛЕНІЕ IX-е.

ПОЛОВНИКОВЪ (*входитъ*).

Хороша у меня манишка, Володя?

ВЛАДИМИРЪ.

Хороша.

ПОЛОВНИКОВЪ.

Въ самомъ дѣлѣ? Да ты смотри, не ври!

ВЛАДИМИРЪ.

Помилуйте, дяденька!

ПОЛОВНИКОВЪ.

То-то, помилуйте! (*Алексью*) Перчатки! (*тотъ подаетъ*) Развѣ эти носятъ утромъ? У, болванъ! еще не знаетъ того, что весь бонтонъ носитъ утромъ темныя перчатки? Пошелъ перемѣни! (*прыскается духами*). Такъ она, дѣйствительно, значить, хорошенькая, Володя?

ВЛАДИМИРЪ.

Дѣйствительно, дяденька.

ПОЛОВНИКОВЪ.

И умная, и любитъ разсуждать объ ученыхъ предметахъ? Гм! какъ это странно однакожъ... Послушай, кажется, у меня фракъ сшить нѣсколько дурно?

ВЛАДИМИРЪ.

Напротивъ, дяденька, вы въ немъ стройны какъ пальма.

ПОЛОВНИКОВЪ.

Ну ужъ, и пальма! (*Алексью*) Ты чего, глупецъ, такъ стоишь? Давай мнѣ шинель.

АЛЕКСЬИ.

Да что вы, въ самомъ дѣлѣ, бранитесь-то все, Иванъ Гавриловичъ? Хоть бы при чужихъ-то маленько постыдились, а то только и слышишь отъ васъ, что одну брань.

ПОЛОВНИКОВЪ.

Ну, ну разсуждай мнѣ еще! Пошелъ! А шляпа у меня хороша, Володя?

ВЛАДИМИРЪ.

Прекрасная.

ПОЛОВНИКОВЪ (*цѣлуя свои пальцы*).

То-то же! Огъ Циммермана, батинька!

ВЛАДИМИРЪ.

Я знаю давно, что вы никогда не носите дурныхъ вѣщей.

ПОЛОВНИКОВЪ.

Ужъ конечно. Да оно и не стоитъ! Ужъ, по моему, коль покупать вещь, такъ покупать хорошую! Знаешь ли что? Мы съ тобой зайдемъ нѣсколько призавиться, Володя.

ВЛАДИМИРЪ.

Хорошо, дяденька.

ПОЛОВНИКОВЪ (Алексю).

Давай шинель! (Алексій подаетъ) Какъ подаешь? Пьянствовать такъ умѣешь, а какъ шинель подать такъ нѣтъ. Пьяница! (Алексій хочетъ говорить) Ну, молчать! (Владимиру) Ты не повѣришь, Володя, какая у меня слабость къ этому мошеннику! Каждый праздникъ онъ получаетъ отъ меня на вино два цѣлковыхъ и всякій разъ пьянъ. (Алексій опять хочетъ говорить) Что? И въ будни тоже хочешь получить? Какъ бы не такъ! (Алексій опять порывается что-то сказать) Ну, ну не разсуждать! Ты меня знаешь? Пьяница! Негодяй! (Владимиру) Пойдемъ, Володя! Нечего его слушать, пойдемъ, братецъ, пойдемъ поскорѣе! (оба уходятъ).

АЛЕКСѢИ (одинъ).

Господи Боже мой! Съ роду не видывалъ ни копѣйки, а всякій разъ хвалится, да еще и пьяницей бранится! Вотъ ужъ подлинно хуже всякаго индѣйскаго пѣтуха! Наказалъ же Создатель эдакимъ чудищемъ меня грѣшнаго! (идетъ вслѣдъ за ними.)

КОНЕЦЪ 1-ГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ 2-Е.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Декорація таже. Половниковъ сидитъ въ креслахъ, задумавшись ; Алексѣй стоитъ, прислонясь спиной къ дверному косяку.

ПОЛОВНИКОВЪ (*посль продолжительнаго молчанія, говоритъ плачевнымъ голосомъ*).

Алексѣй!

АЛЕКСѢЙ.

Что, сударь?

ПОЛОВНИКОВЪ.

Скажи мнѣ, незнаешь ли ты, что такое кислородъ?

АЛЕКСѢЙ.

Нѣтъ, сударь, не знаю никакого кисорода.

ПОЛОВНИКОВЪ.

И водорода не знаешь?

АЛЕКСѢЙ.

И водорота не знаю.

ПОЛОВНИКОВЪ.

Не знаешь ли, по крайней мѣрѣ, хоть углерода?

АЛЕКСѢЙ.

Нѣтъ, Иванъ Гаврилычъ, не знаю никакого и лерода.

ПОЛОВНИКОВЪ.

Экой ты необразованный, братъ Алексѣй!

АЛЕКСѢЙ.

Чтожь дѣлать-то? Знать такая моя ужъ судьба (*молчаніе*).

АЛЕКСѢЙ (*тоже плачевно*).

Иванъ Гаврилыч!

ПОЛОВНИКОВЪ.

Что, братецъ?

АЛЕКСѢЙ.

Что съ вами, батюшка?

ПОЛОВНИКОВЪ (*отрывисто*).

Ничего.

АЛЕКСѢЙ.

Что вы молчите цѣлый день, понурили головку, и все ходите изъ угла въ уголъ?

ПОЛОВНИКОВЪ.

Такъ, братъ, оставь меня пожалуйста!

АЛЕКСѢЙ.

Грѣхъ убивать-то себя понапрасну.

ПОЛОВНИКОВЪ (*вздыхаетъ*).

Охъ! Еслибъ ктонибудь меня пришибъ и въ самомъ дѣлѣ?

АЛЕКСѢЙ.

Полноте, батюшка, Бога-то гнѣвить.

ПОЛОВНИКОВЪ.

Нѣтъ—это было бы хорошо, Алексѣй.

АЛЕКСѢЙ.

А я-то что тогда безъ васъ сталь бы дѣлать-то?

ПОЛОВНИКОВЪ.

Ты-бъ нанялся къ комунибудь въ лакеи.

АЛЕКСѢИ.

Да ужъ кто меня дурака возьметъ-то, Иванъ Гаврилычъ?

ПОЛОВНИКОВЪ.

Э! не бось, возьмутъ *(молчаніе)*.

АЛЕКСѢИ.

Иванъ Гаврилычъ!

ПОЛОВНИКОВЪ.

Что, братецъ?

АЛЕКСѢИ.

Хошъ бы вы въ книжки-то что-ль почитали.

ПОЛОВНИКОВЪ *(сердито)*.

Ну ихъ къ черту!

АЛЕКСѢИ.

За что же вы ихъ изволите бранить-то?

ПОЛОВНИКОВЪ.

Такъ.

АЛЕКСѢИ.

Да за что же такъ-то? Вѣдь они книжки-то умныя.

ПОЛОВНИКОВЪ.

За то я больно глупъ.

АЛЕКСѢИ.

Нѣтъ, вы вовсе не изволите быть глупыми.

ПОЛОВНИКОВЪ.

А чтожъ? Не бось, уменъ по твоему?

АЛЕКСѢЙ.

Да ужъ извѣстно-съ.

ПОЛОВНИКОВЪ (съ чувствомъ).

Спасибо тебѣ, Алеша. (опять молчаніе)

ПОЛОВНИКОВЪ.

Алексѣй!

АЛЕКСѢЙ.

Что, Иванъ Гаврилычъ?

ПОЛОВНИКОВЪ.

Любишь ли ты женщинъ?

АЛЕКСѢЙ.

А за что мнѣ ихъ любить-то?

ПОЛОВНИКОВЪ.

Какъ? Развѣ тебѣ до нихъ нѣтъ никакого дѣла?

АЛЕКСѢЙ.

Нѣтъ, сударь.

ПОЛОВНИКОВЪ.

Экой же ты безчувственный, Алексѣй!

АЛЕКСѢЙ.

Да чѣмъ же-съ?

ПОЛОВНИКОВЪ.

Такъ, братецъ, всѣмъ.

АЛЕКСѢЙ.

Да чтоже всѣмъ? Я ужъ старъ ихъ любить-то.

ПОЛОВНИКОВЪ.

Гм... старъ... А который тебѣ годъ?

АЛЕКСѢЙ.

Да ужъ слишкомъ за 50.

ПОЛОВНИКОВЪ.

Такъ развѣ это старость по твоему?

АЛЕКСѢЙ.

А то не ужто же молодость, сударь?

ПОЛОВНИКОВЪ.

Значить и я, по твоему, старъ?

АЛЕКСѢЙ.

А извѣстно не молоды.

ПОЛОВНИКОВЪ.

Да знаешь ли ты, необразованный сиволапъ...

АЛЕКСѢЙ.

Что?

ПОЛОВНИКОВЪ.

Что одна Англичанка, когда то, гдѣ-то тамъ, прожила 200 лѣтъ!

АЛЕКСѢЙ.

Э!!!

ПОЛОВНИКОВЪ.

Да!

АЛЕКСѢЙ.

Ну, эдакъ долго живши, гляди, просто, со скуки помрешь.

ПОЛОВНИКОВЪ.

Такъ выходить, я вовсе не старъ.

АЛЕКСѢЙ.

Какъ же! Не стары! И волосы красите и зубы вставляете.

ПОЛОВНИКОВЪ *(съ сердцемъ)*.

Ну, толкуй мнѣ еще! *(молчаніе)*

АЛЕКСѢЙ.

Иванъ Гаврилычъ!

ПОЛОВНИКОВЪ *(съ досадою)*.

Что тебѣ еще нужно?

АЛЕКСѢЙ.

Женились-бы вы.

ПОЛОВНИКОВЪ.

На какомъ чертѣ?

АЛЕКСѢЙ.

На богатой, сударь, купчихѣ!

ПОЛОВНИКОВЪ.

Ну ее совѣмъ, купчиху.

АЛЕКСѢЙ.

Эхъ! Иванъ Гаврилычъ! А у меня важная было есть для васъ на примѣтѣ. *(ждетъ отвѣта, но Половниковъ молчитъ)* Старуха-то, Онисимовна шляется сюда, такъ она сказывала.... Послушайте-ка, сударь!

ПОЛОВНИКОВЪ.

Что такое?

АЛЕКСѢЙ.

Старуха-то Онисимовна шляется сюда, такъ она сказывала, что есть у нея на примѣтѣ вдова, изъ купецкаго рода, а прозвищемъ она, выходитъ, Кулажиха.

ПОЛОВНИКОВЪ.

Какая Кулажиха?

АЛЕКСѢЙ.

Вдова. Купчина-то самъ померъ, такъ вотъ она и ищетъ теперь себѣ мужа, да ищетъ-то ужъ благороднаго. Вишь, говорить, больно тошно одной жить на свѣтѣ пришлось.

ПОЛОВНИКОВЪ.

Ну такъ мнѣ-то что за дѣло, что ей тамъ тошно!

АЛЕКСѢИ.

Да, вѣдь какая Кулажиха-то просто—эхъ ты! *(утираетъ рукавомъ губы)* Толстая! Здоровая! Да и деньгу имѣеть. Просто любо—а не невѣста! Вотъ кабы вы женились, то-то мы зажили бы, сударь!

ПОЛОВНИКОВЪ.

Зажили, зажили, ну чтобы мы зажили? Дуракъ!

АЛЕКСѢИ.

Да какъ же бы не зажили? Пошли бы дѣти!

ПОЛОВНИКОВЪ.

Ну, такъ что же изъ этого?

АЛЕКСѢИ.

Вы стали бы ихъ нянчить!

ПОЛОВНИКОВЪ.

Ну?

АЛЕКСѢИ.

Ну, и Кулажиха-то бы потѣшала, да и мнѣ-то, коли правду сказать, житье было бы посолонднѣй.

ПОЛОВНИКОВЪ *(показывая ему кулакъ)*-

А вотъ я дамъ тебѣ такую Кулажиху, что ты у меня и своихъ не узнаешь.

АЛЕКСѢИ.

Да вѣдь вы это ужъ давно мнѣ все обѣщаете.

ПОЛОВНИКОВЪ.

Ну, а теперь такъ дамъ и въ самомъ дѣлѣ.

АЛЕКСѢЙ.

Эхъ, сударь! *(молчаніе)*

ПОЛОВНИКОВЪ.

Алексѣй?

АЛЕКСѢЙ.

Что, Иванъ Гаврилычъ?

ПОЛОВНИКОВЪ.

Любилъ ли ты кого нибудь и когда нибудь?

АЛЕКСѢЙ.

Да что ужъ объ этомъ теперь вспоминать-то.

ПОЛОВНИКОВЪ *(умоляющимъ голосомъ)*.

Нѣтъ, скажи, скажи, сдѣлай милость!

АЛЕКСѢЙ.

Какъ не любить, любилъ!

ПОЛОВНИКОВЪ.

Кого же?

АЛЕКСѢЙ.

Жену свою, Иванъ Гаврилычъ. Добрая была баба, нечего сказать, насчетъ всякой работы.

ПОЛОВНИКОВЪ.

Ну, а давно ужъ это было?

АЛЕКСѢЙ.

Э! ужъ давно.

ПОЛОВНИКОВЪ.

Ну, а что она, эдакъ, была хорошенькая?

АЛЕКСѢЙ.

И! просто бѣда!

ПОЛОВНИКОВЪ.

Какъ же ты за нее посватался-то?

АЛЕКСѢЙ.

Такъ, посватался, да и вся не долга.

ПОЛОВНИКОВЪ.

Какъ же вся не долга-то?

АЛЕКСѢЙ.

Такъ, самъ я былъ парень молодой, а Машутка моя и того еще моложе...

ПОЛОВНИКОВЪ.

Ну?

АЛЕКСѢЙ.

Ну, и сбила совсѣмъ съ толку: сталъ ходить какъ шальной.

ПОЛОВНИКОВЪ.

Отчего же ты ей не открылся въ любви?

АЛЕКСѢЙ.

Какъ это—открылся въ любви?

ПОЛОВНИКОВЪ.

Такъ, отчего же ты не переговорилъ съ ней?

АЛЕКСѢЙ.

Ишь вы! переговорилъ! Видно, васъ никогда сильно-то не прихватывало.

ПОЛОВНИКОВЪ *(стонетъ)*.

Охъ! *(хватается за бока)*.

АЛЕКСѢЙ.

Стыдно, сударь, переговорить-то.

ПОЛОВНИКОВЪ.

Чѣмъ же ты кончилъ?

АЛЕКСѢЙ.

Да чѣмъ? Терпѣлъ, терпѣлъ, да подъ конецъ не въ терпежъ ужъ пришло... Вотъ я разъ ее и подкараулилъ въ саду.

ПОЛОВНИКОВЪ.

Ну? Ну?

АЛЕКСѢЙ.

Ну, и говорю: Марья Ивановна, не дайте моль умереть...

ПОЛОВНИКОВЪ.

Ну, а она?

АЛЕКСѢЙ.

Ну, а она покраснѣлась.

ПОЛОВНИКОВЪ.

И сказала?..

АЛЕКСѢЙ *(прищелкнувъ языкомъ)*.

Анъ вотъ нѣтъ, ничего не сказала. А говоритъ только—пустите!

ПОЛОВНИКОВЪ.

Ну, а ты?

АЛЕКСѢЙ.

А я—нѣтъ моль, нѣтъ не пушу!...

ПОЛОВНИКОВЪ *(припрыгиваетъ на стулъ)*.

Ну, ну, ну, ну, ну?...

АЛЕКСѢЙ.

Что такое за ну?

ПОЛОВНИКОВЪ.

Что потомъ-то? потомъ?

АЛЕКСѢЙ.

Что потомъ? Ничего—женились и все тутъ—извѣстное дѣло.

ПОЛОВНИКОВЪ.

Ухъ!

АЛЕКСѢЙ.

Женились и прижили сына, да видно Богъ не далъ счастья въ дѣтяхъ-то: году не прожилъ—и умеръ.

ПОЛОВНИКОВЪ.

Ну, и жалко тебѣ его было?

АЛЕКСѢЙ.

А когда же не жалко — извѣстно, что жалко. Да что, сударь, умереть младенцемъ бѣда не велика; младенецъ невиненъ, его примутъ въ число ангеловъ Божьихъ. А вотъ худо: умереть старикомъ, да еще и одинокимъ! Какъ никто о тебѣ не пожалѣетъ, глазъ тебѣ никто не закроетъ, а еще всякій скажетъ: туда молъ тебѣ, старому, и дорога! Вотъ что худо, Иванъ Гаврилыч!

ПОЛОВНИКОВЪ (съ дѣтскимъ испугомъ).

Неужели, Алексѣй?

АЛЕКСѢЙ.

Конечно, знамо дѣло, что люди! Кому нужда до другихъ? Всякій про себя живетъ, своя рубашка къ тѣлу ближе. Что дѣлать-то? Чего ждать? Какъ обругать, обляятебя, пустить худую славу про человѣка, такъ на это насъ взять; а какъ помочь человѣку, такъ этого, ужъ извѣстно, не жди.

ПОЛОВНИКОВЪ.

Правда, Алексѣй, все правда: худо умереть одинокимъ старикомъ! (*молчаніе*) А долго жилъ ты съ своей женой?

АЛЕКСѢЙ.

Да лѣтъ 20 прожили, сударь.

ПОЛОВНИКОВЪ.

И хорошо вы жили?

АЛЕКСѢЙ.

Хорошо, сударь.

ПОЛОВНИКОВЪ.

И много дѣтей было у васъ?

АЛЕКСѢЙ.

Шестеро.

ПОЛОВНИКОВЪ.

И всѣ померли?

АЛЕКСѢЙ.

Всѣ.

ПОЛОВНИКОВЪ.

И очень тебѣ было ихъ жалко? Чтожь ты не отвѣчасшь-то мнѣ, Алексѣй?

АЛЕКСѢЙ.

Да что отвѣчать-то? (*молчаніе*)

ПОЛОВНИКОВЪ.

Ну а жена твоя какъ умерла?

АЛЕКСѢЙ.

Такъ умерла, да и все тутъ. (*Помолчавъ*) Вотъ ужъ ее такъ очень было мнѣ жалко. Шестерыхъ схоронилъ, она тоже отправилась и остался я какъ персть на бѣломъ свѣтѣ! Вѣдь извѣстно, какой у насъ уходъ за дѣтьми?

Можетъ , и сами виноваты , что всё перемерли . Гдѣ бы матери присмотрѣть за ребенкомъ , а она ступай бѣлье стирать али другое что... Ну , а ребенокъ , взвѣстно , пошелъ , промочилъ ноги да и конецъ ! Много ли ему надобно ?

ПОЛОВНИКОВЪ.

Отъ чего же умерла жена твоя ?

АЛЕКСѢЙ.

А Господь ее вѣдаетъ ! Простудилась должно быть .

ПОЛОВНИКОВЪ.

Такъ тебѣ было очень ее жалко ? (*Алексѣй опять молчитъ*) Что же ты опять молчишь , Алексѣй ?

АЛЕКСѢЙ.

Эхъ , сударь , какіе вы чудные , право ! Пристали , Богъ знаетъ съ чѣмъ .

ПОЛОВНИКОВЪ.

Отчего же ты никогда про это не говоришь , Алексѣй ?

АЛЕКСѢЙ.

Да что зря говорить-то ?

ПОЛОВНИКОВЪ.

Отчегожъ ты не женился въ другой разъ ?

АЛЕКСѢЙ.

Въ 40-то лѣтъ ? Что вы , сударь ! Какой бы я былъ мужъ ? Молодой дѣвкѣ ? А вдовы ровесницы не нашлось .

ПОЛОВНИКОВЪ.

А еслибъ ты нашелъ молодую вдову ?

АЛЕКСѢЙ.

Такъ чтожъ—все равно .

ПОЛОВНИКОВЪ (*съ усмѣлкой*) .

Въ самомъ дѣлѣ ?

АЛЕКСѢИ.

Конечно.

ПОЛОВНИКОВЪ *(опускаетъ голову).*

Вотъ оно что!

АЛЕКСѢИ.

Да-съ!

ПОЛОВНИКОВЪ.

И ты говоришь правду?

АЛЕКСѢИ.

Извѣстно, что правду! *(молчаніе; Половниковъ встаетъ и подходитъ къ зеркалу. Алексѣй продолжаетъ)* Да, сударь. Ужъ худо жениться на молодой, пропустивши года. Грѣшно, да и накладно! Бываютъ разные случаи. Иной разъ незнаешь, какъ и отвязаться-то отъ нее. Начнетъ разные штуки строить, любовниковъ заводить, а ты молчи! Самъ виноватъ, зачѣмъ женился? Да коли по правдѣ сказать, такъ и говорить-то еще не совсѣмъ смѣешь. Извѣстно, женщина молодая... Скажутъ: за чѣмъ выходила? Да вѣдь выходятъ-то иной разъ... О! охъ, охъ, охъ!... Такъ вотъ и выходить, что не слѣдъ намъ старикамъ жениться на молодыхъ-то.

ПОЛОВНИКОВЪ *(смотрясь въ зеркало машинально повторяетъ его слова).*

Не слѣдъ старикамъ жениться на молодыхъ!

АЛЕКСѢИ.

Вотъ Кулажиха совсѣмъ иное дѣло: и женщина хорошая, и деньгу имѣетъ, да и подъ пару вамъ. Женитесь-ка батюшка, право.

ПОЛОВНИКОВЪ *(смотрясь по прежнему въ зеркало говоритъ съ горькой усмѣшкой).*

Дуракъ, дуракъ, дуракъ! Взялъ бы тебя да палкой, да

палкой! Захотѣлъ, самъ не знаешь чего! Посмотрѣлъ бы на себя—то прежде хорошенько... Экъ ты! (*показываетъ самъ себя языкомъ*).

АЛЕКСѢИ.

Право, возьмите Кулажиху—то, сударь.

ПОЛОВНИКОВЪ (*качал головой*).

Глупый ты, старый, беззубый сморчекъ! Лысый коллежскій ассессоръ!

АЛЕКСѢИ.

Что же, Иванъ Гаврилычъ?

ПОЛОВНИКОВЪ.

И по дѣломъ отдуть бы тебя хорошенько! Не дурачиться бы тебѣ, жить какъ и все добрые люди живутъ!

АЛЕКСѢИ.

Право, лучше бы, чѣмъ книжки—то читать.

ПОЛОВНИКОВЪ (*отскакивая отъ зеркала*).

Что книжки? Гдѣ книжки? Какія книжки? Кайданова? Разговоры? А! Дайте-ка ихъ мнѣ сюда! Постоите, я дамъ себя знать. (*рветъ книги и топчетъ ихъ ногами*) Такъ! такъ! такъ ихъ! Еще! Хорошенько этого проклятаго Оемистокла! И Александра Македонскаго! Всѣхъ! Рѣшительно всѣхъ!

АЛЕКСѢИ (*въ испугѣ*).

Батюшка! сударь! Иванъ Гаврилычъ!

ПОЛОВНИКОВЪ.

Что? Ты думаешь, что мнѣ ихъ жаль? Нѣтъ, мнѣ вовсе не жаль! Не жаль даже и Александра Македонскаго! Ха, ха... ха... въ прахъ ихъ, въ прахъ изотру!..

АЛЕКСѢИ.

Ваше Высокоблагородіе!..

ПОЛОВНИКОВЪ.

Врешь, я вовсе не ваше высокоблагородіе, я даже не благородіе, а я просто старій глупецъ, надъ которымъ надо смѣяться, котораго надо бить по бокамъ, возить, что есть мочи... Бейте меня, добрые люди! Бейте! Бей, Алексѣй, своего барина! Бей, Алешка! Бей хорошенько! Паляй, сдѣлай милость, во всю Ивановскую!

АЛЕКСѢЙ.

Батюшка, да опомнитесь, какъ я смѣю?

ПОЛОВНИКОВЪ.

Ахъ, Алексѣй, Алексѣй! И ты, какъ это тамъ говорится—и ты точно Брутъ противъ меня: и побить-то ужъ меня не хочешь, мошенникъ ты эдакой! Вотъ тебѣ и исторія! Вотъ тебѣ и Александръ Македонскій!

АЛЕКСѢЙ.

Да что вы это говорите-то, Иванъ Гаврилычъ?

ПОЛОВНИКОВЪ.

Дѣло, Алексѣй, дѣло! Хорошо, кабы кто nibудь отдулъ мнѣ мой старья бока! *(помолчавъ)* А вѣдь ужъ только что были за книжки! *(разбираетъ обрывки)* Вотъ и Алквивіадъ! Вотъ и Фемистокъ, чтобъ чертъ его побралъ! Вотъ и сраженіе при Иссъ, послѣ котораго Александръ Македонскій пошелъ... пошелъ... пошелъ... *(почти плачетъ)* Господи Боже мой! И тутъ таки не могу вспомнить, куда онъ это пошелъ. Всѣ, всѣ они здѣсь, мои голубчики! Вотъ и бонжуръ мусье, и адье мадамъ, и парле-ву-франсе!.. Да что? На что они мнѣ теперь? Неси эти книги вонъ, Алексѣй!

АЛЕКСѢЙ.

Да куда же, сударь?

ПОЛОВНИКОВЪ.

Куда хочешь: мнѣ теперь все равно.

АЛЕКСѢЙ.

Ну, ладно, я ихъ употреблю въ дѣло.

ПОЛОВНИКОВЪ.

Употребляй, только чтобъ они мнѣ на глаза-то ужъ не попадались.

АЛЕКСѢЙ.

Не бойтесь, сударь, не попадутся (*хочетъ идти съ книгами*).

ПОЛОВНИКОВЪ.

Постой минуту, Алексѣй!

АЛЕКСѢЙ.

Что, сударь?

ПОЛОВНИКОВЪ.

Ну, а что дѣлать человѣку, который опоздалъ ужъ жениться?

АЛЕКСѢЙ.

Да мало ли что? Найти себѣ хорошую компанію, общество, жить такъ, чтобъ тебя почитали да уважали. Вотъ вамъ еще не ушло время жениться, Иванъ Гаврилыч!

ПОЛОВНИКОВЪ (*съ радостію*).

Неужели?

АЛЕКСѢЙ.

Еще бы! Кулажиха пойдетъ со всѣмъ ее удовольствіемъ.

ПОЛОВНИКОВЪ (*опустя опять голову*).

Нѣтъ, ужъ лучше ступай неси, куда слѣдуетъ, свои книги.

АЛЕКСѢИ.

Хорошо, сударь *(уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ II-е.

ПОЛОВНИКОВЪ *(помолчавъ нѣсколько времени, свиститъ)*.

Вотъ тебѣ бабушка и Юрьевъ день! Вотъ тебѣ Пахомовна и праздничекъ! *(со слезами)* Вѣра Павловна! Вѣра Павловна! За что это ты меня погубила? Еслибъ я только могъ чаще видѣться съ ней, я и то былъ бы ужъ счастливъ. Какъ бы я хотѣлъ быть ея братомъ! Хоть бы ужъ Володя женился поскорѣй, что ли! Но только какъ это мнѣ тяжело! *(звонокъ въ передней)* Кто бы это могъ быть? Вотъ хорошо, еслибъ пришли пятью минутами раньше! *(входитъ Владиміръ)* А! Здравствуй, Володя!

ЯВЛЕНІЕ III-е.

ВЛАДИМІРЪ.

Здравствуйте, дяденька!

ПОЛОВНИКОВЪ.

Садись, братъ, пожалуйста. Что хороша нынче погода?

ВЛАДИМІРЪ.

Хороша.

ПОЛОВНИКОВЪ.

Ты гулялъ?

ВЛАДИМІРЪ.

Гулялъ, дяденька.

ПОЛОВНИКОВЪ.

Ну, а заходилъ, эдакъ, знаешь, куда нибудь?

ВЛАДИМИРЪ.

Куда же?

ПОЛОВНИКОВЪ.

Такъ , братецъ , куда нибудь... Экой ты какой безтол-
ковый...

ВЛАДИМИРЪ.

Я былъ у Вѣры Павловны.

ПОЛОВНИКОВЪ.

А! (*ищетъ чего-то на полу*).

ВЛАДИМИРЪ.

Она спрашивала про васъ. Отъ чего вы такъ давно у
нея не были?

ПОЛОВНИКОВЪ.

Такъ, братецъ, все было некогда.

ВЛАДИМИРЪ.

А какъ вамъ нравится Вѣра Павловна, дяденька?

ПОЛОВНИКОВЪ (*шопотомъ*).

Хороша.

ВЛАДИМИРЪ.

Въ самомъ дѣлѣ?

ПОЛОВНИКОВЪ.

Что, въ самомъ дѣлѣ?

ВЛАДИМИРЪ.

Такъ, ничего.

ПОЛОВНИКОВЪ (*съ сверкающими глазами*).

Нѣтъ, врешь, говори, что въ самомъ дѣлѣ?

ВЛАДИМИРЪ.

Да право же ничего.

ПОЛОВНИКОВЪ.

Врешь, врешь, говори! Ты думаешь, что я не равнодушенъ, чтоль, къ ней? Ты ревнуешь меня?

ВЛАДИМИРЪ (*съ удивленіемъ*).

Помилуйте, дяденька! Миѣ васъ ревновать? Да вѣдь это было бы просто курамъ на смѣхъ.

ПОЛОВНИКОВЪ.

Ха, ха, ха! Разумѣется, просто курамъ на смѣхъ! Да и что же такое? Что я не видѣлъ, кромѣ ея, женщинъ-то, что-ли? За чѣмъ она миѣ понравится? Жениться развѣ на ней? А? Ну, какой я женихъ! Нѣтъ скажи, ну, похожъ ли я хоть капельку на жениха? Скажи, сдѣлай милость, Володя.

ВЛАДИМИРЪ.

Коли сказать правду, дяденька, такъ вы точно опоздали немного жениться.

ПОЛОВНИКОВЪ.

Такъ, такъ... Я напередъ зналъ, что и ты миѣ это же скажешь (*молчаніе*). Вотъ ты совсѣмъ другое дѣло, Володя... Водишь ли, у тебя нѣтъ отца... а я старый холостякъ... Молчи, не перебивай! Въ насъ, какъ тебѣ извѣстно, вложенъ огромный запасъ любви, который долженъ же быть употребленъ хоть на что нибудь. Если намъ некого любить, такъ мы любимъ кошекъ, собакъ или другихъ какихъ животныхъ... У меня некого любить, я одинокъ въ мірѣ, и полюбилъ я тебя, Володя... Поцѣлуй меня, другъ мой! Я хочу заступить мѣсто отца тебѣ и невѣстѣ твоей (*обнимаетъ его и цѣлуетъ*).

ВЛАДИМИРЪ.

Дяденька!

ПОЛОВНИКОВЪ.

Что?

ВЛАДИМИРЪ.

Желалъ бы и я...

ПОЛОВНИКОВЪ.

Что? Ужъ не протанцовать ли тоже и на моей свадьбѣ? Нѣтъ, братъ, поздно, поздно... поздно, Володя (*утираетъ потихоньку слезу*) А мы вотъ что, поѣдемъ-ка сейчасъ съ тобой къ Вѣрѣ Павловнѣ?

ВЛАДИМИРЪ.

Извольте!

ПОЛОВНИКОВЪ.

Ей, Алексѣй!

ЯВЛЕНІЕ IV.

АЛЕКСѢЙ.

Чего изволите, Иванъ Гаврилычъ?

ПОЛОВНИКОВЪ.

Одѣваться! Да поздравь-ка, братъ, Владиміра Ивановича— онъ женится.

АЛЕКСѢЙ.

Можетъ-ли быть? Поздравляю, батюшка, поздравляю! На комъ же это вамъ Богъ даетъ?

ПОЛОВНИКОВЪ.

На... на... на (*не можетъ договорить*) скажи ему, слѣлай милость, Володя.

ВЛАДИМИРЪ.

На Вѣрѣ Павловнѣ Черновой, Алексѣй.

АЛЕКСѢЙ.

Поздравляю, батюшка! (*тихо Половникову*) Ну, теперь бы только и вамъ сочетаться законнымъ бракомъ, Иванъ Гаврилычъ!

ПОЛОВНИКОВЪ (*также тихо*).

Съ кѣмъ это еще?

АЛЕКСѢЙ.

А съ той-то, что я говорилъ: съ Кулажихой-то.

ПОЛОВНИКОВЪ (*ощетинясь*).

Ну, ну, дуракъ! Туда же еще и разсуждаетъ! Ты у меня не разсуждай, а дѣлай свое дѣло, болванъ!

АЛЕКСѢЙ.

Я и то дѣлаю.

ПОЛОВНИКОВЪ.

Давай одѣваться.

АЛЕКСѢЙ.

Извольте, готово.

ПОЛОВНИКОВЪ.

Ну! (*Говоритъ въ сторону, одѣваясь передъ зеркаломъ*) Теперь я знаю, какъ себя надо вести. Ни гу, гу! Чтобъ она ничего не замѣтила. Буду веселиться, поздравлять, обѣщаюсъ даже протанцовать кадрили на свадьбѣ. А между тѣмъ на сердцѣ-то... Охъ! и рассказать не могу. (*Владимиру*) Вотъ я и готовъ, Володя.

ВЛАДИМИРЪ.

Такъ ѣдемте.

ПОЛОВНИКОВЪ.

Ѣдемъ! (*Алексью*) Давай перчатки!

АЛЕКСѢЙ.

Сей часъ! (*идетъ за перчатками*).

ПОЛОВНИКОВЪ.

Куда ты идешь? Вѣдь у тебя есть въ рукахъ перчатки, не видишь ихъ, чтоли?

АЛЕКСѢЙ.

Да этѣ не тѣ.

ПОЛОВНИКОВЪ.

Какія же?

АЛЕКСѢЙ.

Это свѣтлыя , а вамъ нельзя ихъ утромъ носить—вы вѣдь батонъ.

ПОЛОВНИКОВЪ.

Ну, ну, убирайся ты къ черту съ своимъ батономъ! Давай! Шинель—да и все тутъ. (*Всѣ уходятъ, занавѣсъ опускается*).

К О Н Е Ц Ъ .

ОБРАЗОВАНИЕ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ, богатый помѣщикъ, проживающій въ губернскомъ городѣ.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ, разбогатѣвшій купецъ.

АРИНА ОМИНИШНА, жена его.

ИВАНЪ ПРОХОРИЧЪ, сынъ ихъ.

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ, старшій братъ Прохора Кондратьича, тоже богатый купецъ.

ФЕДОСЬЯ АБАКУМОВНА, его дочь.

ПОТАПОВНА, кухарка Прохора Кондратьича.

АГАФЬЯ, кухарка Абакума Кондратьича.

Дѣйствіе въ губернскомъ городѣ.

ДѢЙСТВІЕ 1-Е.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Зала въ домѣ Ивана Ивановича, 10 часовъ утра. Выходятъ изъ кабинета Иванъ Ивановичъ и Прохоръ Кондратьичъ; у послѣдняго въ рукахъ сложенный счетъ.

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ *(пропуская Прохора Кондратьича въ двери впередъ).*

Пожалуйка, Прохоръ Кондратьичъ, пожалуй сюда.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ *(пробиравсь бокомъ).*

Безо всякаго церемонія, батюшка Иванъ Ивановичъ, безъ церемонія-сь.

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ.

Мы это дѣльце съ тобою такъ и покончимъ?

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Да ужъ нечего дѣлать-сь, видно, такъ и покончимъ *(прячетъ счетъ въ карманъ).*

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ.

Этотъ послѣдній счетецъ останется тоже за мною?

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

За вами, батюшка Иванъ Ивановичъ, извѣстно, за вами.

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ.

Вмѣстѣ и съ прочимъ?

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Вмѣстѣ со прочими-съ.

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ.

Оно и тебѣ-то будетъ выгоднѣй получить все гужемъ.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Да ужъ какъ же не выгоднѣй-съ—гужемъ, знамо, что выгоднѣй.

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ.

У тебя, впрочемъ, можетъ статья, были на эти деньги какіе нибудь расчеты?

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Признаться, были-съ расчеты, были.

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ.

Эхъ, чортъ возьми! Какъ же досадно, что я тебя обманулъ-то, ей Богу, безъ всякаго намѣренія съ своей стороны.... Ты, сдѣлай милость, будь совершенно спокоенъ....

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Слушаю-съ, буду—сосчитаемся какъ нибудь.

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ.

То-то, Вѣдь мы съ тобой давно знаемъ другъ дружку. Сдѣлай милость, присядь на минуточку, Прохоръ Кондратьичъ.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Миѣ бы пора ужъ, батюшка....

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ.

Нѣтъ присядь, братъ, присядь. Ты меня чрезвычайно обидишь, кодь не присядешь (*садятся*). Что твои дѣлишки?

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Ничего-съ, слава Богу, идутъ.

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ.

Парнишка-то твой, сказываютъ, умница первой руки.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Али слышать что изволили, батюшка?

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ.

Слышалъ. Вотъ видишь: Поддойниковъ Семень Петровичъ, прошлую пятницу, дѣлалъ обѣдъ. Ну, вѣдь ты его хорошо знаешь? Этотъ человѣкъ, братецъ, въ свое время, точно былъ человѣкъ.... Воспитанье получилъ удивительное! Вольтера и остальныхъ этихъ философовъ всѣхъ проглотилъ! Жилъ живмя за границей и былъ масонъ! Впрочемъ, неглядя на масонство, онъ все таки не промотался, а еще увеличилъ свой капиталъ. Теперь ужъ онъ устарѣлъ, за границу не ѣздитъ, живетъ на родинѣ, и сдѣлался на досугѣ великимъ мастеромъ ѣсть.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ *(съ удивленіемъ).*

Какъ-съ, мастеромъ ѣсть? Да это, что же такое за мастерство?

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ.

Мастерство очень хитрое, Прохоръ Кондратьичъ. Для этого мастерства существуетъ даже наука.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Наука-съ? Какая же это, батюшка?

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ.

Гастрономія.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Вострономія?

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ.

Да, наука не легкая и требующая, въ своемъ родѣ, тоже большихъ способностей.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ *(качаетъ головой.)*

Господи, Господи! До какихъ премудростей это люди дошли! Я, признаться сказать, думалъ по простотѣ, что поѣсть и всякій сѣумѣеть, лишь бы было чего, анъ гляди ты, и на это еще есть свои мастера! Что же, батюшка? Выходить, этому есть тоже какіе учителя и наукѣ этой тоже обучаютъ въ коихъ мѣстахъ?

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ.

Нѣтъ, ей не учать нигдѣ. Такъ пообѣдавши у Поддойникова, мы, пока не сѣли за карты, и повели разговоръ о здѣшнихъ дѣлахъ. Впрочемъ, разговоръ, какъ водится, вмѣсто того чтобъ идти о дѣлахъ, пошелъ о людяхъ. Вотъ мы и принялись одного хвалить, а другаго бранить и между прочимъ говорили, что твой сынъ молодецъ и надо полагать, ни въ чемъ не уступить отцу.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Благодаретуйте, батюшка Иванъ Ивановичъ.

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ.

Я очень жалѣю, братецъ, что ты самъ не слыхалъ всего этого.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Эхъ, батюшка! Гдѣ ужъ мнѣ слышать-то? Гдѣ быть середь васъ эдакихъ ученыхъ людей и держать ученый вашъ разговоръ?

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ.

Ученый. Да съ какой-же это стати ученый? Въ образованномъ обществѣ не мѣсто разговору объ ученыхъ вещахъ. Такимъ разговоромъ можно какъ разъ кого нибудь

сконфузить и объ ученостяхъ заговорить только тогда, кто незнаетъ приличій и вовсе не образованъ.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ (*съ изумленіемъ*).

Батюшка Иванъ Ивановичъ!

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ.

Что такое?

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Что вы это изволите говорить? Вѣдь эдакъ, по вашему, выходитъ, что въ образованномъ-то обществѣ объ ученостяхъ вовсе не говорятъ?

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ.

Конечно, не говорятъ.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Да вѣдь вы таки изволили, я чай, обучаться кое-чему?

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ.

Я обучался,—какъ не обучаться,—да давно все забылъ.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Зачѣмъ же вы, выходитъ, послѣ этого изволили изнурять-то себя?

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ.

Да тогда это было мнѣ нужно.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

А теперь-съ?

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ.

А теперь ужъ вовсе не нужно.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Вишь ты какія дѣла! И молодые господа объ ученостяхъ тоже не говорятъ-съ?

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ.

И они тоже не говорятъ.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

А барышни-съ?

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ.

И барышни тоже. Имъ надобно знать только лишь три науки.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Какія-съ?

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ.

Музыку, танцы да языки.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

За чѣмъ же имъ эти-то три-съ?

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ.

А за тѣмъ, чтобъ играть въ обществѣ роль.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Такъ выходитъ, оно все таки для игры-съ?

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ.

Для игры.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Стало, и я будь одѣтъ по вашему да обрѣй бороду, прожилъ бы тоже не хуже другихъ?

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ.

Конечно бы прожилъ не хуже другихъ.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

И середь благородныхъ людей?

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ.

И середь благородныхъ людей.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Да все это, батюшка, правду изволите говорить?

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ.

Конечно, правду.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Очень благодарствую, что не побрезговали со мной разговоромъ. Вы, батюшка, истинно меня просвѣтили, ей Богу! Очень лестно потолковать съ эакаимъ умнымъ чело-
вѣкомъ, какъ вы. Какъ ваша супруга въ своемъ здо-
ровьѣ!

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ.

Спасибо, братъ, хорошо.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

А дочька-съ?

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ.

И дочь хорошо.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

А сынокъ-то пишутъ ли изъ Питера?

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ.

Пишетъ.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

И вы точно, батюшка, мнѣ изволили говорить правду, что въ вашемъ обществѣ объ ученостяхъ-то не гово-
рятъ-съ?

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ.

Конечно, правду.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Я и самъ , признаться сказать , эдакъ же думалъ ,—да все какъ-то боялся... А теперь вы истинно меня просвѣтили, ей Богу! (*встаетъ*) Прощайте-съ, за тѣмъ.

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ.

Куда же ты? посиди.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Не могу, батюшка, дѣльцо есть спѣшное.

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ.

Ну, прощай, братъ, прощай!

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Прощайте, батюшка.

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ.

Прощай, Прохоръ Кондратьичъ.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Прощайте, батюшка. Ей Богу, истинно благодарствую васъ за то, что меня просвѣтили — прощайте-съ (*уходитъ, Иванъ Ивановичъ провожаетъ его*).

СЦЕНА 2-я.

ЯВЛЕНІЕ II-е.

У Прохора Кондратьевича. Входятъ и садятся: Прохоръ Кондратьичъ, Арина Олимпиашна, Абакумъ Кондратьичъ и Иванъ Прохорычъ.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Любовь родительская заставила меня, братъ Абакумъ, звать тебя сюда для того, чтобы съобща и всей семьей

потолковать о дѣлѣ, которое, съ недавней поры, словно гвоздь зашло у меня въ головѣ. Ты, какъ старшій по рождеству, и при этомъ извѣстный своимъ разумомъ и богобоязненностью человекъ, такъ можешь помочь обсудить намъ его.

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Благодарствую! Чтоже? Словомъ я завсегда радъ услужить человекъ. Сказывай безъ сумнѣнія, Прохоръ, въ чемъ состоятъ?

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

А въ томъ, изволишь ты видѣть, что молодымъ парнямъ, въ нынѣшнее мудреное время, дожить по отцовскому, такъ совсѣмъ не подѣть.

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Что это такъ?

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

А такъ! хошь къ примѣру вспомнимъ-ка про наше житье. Ну, какъ жили мы встарину? Просто! Но глупому своему разумѣнію, какъ все люди живутъ! Жили очень хорошо. А теперь, видишь ли, все по ученю пошли.

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Да, сатана ихъ возьми! Господи, спаси и помилуй насъ грѣшныхъ!... Ужъ мудрить что-то больно хотять.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Образовываются все, Абакумъ.

ИВАНЪ ПРОХОРИЧЪ.

Теперь ужъ, дяденька, стыдно образованнымъ-то не быть-съ.

АРНА ОМИНИШНА.

Теперь ужъ, братецъ, коль фрака не носить, да борода не скоблить, такъ совсѣмъ пропадай.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ *(отстраняя ее).*

Охъ, обождикось, пожалуйста, хошь маленько, жена. Точно, диво да и только, братъ, какъ поглядишь измѣняется свѣтъ! Какъ образованье по немъ скоро расходится и родъ людской все премудрости набирается! Что было при насъ и стало теперь! До чего-то еще дойдутъ люди со временемъ? Видно до того, что ужъ и не поймешь ничего.

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Истинно же сказано, что умудряетъ немудрыхъ Господь!

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

И ученье да образованье изощряютъ умъ человѣка.

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Все это такъ, да къ чему же вся рѣчь твоя, Прохоръ, идетъ?

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

А къ тому, что сильно раздумывалъ я надъ эдакимъ дѣломъ, самъ имѣвши не книжнаго сына, и незналъ какъ помочь своему горю, пока не смекнулъ, въ чемъ все состоитъ.

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Да что такое? что состоитъ?

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

А то, что я своего Ивана-то тоже образовать захотѣлъ.

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Образовать? Какъ это такъ?

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Да такъ, очень не хитро—нарядить вотъ во фракъ, да и дѣлу конецъ! *(Абакумъ сидитъ разинувши, отъ удивленія)*

ротъ. Молчаніе. Прохоръ Кондратьичъ говоритъ съ досадою)
 Что за бѣсъ! Что-жь ты это на меня такъ глядишь,
 Абакумъ?

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Съ нами крестная сила! Ты никакъ, Прохоръ, спятилъ
 съ ума?

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Какъ? Ты безъ толку—то не бранись, Абакумъ! Ты по-
 слушай сначала человѣка, каково онъ говоритъ—ну, коли
 глупо, тогда и бранись! Я не съ самодуру веду эту рѣчь,
 а поразмысливши да обдуманно. Да вотъ, постой, я тот-
 часъ тебѣ растолкую.

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Толкуй, толкуй! Авось я и въ толкъ что возьму.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Ты думаешь, что науки намъ что-ли нужны? Вона!
 Коль и другіе безъ нихъ обходятся, такъ по глупому моему
 разумѣнію, нашему брату, торговцу, онѣ и подавно со-
 всѣмъ ненужны! Денегъ мы и безъ нихъ наживемъ—за
 прилавкомъ сидѣть не звѣзды считать—а какъ одѣнемся
 по-господски, такъ и ни чѣмъ не будемъ хуже другихъ.
 Вотъ тебѣ и наука наша вся тутъ! Хе! А ты думалъ, что
 для образованья-то надо учить разнымъ премудростямъ?
 Нѣтъ, постой! Мы отъ премудрости-то еще себя оборо-
 нимъ. Ты чай слышалъ, что есть господа, которые всю
 жизнь ведутъ за ученьемъ—такъ вотъ, какъ они доберутся
 до путнаго чего—мы, на доравчинку-то, и попользуемся
 ихнимъ умомъ! Вотъ оно что! И спасибо, что я Ивана-то
 моего ничему не училъ—да по напрасну не изнурялъ! Ну,
 зачѣмъ ему знать то, чего вовсе не слѣдуетъ? Я его просвѣщу
 такъ, чтобъ онъ былъ похожъ на всѣхъ по виду—паряжу
 вотъ во фракъ, да и дѣлу конецъ. Правильно-ль говорю,
 Абакумъ?

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Ухъ! Огорошилъ ты меня, Прохоръ.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Что такъ?

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Лукавый, вижу я, изострился на твою погибель; на недоброе дѣло онъ тебя смущаетъ.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Вотъ тебѣ на!

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Погибнешь ты, братъ, совѣмъ и съ твоимъ Иваномъ.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Какъ погибну? Отъ чего же я это погибну? Ты, право, такое говоришь, Абакумъ, что вдругъ и понять-то нельзя.

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Покайся поскорѣй въ твоихъ непутныхъ словахъ.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Въ чемъ это стану я каяться?

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Брось это все—не грѣши.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Да какой же грѣхъ, коли я говорю дѣло? Растолкуй, Абакумъ! Я тебѣ говорилъ вещь разумную и думалъ, что ты благой совѣтъ мнѣ подашь, говорилъ до конца, а ты, вмѣсто совѣта, зачалъ кричать: кайся, кайся! А въ чемъ каяться, поди, и самъ, чай, не знаешь.

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Не выйдетъ путнаго изъ этого ничего! Плюнь на всѣхъ, не чего намъ на нихъ глядѣть-то. Выбей теперь же изъ

головы эту проклятую образованность что-ли, бѣсь ее по-
бери! Не выбьешь, свертится Иванъ, оставишь—такимъ со-
хранишь; ужъ хуже теперешняго онъ тогда никакимъ сред-
ствомъ не будетъ.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ (*третъ себя лобъ*).

Вотъ, хошь убей, не пойму, отъ чего это онъ такъ свер-
тится-то?

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

А отъ того, что такъ слѣдуетъ быть.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Да отъ чего же слѣдуетъ-то?

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

А отъ того и слѣдуетъ, что слѣдуетъ (*небольшое мол-
чаніе*); онъ тебя разорить, размотыжиничаетъ всѣ твои
деньги.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Ну, ужъ это, стой! На деньгу-то я, братъ, не со-
всѣмъ тароватъ.

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Я говорю тебѣ, брось эту притчу, которая, не извѣстно
отколь, на тебя набрела.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Не могу, Абакумъ.

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Отъ чего?

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Да отъ того, что ужъ у меня такой обычай: ни за что
не брошу хорошей вещи, коль она только мнѣ взшла въ
голову. Я вѣдь отецъ и хочу счастья дѣтищу-то своему.

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Извѣстно, нельзя бросить, Прохоръ Кондратьичъ.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Да вы съ ума, видно, всё здѣсь сошли?

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Нѣтъ, кажись, не сошли.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Али лукавый васъ, что ли, мутить?

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Нѣтъ, и онъ не мутить.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Тѣфу ты пропасть! Да я и опомниться-то отъ вашихъ глупыхъ рѣчей не могу.

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

А вотъ какъ опомнишься, такъ и самъ, эдакимъ же ма-
меромъ, образуешь свою Федосью.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ *(наконецъ разсердась).*

Какъ же! Наткось! Гляди! Держи пуще карманъ! Чтобъ она окунфуживать, чтоль, меня зачала? Чтобъ она умнѣ меня была? Да ништо для этого выхолилъ я ее? Я выхолилъ ее, братъ, на утѣху свою: чтобъ она меня почитала! Я хранилъ ее ото всякаго зла, держалъ въ невѣденіи всего! И она, точно, сохранилась, невинная голубка моя: чиста отъ познанія зла и добра, не вѣдаетъ козней людскихъ, *(тропуть)* живетъ во всей простотѣ и въ блаженномъ первородномъ положеніи человѣка!

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

А выдашь за образованнаго.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

За образованнаго? Чтобъ я дѣтище свое да продать? отдалъ какому ни на есть мотыжнику трудовую копѣйку свою? Да скорѣй удавлюсь, а ужъ этому не бывать!

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

А вотъ, мы поглядимъ.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Поглядимъ! Онъ возьметъ трудовую копѣйку мою да транжириль почнетъ, пиры да банкеты станеть давать да похваляться дѣломъ своимъ, а я приду и скажу: пусти моль меня, голубчикъ, къ себѣ! Дай отъ пировъ-то твоихъ отвѣдать! Покорми, Христа ради, меня, дурака! Вѣдь ты все отъ меня получилъ; вѣдь кажинный кусокъ, что ты ѣшь, добытъ моею деньгой! Дай отвѣдать теперь, не горь-еаль будетъ копѣйка моя?

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Ни къ селу, ни къ городу пошелъ городить.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ *(вошедъ въ азартъ).*

Дай мнѣ хоть на дѣтищо-то свое поглядѣть! Я вскормилъ, я возлѣблялъ ее! И возговорить онъ тогда; подь моль ты, погляди на нее, да не съ передняго, слышь, крыльца заходи! У меня моль гости сидятъ, такъ куда мнѣ тебя, мужика, показать?

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Да постой!...

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ *(не слушаетъ).*

И дочька-то въ заднемъ покоѣ сидитъ, чтобъ не видѣли люди ее...

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ *(удерживая).*

Да не дѣло, постой....

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ (*отпихивается опъ него руками*).

И не говорили, дескать, какую дурищу я себѣ навязалъ....

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ (*плюетъ въ досаду*).

Тьфу ты пропасть!

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

А коли онъ да научить ее, какъ оконфуживать-то меня? Да тогда объ одномъ лишь молю: пуцай ужъ у меня дучше прилипнетъ языкъ, чтобъ я ей не накликалъ какую бѣду.... (*трясетъ головою*) Охъ, боюсь я и думать объ ужастяхъ этихъ теперь!

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ (*въ недоульнии*).

Да какимъ же средствомъ это все можетъ приключиться-то съ тобой?

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Эхъ, Прохоръ, Прохоръ, все можетъ! Врагъ людской вѣдь силенъ: отъ одного дуновенья его разлетятся жупеломъ всѣ воспитанья мои.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Такъ что же ужъ тутъ дѣлать-то?

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Да то, что ты брось эту притчу, коль не хочешь бѣды.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Скажи причину, такъ, можетъ, и брошу.

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Да какую же тебѣ еще надо причину? Эй, брось, говорю!

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

На тебя, кажись, не въ обиду тебѣ будь сказано, что-то нашло, Абакумъ. Ты нонче что-то особливо карактернъ сталъ, а ужъ и безъ карактеру-то, прости Господи, ты ровно какъ я, хошь недѣлю по ней стучи—все не выступишь ничего. Посмотрикось, какимъ бариномъ будетъ у насъ Иванъ.

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Пьяницей онъ у васъ будетъ.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Ты напрасно эдакія слова говоришь, Абакумъ.

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Съ кругу, какъ есть, сошьется. Знаю я, Прохоръ, кто тебя на это смущаетъ.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

А кто?

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Вотъ кто (*указываетъ на Арину Фоминишну*)—она! Берегись, чтобъ баба тебя не осѣдлала, баба, Прохоръ, хитра!

АРИНА ФОМИНИШНА.

Что это, Прохоръ Кондратьичъ, какъ онъ тебя позорить? Что ты ему свою сожительницу да даешь въ обиду?

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Я тебѣ не дамъ ее обижать, Абакумъ.

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Полоумный ты эдакой!

АРИНА ФОМИНИШНА.

Ужъ пошелъ и браниться. Слышишь, Прохоръ Кондратьичъ?

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Ты... и точно... не бранись, Абакумъ, а коли хочешь браниться, такъ уходи.

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Уходи? Хорошо, я уйду—да гляди же, опосля этого ты со мной и не знайся.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

А мнѣ и не надо.

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Не надо?

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Да извѣстно, не надо.

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ *(собираясь съ духомъ).*

Ну, такъ стрясись надъ тобой за это всякое зло! *(Идетъ къ дверямъ и возвращается)* А оно, между прочимъ, что до меня, такъ Богъ съ вами, я его вамъ не желаю! Тьфу, тьфу—вотъ оно что! *(уходитъ)*

Я В Л Е Н І Е III-е.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ *((ему вдогонку)).*

Надъ тобой стрясись оно, не надо мной! Тьфу! съ ума спятилъ, старый дуракъ! Разкаркался, словно флинь—пугало эдакое почное! Разносился туда же съ своей Федосьей—ну, да пушай! Ты у меня, Иванъ, не будешь такимъ, какъ она—ты будешь образованнымъ. Еще поглядимъ, кто-то будетъ изъ васъ почище? Вздумалъ туда же уму учить, а на какого бѣса его ученье? На зло же, вотъ, сдѣлаю—нечего тутъ толковать, нынче же дѣло все по-рѣшу—изготовляйся, Иванъ!

ИВАНЪ ПРОХОРЫЧЪ.

Тятенька-съ!

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Что? Или боишься образованья-то? Не укусишь, не бось. Видишь, что выдумалъ, старый дуракъ! Ништо, статочное дѣло, что ты съ кругу сопьешься, Иванъ?

ИВАНЪ ПРОХОРЫЧЪ.

Вамъ очень хорошо извѣстно, что я еще и вкуса не знаю въ винѣ-съ.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

То-то, смотри! Ты поведешь теперича совсѣмъ другую жизнь, Иванушка, въ которой понаберешься разныхъ хорошихъ вещей. Извѣстно, оно страховато на первый случай, да ничего, опосля, какъ попривыкнешь, такъ ничего ужъ бояться не станешь.

АРНА ФОМИНИШНА.

Вотъ, постарайся дойти до этого, Иванушка.

ИВАНЪ ПРОХОРЫЧЪ.

Постараюсь, маменька.

АРНА ФОМИНИШНА.

Постарайся, душенька.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Только слушай, Иванъ! Ежели я замѣчу что за тобой, али, какимъ способомъ, да сбудутся Абакумовы слова—такъ ты меня знаешь, я шутить не люблю—сволоку разомъ фракъ, тутъ тебѣ и всему просвѣщенью конецъ!

ИВАНЪ ПРОХОРЫЧЪ.

Я, тятенька, завсегда хотѣлъ заслужить себѣ доброе слово-съ.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Знаю.

ИВАНЪ ПРОХОРЫЧЪ.

И завсегда зналъ страхъ родительскій-съ.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

И это знаю. Да ты не бойся! Извѣстное дѣло, коли ты себя поведешь хорошо, такъ и я вѣдь тебя не трону. Ну, а теперь ступайка съ матерью—то, да приготовься.

АРНА ФОННИШНА.

Пойдемъ, Иванушка.

ИВАНЪ ПРОХОРЫЧЪ.

Извольте, пойдете-съ (*уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ (*одинъ*).

Ну, кажись, я устроилъ теперь Ивана отмѣнно—и сдѣлалъ для него все, что только зналъ! Лучше этого выдумать я ужъ ничего не сумѣю. Дай ему, Господи, всякаго счастья! Это я говорю, я, отецъ, для того, что люблю своего сына, дѣтище свое родное.

КОНЕЦЪ 1-го дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ 2-Е.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Декорація таже. Иванъ Прохорычъ уже одѣтый во фракъ; Прохоръ Кондратычъ оглядываетъ его.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЫЧЪ.

А повернисько-сь, Иванъ! Стань передо мной, словно листъ передъ травой! Бокомъ! Правымъ! Лѣвымъ! Задомъ! Э!!!... Да сзади-то, братъ, ты по мнѣ еще лучше чѣмъ спереди.

ИВАНЪ ПРОХОРЫЧЪ.

Ну такъ важно-сь! значить, я жентельмень.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЫЧЪ.

Что это еще за жентельмень?

ИВАНЪ ПРОХОРЫЧЪ.

Аглицкой дворянинъ-сь.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЫЧЪ.

Ой! Это дѣло, Иванъ. Въ русскіе-то мы съ тобой не попали, такъ хошь въ аглицкіе пока записались. (*Обнимаетъ его со слезами и цѣлуетъ*) Дитячко ты мое! Нѣтъ тебя, по мнѣ, краше въ цѣломъ свѣтѣ бѣломъ! Не нарадуется на тебя мое сердце! Дайкосъ мнѣ еще поглядѣть-то (*оглядываетъ его и опять обнимаетъ*). Голубчикъ ты

мой! Отворять теперь всё дома для тебя и почнешь ты знаться, не съ простыми людьми, а съ такими какъ самъ. Образованный мой сынокъ! Кабы киса у тебя не была здорова, такъ пришлось бы кланяться людямъ, а теперь подождемъ мы поклона отъ нихъ. Голубчикъ ты мой, ведижь себя, смотри, честно!

ИВАНЪ ПРОХОРЫЧЪ.

Слушаю-сь.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Ты богатъ, такъ на что плутовать? Кабы ты былъ бѣденъ—ну, тогда... все еще. А теперь выставь на видъ свою честность и почтенъ будешь за то. Вѣдь она завсегда у людей почтена, коль звенить въ карманѣ. Я тебѣ оставляю теперь всё свои дѣла, а самъ ужъ примусь за нужнѣйшую вещь....

ИВАНЪ ПРОХОРЫЧЪ.

За какую это, тятенька?

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ *(грустно)*.

За спасеніе моей грѣшной души. Пора, пора, погрѣшилъ со свое! Да и какъ же было не погрѣшить-то, коли покойный-то родитель, царство ему небесное! оставилъ намъ съ Абакумомъ въ наслѣдство всего на все 4 рубля? Онъ былъ, знаешь, господскій мужикъ, велъ торговлю скотомъ, а откупимшись на волю, зачалъ еще торговать тѣмъ да сѣмъ—да и покончилъ тѣмъ, что проторговался совсѣмъ. А что мать-то тебя еще не видала?

ИВАНЪ ПРОХОРЫЧЪ.

Нѣтъ-сь, не видали.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Такъ чего мы ея не позовемъ? *(кричитъ)* Ооминишна!
А Ооминишна! Подько сюда.

Я В Л Е Н І Е П-е.

АРЦА ФОМИНИЦНА *(входитъ)*.

Что, Прохоръ Кондратьичъ? *(видитъ сына)* Иванушка!
(виснетъ ему на шею).

ИВАНЪ ПРОХОРЫЧЪ.

Маменька!

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Эхъ, словно какая голубка увивается моя Фоминишна
возлѣ него! И за что только Господь послалъ мнѣ эту
радость? Много я середь жизни грѣшилъ; много кому зла
натворилъ; противу совѣсти сколько разъ погуналъ, аиъ
вотъ за это все, да еще эдакое счастье пришло! *(громко)*
А скажи-ка, Иванъ!

ИВАНЪ ПРОХОРЫЧЪ.

Что вамъ угодно-сь?

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Какъ ты, тамъ, себя по Французскому называть?

ИВАНЪ ПРОХОРЫЧЪ.

Жентельменъ-сь.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

А вѣдь это какъ, выходитъ, по-русски-то? Дворянинъ?

ИВАНЪ ПРОХОРЫЧЪ.

Дворянинъ-сь!...

АРЦА ФОМИНИЦНА *(вскрикиваетъ)*.

Дворянинъ!

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Да, дворянинъ, только не Русскій, а Англицкій пока,

видишь ли... Хе, хе, хе!... Ну, а сказка ты мнѣ, господинъ дворянинъ, много-ль ты денегъ на ученье свое издержалъ?

ИВАНЪ ПРОХОРЫЧЪ *(не рѣшительно)*.

Да я, тятенька... Да я... того-съ....

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Что? Не бось, много? Ну, я такъ и зналъ—сотни двѣ али три?

ИВАНЪ ПРОХОРЫЧЪ.

По... по... побольше-съ.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Ну, четыре аль пять?

ИВАНЪ ПРОХОРЫЧЪ.

По... по... побольше-съ.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ *(наслупливаетъ брови)*.

Такъ ужели же шесть?

ИВАНЪ ПРОХОРЫЧЪ.

По... по... побольше-съ.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Да сколько же больше-то? Семь? восемь? девять? тысячу? *(отчаяннымъ голосомъ)* Чтожь ты молчишь?

ИВАНЪ ПРОХОРЫЧЪ *(едва внятно)*.

Двѣ тысячи двѣсти рублей-съ.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ *(всплеснувши руками)*.

Ахъ, мошенская голова! Разбойникъ ты эдакой! Фараонъ ты безмилосердный! *(подступаетъ къ нему поближе)*.

ИВАНЪ ПРОХОРЫЧЪ *(пятится отъ него)*.

Тятинька-съ!

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Грабитель ты эдакой! Да что у меня про тебя золотыя горы, что-ли?

ИВАНЪ ПРОХОРЫЧЪ.

Помилуйте-съ, тятинька!

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Что ты думаешь, я съ тобой за это сдѣлаю?

ИВАНЪ ПРОХОРЫЧЪ.

Что вамъ угодно-съ.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Что мнѣ угодно? Такъ, обожди! Я вотъ, не заплачу денегъ, да и дѣло съ концемъ.

ИВАНЪ ПРОХОРЫЧЪ и АРИНА ФОМИНИШНА *(кричатъ, струсивъ).*

Тятинька! Прохоръ Кондратьичъ!

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Вишь ты, какой гличанинъ — смотрикась! Да вѣдь это разоръ! За эти деньги я бы какихъ хошь учителей нанялъ—вѣдь эдакъ выходитъ, что ученая-то образованность не въ примѣръ дешевле простой.

АРИНА ФОМИНИШНА *(со слезами).*

Сына своего выдаешь на посмѣшище, Прохоръ Кондратьичъ!

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Кто его выдаетъ на посмѣшище?

ИВАНЪ ПРОХОРЫЧЪ.

Да какъ же, тятинька-съ? Ужъ извѣстно, опосля эдакой штуки куда я гожусь?

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Что же портной-то прислалъ счетъ али нѣтъ?

ИВАНЪ ПРОХОРЫЧЪ.

Какъ же, какъ же, прислалъ-съ.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Дайка сюда (*Иванъ Прохорычъ подаетъ*). Гмъ! (*Развертываетъ бумагу и прищуривъ глаза старается прочесть, потомъ взглядываетъ съ удивленіемъ на Ивана Прохоровича*)
Что за бѣсъ? Что такое ты это принесъ?

ИВАНЪ ПРОХОРЫЧЪ.

Какъ что? Да счетъ-съ.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Да по-каковски онъ написанъ-то?

ИВАНЪ ПРОХОРЫЧЪ.

Ахъ, тятинька, вѣдь портной-то французъ.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Такъ по французскому его написалъ, а ты и принесъ!
Да мы ништо съ тобой знаемъ по французскому-то? Онъ, поди, тамъ, и нивѣсть что навралъ (*взглядываетъ опять на счетъ*), да постойкось, стой! Вонъ, онъ цыфирь-то написалъ по нашему! Для чего это ее по нашему написалъ? Что? Знать, надуть захотѣлъ? Дайкось молъ счетъ-то я по французскому напишу, а поихнему поставлю цыфирь, такъ они не поймутъ да и заплатятъ сполна? Нѣтъ, братъ, врешь—обожди! Не тебѣ надувать! (*швыряетъ счетъ*) на, возьми, пуцай пишетъ другой (*Иванъ Прохорычъ прячетъ счетъ*).

АРИНА ФОМНИШНА.

Что же, ты заплатишь ему, Прохоръ Кондратьичъ?

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Эго мы поглядимъ.

ИВАНЪ ПРОХОРЫЧЪ.

Помилуйте, тятенька-сь! На эдакой, то есть, вальяжный манерь просвѣщенье пошло, а теперича....

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Что, теперича?

ИВАНЪ ПРОХОРЫЧЪ.

А теперича должно все порѣшить-сь.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Какъ это, порѣшить?

ИВАНЪ ПРОХОРЫЧЪ.

Да ужъ извѣстно-сь, портной платьѣ-то все назадъ отбереть.

АРЕНА ФОМИНИШНА.

Заплати, Прохоръ Кондратьичъ!

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Заплати, заплати! *(киваетъ на нее въ досадъ головой)* У! *(Ивану Прохорычу)* Да смотри, чтобы это ужъ у меня было въ послѣдки!

ИВАНЪ ПРОХОРЫЧЪ.

Право же, тятенька, никогда больше не буду-сь.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Извѣстно, не будешь, для того, что я больше никогда и не дамъ ни копѣйки. Я достану деньги и запроу вонъ туда... *(Указываетъ на комодъ).*

ИВАНЪ ПРОХОРЫЧЪ.

Для чего же вамъ теперь трудиться-то-сь?

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Не хочу—пушай ихъ лежать въ сторонѣ. (*Уходитъ и черезъ нѣсколько минутъ возвращается съ деньгами*) Вотъ те деньги—держи! (*запираетъ ихъ и прячетъ ключъ въ карманъ*) А ты мнѣ признайся—можетъ статься.... того тебѣ еще нужно? Такъ тогда изъ любви, какъ отецъ....

ИВАНЪ ПРОХОРЫЧЪ.

Тятенька!

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ (*продолжаетъ тѣмъ же тономъ*).

И не дамъ я тебѣ ничего, чтобъ ты больше не баловался! Ежели ты зачнешь эдакъ мотать, такъ проживешься совѣмъ, а тогда на кой бѣсъ все твое просвѣщенье? А я вотъ что еще думаю....

ИВАНЪ ПРОХОРЫЧЪ.

Что, тятенька?

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Чай пріятели-то у тебя есть?

ИВАНЪ ПРОХОРЫЧЪ.

Какъ же не быть-съ.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Такъ соберикось ты ихъ, да покорми разикъ другой. Человѣка должно завсегда покормить, для того, что словами что хошь ты ему тамъ толкуй, онъ все звѣрѣмъ глядитъ на тебя—ну, а какъ маленько покормишь, такъ онъ тотчасъ и поласковѣе станетъ къ тебѣ. Куфмистера надо нанять на этотъ случай?

ИВАНЪ ПРОХОРЫЧЪ.

Безпремѣнно надо-съ.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

А вино будетъ, аль нѣтъ?

ИВАНЪ ПРОХОРЫЧЪ.

Нельзя же, тятенька, и безъ вина-съ.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Все, поди, чай, шампанское? Охъ! Отды-то пивомъ власть не напивались, а дѣтки ужъ и шампанское тянутъ, словно воду. Ну, да это мы все устроимъ! А теперь съѣзди къ лядѣ, Иванъ!

ИВАНЪ ПРОХОРЫЧЪ.

Слушаю-съ.

АРНА ОМНИПШНА.

Очень еще нужно!

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Омнипшна, перестань ты ворчать! Съѣзди тотчасъ, Иванъ.

ИВАНЪ ПРОХОРЫЧЪ.

Слушаю-съ.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Ну, такъ пойдѣмъ, я тебѣ расскажу кое-что. (*Всп уходитъ; декорация перемѣняется*).

СЦЕНА 2-я.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

У Абакума Кондратьича. Абакумъ Кондратьичъ и Федосья Абакумовна. Федосья Абакумовна шьетъ.

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Оеня! Оенюшка!

ФЕДОСЬЯ АБАКУМОВНА (*приподнимая голову*).

Что, тятенька?

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Что ты тамъ дѣлаешь?

ФЕДОСЬЯ АБАКУМОВНА.

Шью-съ.

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Чтоже ты шьешь-то?

ФЕДОСЬЯ АБАКУМОВНА.

Обрубаю платокъ-съ.

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Чай, поди, устала?

ФЕДОСЬЯ АБАКУМОВНА.

Нѣтъ, я не устала, тятенька.

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Брось, пока, шить-то.

ФЕДОСЬЯ АБАКУМОВНА.

Что же я буду больше дѣлать? Больше я вѣдь не умѣю ничего, тятенька.

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Посиди такъ.

ФЕДОСЬЯ АБАКУМОВНА.

Такъ-то сидѣть скучно.

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Ну, маленьчко побалуй.

ФЕДОСЬЯ АБАКУМОВНА.

Что вы это, тятенька? Ну, что я стану баловать? Я вѣдь у васъ не маленькая.

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ (*всторону*).

Эхма! Дочкой-то меня Богъ наградила! Хорошая вый-

детъ жена, коли только попадетъ на руки хорошему человеку. Ну, да я знаю кому она и попадетъ-то! *(громко)* Подика, сядь сюда, голубушка ты моя *(она подходит и садится)*. А что, Оеня, еслибы тебя пришлось выдавать за мужъ? Жалко ли бы тебѣ было со мной разставаться?

ФЕДОСЬЯ АБАКУМОВНА.

А то какъ же не жалко-то, тятенька? Вѣдь я у васъ живу, словно пташечка въ клѣткѣ: ничего-то не знаю и ничего не вѣдаю, а тогда придется заботиться обо всемъ.

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Что же, Оениушка? Я выберу тебѣ женху по сердцу. Я хошь старъ и хошь врутъ, что де выжилъ совсѣмъ изъ ума, да вѣдь это все врутъ—ты, гляди, имъ не вѣрь. Знаешь ли, что я тебѣ скажу?

ФЕДОСЬЯ АБАКУМОВНА.

Что, тятенька?

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Кабы тебя у меня не было, али бы ты была не такой, какъ должно, али ослушалась, что-ли, меня, такъ уже лучше бы мнѣ тогда и не родиться! Лучше бы ужъ тогда меня Господь прибралъ! Ты у меня одна на свѣтѣ, Оеня—право. Вонъ, и Прохоръ-то, слышь, со мной разбранился.

ФЕДОСЬЯ АБАКУМОВНА.

Что же? Опять помиритесь. Вотъ, поглядите, что они къ намъ придуть.

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Нѣтъ ужъ, Оеня, не придуть.

ФЕДОСЬЯ АБАКУМОВНА.

Право же, придуть, тятенька.

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Поглядижь не придуть!

Я В Л Е Н І Е II-е.

АГАФЬЯ *(входитъ).*

Батюшка, Абакумъ Кондратьичъ!

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Что?

АГАФЬЯ.

Тамъ къ вамъ пришли-сь.

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Кто такой?

АГАФЬЯ.

Иванъ Прохорычъ, батюшка.

ФЕДОСЬЯ АБАКУМОВНА.

Что ты! Ваня?

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Иванъ? Такъ чего же онъ нейдетъ? *(идетъ къ дверямъ)*
Иванъ! А, Иванъ! Чтожь ты, братецъ, нейдешь? *(Иванъ Прохорычъ влетаетъ въ комнату; Абакумъ Кондратьичъ отшатывается назадъ)* А! Э!!!... Да что ты это?

ИВАНЪ ПРОХОРИЧЪ.

Я ничего-сь. Здравствуйте, дяденька! Здравствуйте, сестрица! Какъ поживаете въ своемъ здоровьѣ-сь? *(молчаніе)*.

ФЕДОСЬЯ АБАКУМОВНА *(съ любопытствомъ глядя на него).*

Вотъ ты какой, Ваня!

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ (съ присвистомъ).

Вотъ оно что! Вишь ты какой сталъ молодець! (оглядываетъ его и потомъ вдругъ принимается смѣяться). Хе... Распотѣшилъ ты насъ, Иванъ!

ИВАНЪ ПРОХОРЫЧЪ.

Чѣмъ-съ?

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Такъ, ничѣмъ, братецъ, садись.... Молодецъ, право же, молодець! Хо, хо, хо! (протираетъ отъ смѣху глаза) Садись же, садись, братецъ! (Садятся; молчаніе; Абакумъ Кондратьичъ начинаетъ опять смѣяться). Хе, хе, хе... Вотъ ты, значить, и сталъ образованнымъ.... Хе, хе, хе, что, здоровъ твой отецъ-то?

ИВАНЪ ПРОХОРЫЧЪ.

Славу Богу-съ. Какъ вы, дяденька?

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Я, ништо, спасибо. Расскажи же намъ, какъ это тебя наряжали-то?

ИВАНЪ ПРОХОРЫЧЪ.

Такъ-съ, нарядили, и вся не долга.

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Кто же тебя наряжалъ? Чай, портной—этотъ французъ?

ИВАНЪ ПРОХОРЫЧЪ.

Да-съ, французъ.

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Дорого онъ съ тебя содраль-то?

ИВАНЪ ПРОХОРЫЧЪ (довольно важно).

Я ему заплатилъ, дяденька, 2,200 рублевъ-съ!

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ (*вытирающимъ глаза*).

Что ты несешь это?

ИВАНЪ ПРОХОРЫЧЪ.

Ничего-съ.

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

А Прохоръ-то про это знаетъ?

ИВАНЪ ПРОХОРЫЧЪ.

Какъ же имъ незнать то-съ?

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

И тебѣ не жаль было денегъ?

ИВАНЪ ПРОХОРЫЧЪ.

Какъ же можно ихъ жалѣть, дяденька, для эдакого важнаго дѣла?

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

И Прохору тоже ихъ было не жаль?

ИВАНЪ ПРОХОРЫЧЪ.

И имъ было не жаль-съ.

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Ой? Да ты это не врешь?

ИВАНЪ ПРОХОРЫЧЪ.

Ни капли-съ.

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

И ты заказалъ все это съ согласья отца?

ИВАНЪ ПРОХОРЫЧЪ.

Извѣстно, что съ ихъ согласія-съ.

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Охъ, братъ, что-то мнѣ не вѣрится!

ИВАНЪ ПРОХОРЫЧЪ.

Помилуйте, дяденька, да они меня еще и журили, что я заказалъ-то больно мало-съ,

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Постой, постой—что ты? Воля твоя, а ужъ это ты врешь, братъ.

ИВАНЪ ПРОХОРЫЧЪ.

Право жъ, дяденька, нѣтъ-съ.

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Врешь, врешь, врешь!

ИВАНЪ ПРОХОРЫЧЪ.

Вотъ, ей Богу же, нѣтъ-съ.

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ (*мотаетъ головой и машетъ руками*).

Врешь, врешь, врешь, братецъ, врешь!

ИВАНЪ ПРОХОРЫЧЪ.

Да что это нельзя сказать слова, ужъ тотчасъ же и врешь! Да вы увидите, что я еще столько закажу-съ.

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Закажи, закажи—то те Прохоръ задасть!

ИВАНЪ ПРОХОРЫЧЪ.

За что же имъ задавать-то-съ?

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Онъ съ тебя все это посташить.

ИВАНЪ ПРОХОРЫЧЪ.

За что имъ тащить-то-съ? Вы бы послушали, что они говорятъ! Они говорятъ, чтобы я ничего не жалѣлъ. Валий, говорятъ, въ мою голову—мы де молъ съ тобой тоже не хуже другихъ.

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

И ты все это говоришь правду?

ИВАНЪ ПРОХОРЫЧЪ.

Слово въ слово-съ, какъ есть.

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ *(взмахнувши руками)*.

Ну, мой Прохоръ совсѣмъ, видно, спятилъ съ ума! Дивныя только дѣла дѣлаются это на свѣтѣ. Иной трудится весь вѣкъ, наживетъ капиталъ, а какъ нажилъ, тотчасъ и одурѣетъ. Поглядишь, поглядишь на него, только плюнешь, пойдешь да скажишь: вскую трудился молъ сей человекъ? Вотъ къ примѣру, Иванъ, хошь твой родитель-то—цѣлой вѣкъ своей коптѣль, сколотилъ капиталъ—какъ до дѣла дошло—ну, куда его дѣтъ? сочинялъ, сочинялъ. Въ головѣ-то, извѣстное дѣло, понятія нѣтъ—вотъ онъ такъ и рѣшилъ: наряжу молъ я сына во фракъ, онъ будетъ похожъ на барина—осчастливорю тѣмъ его на вѣкъ.

ИВАНЪ ПРОХОРЫЧЪ.

Помилуйте, дяденька-съ.

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Кабы ты только зналъ, какъ коптѣль твой отецъ-то? Сколько поту пролилъ! А чѣмъ кончилъ? Право слово, все одно что лошадь, что возитъ кирпичъ—навезетъ его, не знавши къ чему. Ихитекторъ придетъ и состроитъ дворецъ, золотомъ его изукраситъ, а ту лошадь оставитъ ни съ чѣмъ. Эхъ, Иванъ, плохо уже дѣло, коль у насъ хитектора-то нѣтъ въ головѣ!

ИВАНЪ ПРОХОРЫЧЪ.

Да вѣдь и вы однакожь, сказать къ примѣру, дяденька, видно, какъ и мы, дворцовъ-то не больно много настроили-съ!

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Какъ ты смѣешь эдакъ мнѣ говорить? Я живу, какъ жилали отцы! Я по крайности сберегу, что скопилъ, а не свисну, какъ вы....

ИВАНЪ ПРОХОРЫЧЪ.

Да и мы, дяденька, не свиснемъ-съ.

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Разсказывай: у меня вопъ сидитъ моя сухота-то (*указываетъ на дочь*). Я ей все оставлю, мнѣ жить не долго; а какъ помру, такъ она, мнѣ закрывши глаза, добромъ меня вспоманеть. А вы тутъ оставайтесь и просвѣщайтесь въ конецъ—наплевать мнѣ на васъ, я васъ и знать не хочу.

ИВАНЪ ПРОХОРЫЧЪ.

Право, дяденька, намъ ужасно какъ жалко-съ, что вы на насъ тогда оскорбились. Тятенька-то ужъ просить... того... просить, чтобы вы ихъ простили.

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Хе, хе, хе.... Простили, а самъ меня тогда выгналъ!

ИВАНЪ ПРОХОРЫЧЪ.

Нѣтъ-съ ужъ они хотѣли придти къ вамъ и просить, чтобъ вы къ нимъ пожаловали опять-съ.

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Кто? Я? Куда? къ вамъ?

ИВАНЪ ПРОХОРЫЧЪ.

Да-съ.

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Иди ты, Иванъ, къ твоему отцу и скажи ему, что я его сюда не зову и къ нему не пойду, но смерть мою! Я на него не сердить; а для того не пойду, что онъ сталъ измѣнщикъ, что ударился въ соблазнъ сего міра...

ИВАНЪ ПРОХОРЫЧЪ.

Помилуйте, дяденька !

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Да, намъ теперь съ нимъ больше не жить въ ладу. Такъ ему и скажи , да и такъ все скажи , какъ слышалъ— ступай!

ИВАНЪ ПРОХОРЫЧЪ.

Такъ имъ и сказать, дяденька-съ? (*Абакумъ Кондратьичъ молчитъ*) Такъ и сказать-съ?

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Такъ и скажи.

ИВАНЪ ПРОХОРЫЧЪ.

Очень хорошо-съ! Прощайте, дяденька , прощайте, сестрица!

ФЕДОСЬЯ АБАКУМОВНА.

Прощай, Ваня!

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Прощай! (*Иванъ Прохорычъ медленно уходитъ*).

КОНЕЦЪ 2-ГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ 3-Е.

ЯВЛЕНІЕ I-е.

У Прохора Кондратьича. Онъ, нѣсколько хмѣльной, расхаживаетъ взадъ и впередъ по комнатѣ; Арина Омнишна и Потаповна прибираютъ со стола остатки десерта.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ (*прохаживаясь по комнатѣ*).

Вотъ те на! И ушли! И все дѣло съ концемъ! Да что же это такое? Ужели же образованные-то люди такъ себя ведутъ? Напились и ушли—и оставили насъ здѣсь однихъ. И куда это они пошли напившись-то? Зашли словно въ харчевню—и спасибо сказать не догадались. Да я отродясь эдакихъ дѣлъ еще не видывалъ. Это сволочь какая-то, а не образованные люди—право! И что только у нихъ за разговоры? Все о мерзостяхъ—тьфу! Уши вянутъ ихъ послушать-то. И отколь это мой дуракъ-то ихъ ухитрился набрать? Нѣтъ, въ наше время, мы не такъ жили, хошь и были мужики—отобѣдавшись тотчасъ не убирались, а разсядутъ, бывало, чинно, рядкомъ, да орѣшковъ что-ли подадутъ, бывало, побаловать—ну, и сидятъ себѣ да балуютъ—и время-то, знаешь, идетъ въ удовольствіи. А это ужъ завелось какое-то безчинство: зашли словно какъ въ хлѣвъ, да за нашу же хлѣбъ-соль не хотятъ насъ и знать! Ой, Иванъ мой, Иванъ! Воротиська ты мнѣ, образованный дворянинъ—я те вотъ образую! Я те, братъ, покажу, какъ вести знакомство! Омнишна, подика сюда!

АРНА ФОМНИШНА.

Что, Прохоръ Кондратьичъ?

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Что это у насъ съ тобой былъ за обѣдъ?

АРНА ФОМНИШНА.

А что, какого же еще надо?

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Значитъ, по тебѣ все хорошо?

АРНА ФОМНИШНА.

Извѣстно хорошо, Прохоръ Кондратьичъ. Кажись все наѣлись и напились, какъ лучше нельзя.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ *(качая на нее головой).*

Эка ты умница, только погляжу я!

АРНА ФОМНИШНА.

Что такое? Чѣмъ это еще я стала виновата?

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Не ты виновата, а онъ!

АРНА ФОМНИШНА.

Кто онъ?

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Иванъ, чадо твое возлюбленное.

АРНА ФОМНИШНА.

Чѣмъ это еще онъ-то виноватъ?

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Всѣмъ! *(сквозь зубы)* Ну, да ладно—пуцай только воротится—я его вотъ прошколю!

АРНА ФОМИНИНА.

Господи Иисусе Христе! Что ты это городишь такое, Прохоръ Кондратьичъ? Поди лучше лягъ, да усни!...

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Я горожу? Э, да что съ тобой толковать—пошла вонь!

АРНА ФОМИНИНА *(в сторону)*.

Экъ его—винища-то онъ нахлебался—инда въ разумѣ помутился!

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Что же стоишь? Пошла вонь, коли я говорю!

АРНА ФОМИНИНА *(в сторону)*.

А и то лучше уйти! Что, въ самомъ дѣлѣ, толковать съ человѣкомъ пьянымъ, да еще съ глупымъ? *(уходитъ)*.

Я В Л Е Н І Е II-е.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ *(одинъ)*.

Нѣтъ.... Это нѣтъ.... Совсѣмъ не порядокъ. Ежели эдакъ пойдетъ, такъ наплевать на нихъ совсѣмъ и съ просвѣщенемъ. И гдѣ это онъ, дуракъ, пить повыучился? Онъ вѣдь прежде не пилъ. Ужъ не вправду ли кликалъ тогда Абакумъ? Да нѣтъ, не можетъ быть. *(Звываетъ)* Съ этимъ дурацкимъ банкетомъ я запоздалъ и соснуть *(звываетъ еще разъ)*. Вона, какъ зѣвота-то меня одолѣла. Э.... э. хе... хе... *(на сценѣ темплетъ)* Вонъ, совсѣмъ и стемнѣло... Дни-то ужъ пошли на убыль... *(звываетъ еще разъ)* А провалъ ихъ возьми! И въ головѣ-то словно дурманъ какой... Пойти, надо соснуть... А Иванъ обожди, воротись только, такъ я тебя прошколю... Да ты и не серчай, смотри, за то, что я тебя стану школить, для того, что вся эта школа пойдетъ тебѣ же на пользу! *(уходитъ зывая)*.

ЯВЛЕНІЕ III-е.

ИВАНЪ ПРОХОРОЧЪ (*входитъ спустя нѣсколько времени, онъ въ шляпѣ и шинели; по походкѣ его замѣтно, что онъ сильно не трезвъ*).

Стой! Держись!.. Никого... Что за чортъ, куда всѣ дѣвались? (*стоитъ нѣсколько времени, покачиваясь изъ стороны въ сторону*) Экая дрянь, такъ меня и валить! Что-то душно! (*сбрасываетъ шинель и шляпу на полъ*) Какъ темно! (*натывается на стулъ*) Обожди, я вотъ здѣсь присяду... (*садится*) Словно всѣ вымерли... Да поди, должно спать? Какъ же это, мнѣ вѣдь ихъ надобно? Тамъ меня послали—поди спроси еще денегъ—а вотъ, гдѣ я спрошу. Не соснутъ ли и мнѣ ништо? Затащилъ я ихъ туда... А у нихъ ни гроша нѣтъ да вѣдь сами же приставали—пойдемъ да пойдѣмъ. Вотъ тебѣ и пойдѣмъ! (*дремлетъ*) Батюшки мои, я совсѣмъ захмѣлѣлъ... Ну, пошло!.. Стой! Держись!.. Чу, скопились углы... Вонъ и полъ... Все кругомъ... Тпру, тпру, тпру! (*кричитъ*) поддержите меня Христа ради! (*закрываетъ глаза и сидитъ нѣсколько минутъ въ оупльннн*) Ухъ, ничего! А они все тамъ ждуть... Ждите... ждите, я лягу здѣсь спать, да и вся не долга. За чѣмъ вы туда меня затащили? Ну, гдѣ, гдѣ я возьму денегъ-то? Гдѣ? гдѣ? (*взглядываетъ печально на комодъ и точно невидимую силую подымается съ мѣста*) Гв! что ежели да взять оттуда? (*блѣднѣетъ*) А что тятенька-то скажутъ на это? Да что же? вы молъ спали, а я не смѣлъ васъ будить. Я вѣдь немножечко—всего сотенки двѣ али три... Да это еще и мои деньги-то... (*прислушивается*) Чу, шумятъ!.. Нѣтъ, это кто-то прошелъ по улицѣ... Что за важность? это мои деньги (*дрожитъ*) Что? Опять кто-то шумитъ? Нѣтъ, показалось! Это мои деньги! (*вдругъ вскрикиваетъ рѣшительно*) Не пойду! (*идетъ. Еще рѣшительнѣе*)

Не пойду! (*идеть*) Да что же это такое Господи, Боже мой! Не пойду! Не пойду! Не пойду! (*подходитъ къ коммоду и кладетъ на него руку*) Попробовать? (*пробуетъ*) Заперто! Чѣмъ же я отопру? (*ему попадается подъ руку забытый столовый ножъ*) Что это? Никакъ ножъ? Онъ и есть! Такъ вотъ я же—постой, погоди... (*спихаетъ его отчаянно подъ крышку*) У! Пошла! Полѣзай, полѣзай! Ухъ-ти ну! (*ломаетъ замокъ. Дверь тихо отворяется и Прохоръ Кондратьичъ показывается на порогъ*).

Я В Л Е Н І Е IV-е.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Нѣтъ, и сонъ мой пропалъ! Проворочался лишь понапрасну, не соснулъ ничего, взялъ да и всталъ съ горя.

ИВАНЪ ПРОХОРЫЧЪ (*продолжая работу*).

Ну, еще маленько.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Отродясь, лишь впервой не соснулъ. Николи не случилось со мной эдакаго дѣла. Непонятная это для меня вещь!

ИВАНЪ ПРОХОРЫЧЪ.

Эхъ, какъ крѣпко, бѣда!

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Эдаку сласть, да потерялъ задаромъ! Знать, скоробило меня горе! (*Примѣтивъ Ивана Прохорыча*) Что это? батюшки вы мои!

ИВАНЪ ПРОХОРЫЧЪ.

Ужась, какъ крѣпко!

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Господи Иисусе Христе! Глянько-сь, что это тамъ копышется?

ИВАНЪ ПРОХОРЫЧЪ.

Ну, ну, ну... Ну еще! (*замокъ трещитъ*) Ой! (*прись-
даетъ отъ страха на полъ*) Ничего! (*приподымается, огля-
дываясь опять*).

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ (*протирая въ страхъ
глаза*).

Батюшки, да никакъ онъ ломаетъ замокъ?

ИВАНЪ ПРОХОРЫЧЪ.

Понатужусь еще маленько.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Э! голубчикъ ты мой!

ИВАНЪ ПРОХОРЫЧЪ.

Ну-ка, разикъ другой еще—ухъ! (*Крышка отскакиваетъ;
онъ вскрикиваетъ и съезживается отъ страха, зажавъ себѣ
рукою ротъ*) Вотъ бѣда, такъ бѣда!

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Разломалъ, такъ и есть.

ИВАНЪ ПРОХОРЫЧЪ.

Гдѣ онѣ тутъ лежать—то?

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Денегъ ищеть должно?...

ИВАНЪ ПРОХОРЫЧЪ.

Вотъ они, отосчитать.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Добрадся, чертовъ сынъ!

ИВАНЪ ПРОХОРЫЧЪ (*дрожжа*).

Да чего же считать? Я боюсь.... Возьму лучше ужъ всё.
Все равно принесу остальные назадъ (*кладетъ деньги въ
карманъ*).

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Что онъ тамъ говоритъ?

ИВАНЪ ПРОХОРИЧЪ (*осторожно закрывая крышку*).

Ну, надѣлалъ дѣловъ! Слава Богу, что спать и никто не услышалъ! (*невозможо послушавъ, начинаетъ какъ кошка пробираться по стѣнкѣ*).

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ (*про себя*).

Обожди! (*прислушиваясь къ его шагамъ, начинаетъ тоже пробираться по стѣнкѣ ему на встрѣчу*).

ИВАНЪ ПРОХОРИЧЪ (*ступая на цыпочкахъ*).

Гдѣ моя тутъ шинель-то?

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ (*идя тоже на цыпочкахъ*).

Обожди, я тебя братъ поймаю.

ИВАНЪ ПРОХОРИЧЪ.

Потихоньку, ни гу-гу!

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ (*остановясь и слушающа*).

Не слышать ничего.

ИВАНЪ ПРОХОРИЧЪ.

Уберусь, словно здѣсь и не былъ.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Чу! опять зашумѣлъ.

ИВАНЪ ПРОХОРИЧЪ (*пробираясь*).

Такъ вотъ такъ! Такъ вотъ такъ!

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ (*пробираясь*).

Такъ вотъ такъ! Такъ вотъ такъ!

ИВАНЪ ПРОХОРЫЧЪ.

Такъ вотъ такъ! Такъ вотъ та... Ай!... *(натывается на отца)* Кто здѣсь? *(схватываетъ его въ свои объятія)*.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ *(струсивъ, реветъ съ перепугу, что есть мочи)*.

Караулъ! Рѣжутъ! Разбой! Воры! Оуминишна, воры! Кто ты такой—говори! *(впивается въ Ивана Прохорыча)*.

ИВАНЪ ПРОХОРЫЧЪ *(кричитъ)*.

Это я-съ, тятенька, это я!

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Кто такой?

ИВАНЪ ПРОХОРЫЧЪ.

Я, я-съ, Иванъ!

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ *(не узнаетъ со страха по золоту)*.

Нѣтъ, братъ, врешь! Его нѣтъ дома!

ИВАНЪ ПРОХОРЫЧЪ.

Видитъ Богъ, это я, тятенька!

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Нѣтъ, братъ, врешь! Онъ ушелъ со двора—меня не найдешь.

ИВАНЪ ПРОХОРЫЧЪ.

Да пустите же меня, Христа ради!

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Не пушу! Эй, сюда!

ИВАНЪ ПРОХОРЫЧЪ.

Я пришелъ за дѣломъ-съ.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Видѣлъ я, за какимъ!

ИВАНЪ ПРОХОРЫЧЪ.

Отойдите же, я вамъ говорю.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Нѣтъ ужъ, братъ, обожди! (*они борятся—Иванъ Прохорычъ шлепается на полъ. Прохоръ Кондратьичъ держитъ его и кричитъ*) Ей, сюда кто нибудь! Сюда поскорѣе!

ИВАНЪ ПРОХОРЫЧЪ.

Тятеенька, да отпустите меня, Христа ради!

Я В Л Е Н І Е V-е.

АРИНА БОМНИШНА (*входитъ съ Потаповной со свѣчками*).

Что ты это горланишь, Прохоръ Кондратьичъ?

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Вотъ поймалъ я—держи!

АРИНА БОМНИШНА.

Что такое?

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Вотъ, поймалъ сокола! Смотрите, смотрите скорѣй!

АРИНА БОМНИШНА.

Да кого же ты это поймалъ?

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Вотъ, голубчика-то—смотрите—гляди!...

АРИНА БОМНИШНА.

Кого? (*подноситъ свѣчу къ физіономіи Ивана Прохорыча*)
Иванушка!

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ (*отскакивая*).

Что за бѣсъ? да и точно Иванъ! (*стоитъ протирая глаза*;

Арина Фоминишна и Потаповна глядят другъ на друж-
ку; Иванъ Прохоровичъ отряхивается. Нѣмая сцена).

АРИНА ФОМИНИШНА (*помолчавъ и сама себя
не слышитъ*).

Что это еще за диковинки ты сталъ выкидывать, Про-
хоръ Кондратьичъ?

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ (*крестясь*).

Съ нами крестная сила! Господи Иисусе Христе!

АРИНА ФОМИНИШНА.

Грѣхководникъ ты эдакой—изъ ума, видно, совсѣмъ вы-
жилъ? Ну, за что ты это его билъ-то? Я такъ и знала,
что тутъ пути не будетъ. Смотрико-сь, мало что дерется,
да еще и кричить, чтобы всѣ видѣли, какъ онъ дерется.
Отойти отъ него, Иванушка! Онъ и давеча еще все соби-
рался тебя за что-то школить... И за чѣмъ это ты ему
ужъ попалался?

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Батюшки вы мои!

АРИНА ФОМИНИШНА.

Ни за что, ни про что выдумалъ колотить, съ пьяныхъ
глазъ. Да вотъ я же не дамъ, хошь убей, такъ не дамъ!

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Вонъ оно, въ чемъ дѣло-то!

АРИНА ФОМИНИШНА.

Да, не дамъ, не дамъ! Глупый эдакой отецъ, ни за что
ни про что свое дѣтище бьетъ.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ (*манитъ къ себѣ Ивана
Прохорыча*).

Полько, полько, голубчикъ, ко мнѣ.

АРИНА ФОМИНИШНА.

Не ходи, Иванушка! Спрячься за меня, спрячься, мой
голубчикъ!

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ *(порывался съ блженствъ къ Ивану Прохорычу).*

Ахъ, мошенская голова!

ИВАНЪ ПРОХОРЫЧЪ *(съ крикомъ врячется за мать).*

Маменька-съ!

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ *(топая ногами).*

Подъ же, подъ же, ко мнѣ!

ИВАНЪ ПРОХОРЫЧЪ *(тихо матери).*

Маменька, попросите ихъ за меня....

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Подъ же, коли я тебѣ говорю!

АРИНА ФОМИНИШНА.

Прохоръ Кондратьичъ!

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Что же ты? Аль не слышишь? Поди же ко мнѣ!

ИВАНЪ ПРОХОРЫЧЪ *(опять тихо).*

Маменька-съ, какъ бы мнѣ убѣжать?

АРИНА ФОМИНИШНА.

Убѣжи!

ИВАНЪ ПРОХОРЫЧЪ.

Припуститесь-ка на нихъ, да хорошенько-съ, а я между тѣмъ....

АРИНА ФОМИНИШНА *(вдругъ напускается на Прохора Кондратьича).*

Что ты это себѣ въ голову-то забрала? На кого ты это напала? А?

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ *(отталкивалъ ее).*

Пошла прочь!

АРИНА ОМНИШНА (*сопротивляется*).

Самъ пошелъ прочь! (*Прохоръ Кондратьичъ старается ее оттолкнуть; она кричитъ*) Что ты прешь на меня? Что ты прешь? Нѣтъ, нахрапомъ со мной ничего не возьмешь! Полоумный дуракъ влакой!

ИВАНЪ ПРОХОРЫЧЪ (*схватываетъ шляпу и шинель*).

Тятенька-съ?

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ (*удерживаемый женою*).

Что? Что? Стой, братъ! Куда!

ИВАНЪ ПРОХОРЫЧЪ.

Да туда-съ! Не видать вамъ меня больше! Я знаю, гдѣ найти себѣ пріютъ!

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Гдѣ?

ИВАНЪ ПРОХОРЫЧЪ (*отчаяннымъ голосомъ*).

Руки вотъ на себя паложу, да и дѣлу конецъ! Прощайте-съ! (*убѣгаетъ*).

АРИНА ОМНИШНА (*съ воплемъ*).

Иванушка! (*бѣжитъ вслѣдъ за нимъ*).

Я В Л Е Н І Е VI-е.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ (*растерянный*).

Что онъ это сказалъ! Омнишна—что онъ это сказалъ? Гдѣ же онъ? Эй, поймайте его!

ПОТАПОВНА.

Кого?

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ (*указывая вслѣдъ Ивану Прохоросичу*).

Его! Его! Потаповна—что онъ это сказалъ?

ПОТАПОВНА.

Господи Исусе Христе!—Я почему знаю!

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

И кудажь это онъ побѣжалъ? Охъ, поймите его, поймите!

ПОТАПОВНА.

Да какъ же, поймашь теперь—держи!

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Ступай, ступай за нимъ, бѣги, Христа ради! (*Потаповна уходитъ*) И кудажь онъ это побѣжалъ? Господи, просвѣти ты меня! Оминишна! Гдѣ вы? Эй! охъ! Подите сюда! Чтоже это такое, милосердный Отець? Вотъ неожиданно-негаданно, что я напроказилъ! Помогите! помогите, отцы вы мои! (*кричитъ*) Эй, Иванъ! Воротись! Воротись, Ванюшка, я тебѣ все спущу! Пошалилъ—ну, плевать! Эхма, братецъ ты мой... Воротись! Я того.... Я вѣдь не хотѣлъ.... Я хотѣлъ лишь съ тобой поиграть! Подурить лишь съ тобой я хотѣлъ! Да воротись же, слышь ты, дитяtko ты мое! Это я виноватъ.... Я виноватъ, что не далъ тебѣ денегъ! Воротись, голубчикъ мой, воротись! (*съ отчаяніемъ*) Никого! (*плачетъ*) Старый я, старый дуракъ! Сына-то ни за что, поглядишь, погубилъ! Погубилъ, погубилъ, распроклятый ты звѣрь! Звѣрь! Звѣрь! У!!!... (*колотитъ себя кулаками въ голову*) Дѣтоубійца эдакой ты! (*молчаніе. Онъ прислушивается*) Чу! никакъ кто-то идетъ? Эй, подите сюда!—Душегубы, разбойники вы эдакіе! Что вы здѣсь меня оставили одного умирать? Ваня, Ванюшка, воротись! Я тебѣ все прощаю! (*входитъ Арина Оминушна вся въ слезахъ—садится и плачетъ*).

ЯВЛЕНІЕ VII-е.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Оминишна, гдѣ же онъ? Говори поскорѣе!

АРИНА ФОМИНИШНА.

Не знаю....

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Да вѣдь ты, чай, за нимъ ходила?

АРИНА ФОМИНИШНА.

Полоумный дуракъ!

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Полно ужъ браниться-то, Христа ради!

АРИНА ФОМИНИШНА.

Совсѣмъ полоумный! *(входитъ Потаповна).*

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Что? Поймала, что ли, его?

ПОТАПОВНА.

Да, поймаешь, какъ же!—Припустилъ, лишь держись!

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Давай шубу да шапку поскорѣе... *(Потаповна уходитъ).*

АРИНА ФОМИНИШНА *(плача).*

Экихъ дѣловъ, спяну-то, надѣлалъ!

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Я его отыщу. Скорѣе, скорѣе, Потаповна! *(Потаповна вноситъ шубу и шапку—онъ одѣвается и кричитъ)* Эй, Иванъ, обожди! обожди, братецъ мой—я тебя догоню! Обожди!

АРИНА ФОМИНИШНА.

Да бѣги ужъ скорѣе, бѣги!

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ (*бѣжитъ*).

Обожди, Иванъ—обожди! Я тебя догону—обожди, братецъ мой! (*убѣгаетъ за нимъ и—осталыя. Декорація перемѣняется*).

С Ц Е Н А 2-я.

Я В Л Е Н І Е 1-е.

У Абакума Кондратьича. Сцена пуста; слышенъ стукъ въ наружныя дѣри, на который сначала никто не отвѣчаетъ, потомъ слышенъ голосъ Абакума Кондратьича: Эй, да отворите же что ли поскорѣе!)

АГАФЬЯ (*вбѣгаетъ*).

Кто это?

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Отвори, коли тебѣ говорить!

АГАФЬЯ.

Сейчасъ, батюшка! (*впускаетъ его*)

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Что ты это? Оглохла что ли? Гдѣ ты сидѣла?

АГАФЬЯ.

На куфнѣ, батюшка.

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Вотъ, доподлинно говорить: что камень положить, то и бабу посадить. А гдѣ, Федосья?

АГАФЬЯ.

Дома.

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Пошли, кликни ее ко мнѣ. (*Агафья уходитъ*) Ну, прощай теперь, моя дочка! Посидѣла ты въ дѣвкахъ, пора и

распрощаться съ дѣвичьимъ житьемъ. Улегай, покидай свое гнѣздышко! А то-то мнѣ жалко тебя будетъ! Эхма! Грѣшная только я сирота—на кого это все меня покидаютъ? Нѣтъ у меня ни батюшки, ни матушки—живу словно, какъ перстъ. Былъ лишь одинъ Прохоръ, да и тотъ (*махнетъ рукой*) пропади онъ совсѣмъ! Горькая ты, горькая моя доля! Жилъ, жилъ, не увидѣлъ, какъ выраститъ дочку, а тамъ не увижу, какъ подойдетъ и смерть.—На, тебѣ—и помру—и шабашъ, и все дѣло съ концемъ! Разсуждай, коли хощь, себѣ на досугѣ (*входитъ Федосья Абакумовна*) Подика, Оениюшка, да сядь возлѣ меня.

Я В Л Е Н І Е II-е.

ФЕДОСЬЯ АБАКУМОВНА (*сидя въ садѣ*).

Что, тятенька?

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Крѣпко ли ты меня любишь?

ФЕДОСЬЯ АБАКУМОВНА.

Крѣпко, тятенька.

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Значитъ, жалко тебѣ со мной разставаться? А? Ну, да что же дѣлать-то, Оениюшка? Дѣлать нечего—жалѣй, не жалѣй, а я тебя просваталъ, дитятко ты мое.

ФЕДОСЬЯ АБАКУМОВНА (*измѣняясь лицомъ*).

Какъ, просватали?

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Такъ, дитятко, просваталъ.

ФЕДОСЬЯ АБАКУМОВНА.

Тятенька!

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Что?

ФЕДОСЬЯ АБАКУМОВНА.

Я не хочу идти за мужъ , я еще молода , или я вамъ надоѣла? Или я вамъ наскучила? Не покиньте меня!

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Дитятко ты мое—я ль тебя покину? Я-ль тебя забуду? Ягодка ты моя милая! Полно же плакать-то , перестань , усмѣхнись , не кручивь себя понапрасну!

ФЕДОСЬЯ АБАКУМОВНА.

Прости на вѣкъ , моя привольная жизнь! Только и досталось мнѣ пожить , что за вами. Горько будетъ мнѣ жить на чужой сторонѣ!

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Полно , Оениушка! Ты знаешь ли , за кого я тебя просватать-то? Вѣдь за Гаврюшенъку. Образумься же , да усмѣхнись!

ФЕДОСЬЯ АБАКУМОВНА.

Тягенька! Не губите меня.

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Какъ , не губите?

ФЕДОСЬЯ АБАКУМОВНА.

Такъ , не могу я идти за него!

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ (*озадаченный*).

Какъ , не можешь?

ФЕДОСЬЯ АБАКУМОВНА (*рыдаетъ*).

Не могу , не могу!

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Да отъ чего же это ты не можешь-то? А? Федосья—что ты? Опомнись! Приди въ разумъ! Отъ чего же ты не можешь-то—говори?

ФЕДОСЬЯ АБАКУМОВНА (*тихо*).

Провинилась я, тятенька! Грѣшна предъ вами, простите! ..

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ (*съ безпокойствомъ*).

Какъ, грѣшна? Что ты, Оеня? Въ чемъ ты грѣшна! А? Не сведи меня съ ума—старика! Чтожъ ты молчишь—то? Говори, о чемъ ты плачешь? Я вѣдь эдакъ подумаю.... Говори, въ чемъ ты грѣшна-то, Оеня? (*вскрикиваетъ на нее грозно*) Съ полюбовникомъ что-ли съ какимъ съякшалась? Чтожъ ты молчишь? Аль убить меня хочешь? Говори что нибудь—пожалѣй ты меня, Христа ради! Аль ужъ все правда? Аль правда? Молчить! Господи, вразуми, вразуми, вразуми ты меня! (*закрываетъ лице руками; молчаніе*).

ФЕДОСЬЯ АБАКУМОВНА.

Простите, тятенька!—Я виновата, хошь убѣйте...

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ (*задыхаясь*).

А что ежели я тебя да и точно... Отойди, отойди отъ грѣха! Господи, за что ты наказаль-то меня?

ФЕДОСЬЯ АБАКУМОВНА.

Тятенька!

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Охъ, обожди! Хошь бы ты моей смерти-то подождала... Я ужъ старъ, я ужъ плохъ. Миѣ не долго жить осталось... Много-много годочковъ пятокъ... Ты вѣдь у меня одна всего на все.... Не наглядывались на тебя мои очи.... Надышаться я не могъ тобой.... Соблюдалъ какъ свою зѣницу... Вотъ тебѣ и соблюлъ!... Вотъ что самъ себѣ уготоваль.... Да, самъ.... не кого тутъ винить больше.

ФЕДОСЬЯ АБАКУМОВНА.

Голубчикъ вы мой!

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Знать, я при старости лѣтъ да потерялъ весь умъ...

Всѣхъ судилъ да осуждалъ.—Вотъ тебѣ и насудилъ! Сказано: не суди, будешь самъ осужденъ! (*всплескиваетъ съ отчаяннѣмъ руками*) Прохоръ, Прохоръ, прости! Вижу я, что ты правъ, братъ, правъ со всѣмъ просвѣщенемъ твоимъ... На колѣнкахъ теперь доползу къ тебѣ за прощеньемъ! (*опять молчаніе*).

ФЕДОСЬЯ АБАКУМОВНА (*плача*).

Видитъ Богъ тятенька и сама не знаю какъ это сдѣлалось....

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Сказывай, какъ все это у васъ было!

ФЕДОСЬЯ АБАКУМОВНА.

Мнѣ стыдно, тятенька.

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Сказывай, коли я тебѣ говорю!

ФЕДОСЬЯ АБАКУМОВНА.

Мы познакомились въ саду на гуляньѣ.

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Ну?

ФЕДОСЬЯ АБАКУМОВНА.

Онъ тамъ со мной началъ разговаривать.

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

О чемъ?

ФЕДОСЬЯ АБАКУМОВНА.

Я ужъ теперь не вспомню.

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Ну, а потомъ, что у васъ было?

ФЕДОСЬЯ АБАКУМОВНА.

А потомъ мы видѣлись еще нѣсколько разъ.

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Нѣтъ, сказывай потомъ—то, потомъ что у васъ было?

ФЕДОСЬЯ АБАКУМОВНА.

А потомъ ничего не было, тятенька!

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Какъ ничего? Врешь! Не можетъ быть! Ужели вы видѣлись завсегда при людяхъ?

ФЕДОСЬЯ АБАКУМОВНА.

При людяхъ.

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Побожись!

ФЕДОСЬЯ АБАКУМОВНА.

Право при людяхъ, тятенька!

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ *(вздохнувъ свободно).*

Охъ, милосердъ еще ко мнѣ мой Создатель!

ФЕДОСЬЯ АБАКУМОВНА *(умоляющимъ голосомъ).*

Тятенька! Голубчикъ вы мой! Право мнѣ безъ него не жить... Онъ хотѣлъ къ вамъ придти.

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

За чѣмъ? ужъ не свататься ли за тебя?

ФЕДОСЬЯ АБАКУМОВНА.

Да-съ. Сдѣлайте милость, примите его получше.

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Ладно, ладно, пушай приходить, а я ужъ приму...

ФЕДОСЬЯ АБАКУМОВНА.

Покорнѣйше васъ благодарю.

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ *(всторону).*

Вошь-то глупая простота!

ФЕДОСЬЯ АБАКУМОВНА.

Такъ вы меня отдадите, тятенька?

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Да, я тебя отдамъ, да только за того, за кого я хочу. Иди за Гаврилу, а про этого мошенника и позабудь.

ФЕДОСЬЯ АБАКУМОВНА.

Какъ?

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Такъ, иди и разговаривать больше не смѣй.

ФЕДОСЬЯ АБАКУМОВНА.

Пожалѣйте меня!

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Глупая ты эдакая! Да вѣдь я и то жалѣю. Кабы я не жалѣлъ, такъ не сталъ бы вовсе и говорить-то съ тобой! Ну скажи же, что пойдешь за того, за кого я хочу—скажи же, скажи!

ФЕДОСЬЯ АБАКУМОВНА.

Да что выйдетъ-то изъ того, что я вамъ скажу, тятенька?

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Выйдетъ-то извѣстно, что я выдамъ тебя, дитятко ты мое! Мнѣ вѣдь согласье тоже нужно твое—а то, ништо я звѣрь что-ли какой, что свою плоть и кровь да зачну загублять, ни съ того, ни съ сего. Ну скажи же, скажи!

ФЕДОСЬЯ АБАКУМОВНА.

Не могу, тятенька.

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Скажи, Оеня, голубушка ты моя!

ФЕДОСЬЯ АБАКУМОВНА.

Не могу я безъ него прожить!

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Какъ не можешь прожить? Чтожъ ты въ самомъ дѣлѣ, шутки что ли со мной шутишь? Слушай, пока говорю, какъ отецъ; не заставь говорить меня иначе съ тобой, Федосья!

ФЕДОСЬЯ АБАКУМОВНА.

Тятенька!

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Эй, Федосья, смотри, не озли ты меня! Кто я тебѣ? Отецъ али нѣтъ? Для чего это я выхолилъ-то тебя? Глянько-съ ты, холилъ, холилъ я ее, холилъ, а она еще мнѣ супротивится.... Ну, да постой! Я тебя вотъ запру на замокъ, такъ и станешь ты знать, какъ отца почитать. Говори, что пойдешь, за кого я хочу!

ФЕДОСЬЯ АБАКУМОВНА.

Тятенька!

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Говори, а не то заклянц!

ФЕДОСЬЯ АБАКУМОВНА.

Не могу, тятенька!

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Не можешь? А съ любовникомъ съкшаться, такъ видно смогла? А? Не можешь? Нѣтъ же тебѣ супротивни-цѣ моего благословенья ни въ семь вѣкѣ, ни въ буду-щемъ. (Федосья Абакумовна, съ крикомъ, падаетъ безъ па-мяти) Оня, что ты это? Онюшка? Онюшка, дочька моя?

КОНЕЦЪ 3-го дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ 4-Е.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

У Прохора Кондратьича. Онъ сидитъ опустя голову.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Срамота, до чего я дожилъ! Матушка наша сырая земля, лучше бы ты ужъ меня прикрыла! не давила бы такъ гробовая доска, какъ давить меня теперь мое горе! Опозорилъ себя ни за что ни про что,—самъ себя осрамилъ, неразумный отецъ! Натворилъ надъ собою такихъ чудесъ, что, коли рассказать, никто вѣры не дастъ. Охъ, родные мои! Обождите, я все расскажу, да только ужъ не смѣйтесь вы надо мной, Христа ради—миѣ вѣдь такъ тяжело, что умереть, такъ хошь бы въ пору! *(помолчавъ)* Онъ тогда побѣждалъ напужавши меня—а куда, отгадайтекосъ вы? Не давиться, не топиться—онъ тогда побѣждалъ—побѣждалъ онъ въ трактиръ, пить вино да гулять да смѣяться надъ глупымъ отцомъ! Да и не долго же смѣялся, дурацкій онъ эдакой сынъ! Я его изволокъ не глядѣвши на срамъ—изволокъ, притащилъ да и заперъ на ключъ.... Загляни, коли хошь, вонъ, къ нему въ казенку! *(всплескиваетъ руками)* Абакумъ, Абакумъ! Правду ты говорилъ. Гдѣ ты, братъ? Виновать, согрѣшилъ—прости меня, Христа ради! *(дверь тихо отворяется и на порогъ показывается Абакумъ Кондратьичъ; лице его блѣдно, глаза красны).*

Я В Л Е Н І Е II-е.

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ *(тихо)*.

Прохоръ!

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ *(не слышитъ)*.

Разобидѣлъ тебя я тогда ни за что ни про что. Ты мнѣ все толковалъ, а я не хотѣлъ вѣрить; вотъ теперь и пришлось повѣрить, да ужъ поздно, шабашъ, наказалъ меня мой Создатель!

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ *(кланяется до земли)*.

Прохоръ!

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ *(все не слыша)*.

Ты живешь въ просторѣ и ни какихъ незнаешь причудъ. У тебя есть дочь. Ты ее пристроишь, да и помрешь съ молитвой. Ну, а я-то? а я?

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Чтожъ ты, Прохоръ? Взгляни на меня.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ *(поднимая голову)*.

Кто это тамъ?

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Это я—Абакумъ.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Абакумъ?

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Да, я, Прохоръ. Я пришелъ до тебя... *(Прохоръ Кондратьичъ встаетъ и подходитъ къ нему)* Я пришелъ мириться—прости меня, Христа ради! Винавать передъ тобой! Отпусти мнѣ мой грѣхъ! Каюсь въ немъ—отпусти, Прохоръ!

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Полно-что ты? пойдешь.

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Не пойду, поколь ты меня не простишь.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Полно, братъ! Въ чемъ я стану тебя прощать? Богъ тебя да проститъ, а мнѣ не въ чемъ, садись (*Ведетъ его за руку и сажаетъ*).

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Я весь умъ потерялъ, Прохоръ! Я одинъ виновать... я пропалъ! Я пришелъ рассказать тебѣ все.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Что такое?

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Горе, горе свое.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Какое же горе?

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ (*сидитъ опять приподнявшись съ мѣста*).

Помоги мнѣ, Прохоръ! Я пропалъ... не покинь ты меня!

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ (*усаживаетъ его опять*).

Да садись! Что ты? Господи Иисусе Христе! Говори, что съ тобой случилось?

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Да такія дѣла, что ужъ лучше бы мнѣ и не родиться! Говорить нѣтъ мочи.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Абакумъ!

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Да. Помнишь ли нашу брань-то съ тобой?

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Охъ! Смогу ли я забыть!

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Ты меня оберегалъ—я тебѣ не вѣрилъ. Все случилось, какъ есть, по твоему.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Да говори поскорѣе, что такое случилось-то?

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Зависть, знамо, есть грѣхъ.... А я, видишь ли, и теперь еще завидую тебѣ, Прохоръ.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Въ чемъ ужъ это ты нашелъ мнѣ завидовать-то?

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Сатана одолѣлъ! Я хошь старъ и гляжу въ могилу—все же я человѣкъ и отдѣлаться отъ грѣха ни за что не смогу. И когда это время придетъ, что я раздѣлаюсь со грѣхомъ?

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

А вотъ, ты обожди.

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Да доколь же я стану все ждать?

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

А не долго—не бось.

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Да до какой же поры?

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

А до смерти твоей.

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ (*опустя голову*).

Правду молвишь ты мнѣ.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Говори же мнѣ твое горе?

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Видишь ли : разбранившись съ тобой , я все думалъ одно...

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Что такое?

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Что сошелъ ты съ ума.... ты того.... не сердись.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ (*махнул рукой*).

Э, не бось, не сержусь!

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Я ее просваталъ....

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Кого?

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Өенюшку-то мою.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

За кого?

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

А за Гаврюшу Попонина. Чай ты его знаешь?

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

А коли же незнать? Помогай тебѣ Богъ ! Добрый, какъ есть, парень. Дай Богъ тебѣ счастья!

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Эхъ, Прохоръ, Прохоръ!

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Что?

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Не бывать во вѣкъ этой свадьбѣ,

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Что такъ?

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Она того, Прохоръ....

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Чего?

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ (*придвинувшись къ нему*).

Она, братецъ, слюбилась съ другимъ.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ (*откидывается назадъ всплз тѣломъ*).

Что ты? Полно! Пстой!

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Да!

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Господи Исусе Христе!

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Какъ зачалъ я про сватанье-то ей говорить—побѣлѣла, какъ снѣгъ, да какъ грохнется со всѣхъ ногъ... я взялъ ее, какъ шальной, уложилъ на постель. Вотъ гдѣ вся бѣда-то моя! Вѣдь она вся въ огнѣ, ужъ и меня не слышитъ.... я ее уморилъ! уморилъ! Помоги, помоги мнѣ, Прохоръ!...

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Чѣмъ же я тебѣ помогу?

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Помоги—будь замѣсто отца? Заставь Бога молить—помоги!

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Что же ты, какъ она тебѣ рассказала то?

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Я?

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Да.

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Я... я... тогда чуть не проклялъ ее.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Абакумъ! Полно ужъ, не кляни...

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Не кляни! Миѣ ли клясть? Я лишь такъ, сгоряча; я въ сердцахъ сказалъ это слово.... какъ увидѣлъ, что она безъ памяти—такъ и самъ уже незнаю, что такое со мной сдѣлалось... я въ младенца тогда обратился, Прохоръ... цѣлу поченьку, братъ, ворковалъ, я надъ ней: ой молъ, Ояня моя! Ой, услышь молъ меня!...

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

А она?

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

А она все твердитъ: тятенька де родной, не могу я прожить безъ него. А потомъ и почнетъ говорить—Христось вѣдаетъ, что. Кабы она только жива осталась, я бы ужъ ни о чемъ и не молилъ больше Господа Бога.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Правда.

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Я ужъ ей говорилъ, что и радъ бы отдать, да не слышитъ. Охъ, Прохоръ! Уморилъ, уморилъ я ее!...

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Вишь ты какое дѣло! Что же ты... и въ самомъ дѣлѣ отдашь?

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

За кого?

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Да за мошенника того!

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Какъ отдамъ? Нѣтъ, я, братъ, не отдамъ.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Такъ за чѣмъ же ты это ей говоришь?

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Да я такъ, что вспомнилась-то она. А ужъ тамъ, извѣстное дѣло, пушай лучше умереть, а не быть ей за нимъ.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Правда, правда. Ты его видалъ али нѣтъ?

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Онъ ко мнѣ приходилъ.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

За чѣмъ это еще?

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Сватался за нее.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Что же ты?

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Я, братъ, такъ-то его отсваталъ, что лишь только держись!

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Правда, правда. Ну, а что онъ каковъ?

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Есть виду-то человекъ, а внутри, бѣсъ ли его знаетъ!—
(подумавъ) Да должно, что поллецъ. Тамъ, въ саду, слышь
сходились они, да хорошо еще то, что всегда при лю-
дяхъ.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

При людяхъ? Это добрая вещь.

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Для того, что она еще больно глупа.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Это добрая вещь.

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Поглядишь, вѣдь глупость-то, должно, и спасла ее отъ
бѣды? (ждетъ отвѣта).

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ (утвердительно).

А она же и есть.

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Ну, вотъ, вотъ! Я такъ и зналъ, что эдакъ мнѣ ска-
жешь. Я и самъ эдакъ же думаю и кажинный часъ благо-
дарю Бога за ея простоту. Видишь ли, Прохоръ, что слу-
чилось со мною!

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ (въ размышленьи).

Да, плохія дѣла!

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Какъ же мнѣ тебѣ не завидовать-то?

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Плохія дѣла..... Что же бы это такое означало? Пло-
хія дѣла!...

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Вотъ я по этому-то и завидую тебѣ теперь, Прохоръ.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Нѣтъ, не завидуй ты мнѣ, Абакумъ! И я тоже знать Господа моего прогнѣвалъ, и меня мой Творецъ наказалъ!

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Что такъ?

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Да то, что коли рассказать, такъ мон-то дѣла еще выйдутъ почище твоихъ.

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Что ты? Да какъ же я слышалъ, что твой Ивапъ и нивѣсть какъ теперь гарцуетъ?

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Да, гарцуетъ, какъ есть. Вонъ онъ теперь у меня подъ замкомъ въ чуланѣ сидитъ.

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Да за что же ты его заперъ?

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

А за разныя дѣла, про которыя ужъ мнѣ говорить нѣтъ мочи.

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ *(у.моллющимъ голосомъ).*

Прохоръ, братъ,—разскажи!

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Охъ, оставь, не могу!

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ *(у.моллетъ еще больше).*

Разскажи! Видишь ли ты какой.... Я тебѣ разсказалъ, а ты, вотъ, и не хочешь... скажи!

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Да первое дѣло жъ, благослови Господи, на 2,200
одежи нашиль. Вотъ я его тутъ и зачалъ пушить...

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

За то, что онъ мало нашиль?

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Мало? Какъ мало? Да тебѣ кто же это сказалъ?

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Кто? Все онъ же—Иванъ. Значить онъ мнѣ совралъ?

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

А извѣстно, совралъ.

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Дз зачѣмъ же онъ это совралъ-то?

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

А спроси у него. А потомъ...

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Что потомъ?

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

А потомъ, *(придвигается къ Абакуму Кондратьичу)* а по-
томъ онъ меня обокралъ, Абакумъ!

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Что ты?!

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Да *(молчаніе)*.

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ *(помолчалъ и смотрѣлъ
въ глаза Прохору Кондратьичу).*

Что же это такое, братъ Прохоръ?

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ (тоже смотря ему въ глаза).

Что же это такое, братъ Абакумъ? А? (сидятъ и смотрятъ другъ на дружку).

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Какъ же это такъ? Дѣлали мы съ тобой не одно, а случилось одно?

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

И сами не знаемъ. Видно, мы провинились въ чемъ нибудь предъ Господомъ и онъ наказалъ!

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Нашей же собственной глупостью насъ наказалъ. Такъ-то Всесильный Творецъ ведетъ наши дѣла! Сами-то путнаго мы ничего не дѣлаемъ, держимъ одну думу—какъ бы ближнему только зло сотворить, да и молимъ еще Его, чтобъ оставилъ намъ наши долги, такъ, какъ и мы оставляемъ своимъ должникамъ... Неразуміе ты паше, неразуміе! Нечего тебѣ на другихъ-то пенять—обернись лучше на себя, да своими дѣлами казнись!

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Диво дивное, братъ, какъ это мы съ тобой такъ одурѣли....

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

И сами невѣдаемъ. Словно тьма кромѣшная обуяла кругомъ. Я вотъ дочь, братъ, почти загубилъ....

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

А я сына совсѣмъ загубилъ!

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Охъ, молчи, Прохоръ! Онъ у тебя вѣдь здоровъ.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Что ему, дураку?

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Нѣтъ, не говори этого. Ты еще не знаешь каково терять свое дѣтище-то! Я бы все теперь отдалъ, только бы она у меня осталась жива.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

И чудное это только чудо! Вѣдь и самъ теперь вижу, что нечему тутъ было быть путному. Да только прежде-то отъ чего же я этого не видалъ?

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Ужъ не знаю и я этого. То-то же, гордость насъ видно съ тобой разлучила, а горе свело. На пользу, иной разъ, горе-то приходитъ для человѣка! Вотъ мое горе—Осеньюшка моя лежитъ, Прохоръ, на смертномъ одрѣ.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Дохтуръ у нее былъ?

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Нѣтъ.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Чего же ты не позвалъ?

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Чего звать? Вѣдь чему быть, такъ тому ужъ не миновать.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Позови, позови.

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Хорошо, позову, коли ты говоришь. Ну, прощай, Прохор—остаюся я съ горемъ моимъ.

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Все одно, какъ и я со своимъ.

АБАКУМЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Ежели она да помретъ , такъ ужъ одна моя будетъ мольба—чтобы п меня Господь поскорѣе прибралъ. Прощай, Прохоръ!

ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ.

Прощай, Абакумъ! Дай Богъ тебѣ успѣха во всѣхъ твоихъ желаньяхъ (*Абакумъ Кондратьичъ уходитъ*).

Я В Л Е Н І Е III-е.**ПРОХОРЪ КОНДРАТЬИЧЪ (*одинокъ*).**

Да что же такое? Отъ чего это все съ нами случилось? Жалѣли ли мы чего нибудь? Худа ли какого желали? Вотъ хоть насчетъ Ивана? Вѣдь есть же другіе, что и въ навирситетахъ обучались , да вышли совсѣмъ не такими. А я , вотъ , и безъ навирситетовъ его во фракъ нарядилъ , а вышло такое смѣховище , просто , бѣсъ знаетъ , что! Да отъ чего же это случилось—то? Отъ чего? Отъ чего? Э!!!... Да , вотъ оно что ! На роду ужъ ему видно написано , чтобъ не въ коня кормъ весь пошелъ ! Да , да , вотъ оно что ! Да , да , точно , какъ есть!

К О Н Е Ц Ъ .

ОТРЫВОКЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА :

ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ МОТОВИЛИНЪ, помѣщикъ двухъ сотъ незаложенныхъ душъ.

АВДОТЯ ИВАНОВНА, жена его.

МАРЬЯ ИВАНОВНА, дочь ихъ, 26 лѣтъ.

ВАСИЛИСА ИВАНОВНА, сестра Авдотьи Ивановны, вдова.

ПРОХОРЪ СЕМЕНЫЧЪ ДУДАКОВЪ, отставной штабсъ-капитанъ, сосѣдъ Мотовилинскихъ, помѣщикъ 17 душъ.

ИВАНЪ ИВАНЫЧЪ СИНЬКИНЪ, губернской чинovníкъ.

ЕРЕМЕЙ, старый слуга Мотовилинскихъ.

ДѢЙСТВІЕ ВЪ ДЕРЕВНѢ МОТОВИЛИНЫХЪ.

ДѢЙСТВІЕ 1-Е.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Гостинная въ домъ Ивана Андреевича. Авдотья Ивановна сидитъ одна на диванъ.

АВДОТЯ ИВАНОВНА.

Господи Владыко, что это только мое за житье! По всему свѣту, кажется, исходи, такъ хуже этого житья ни гдѣ не найдешь. Мужиченки совсѣмъ избаловались—вотъ ужь 2-й годъ, какъ почти что не платятъ оброка, и хоть бы у нихъ, окаянныхъ, его не было что-ли, а то вѣдь и есть, да ни чѣмъ, вотъ, не выколотишь его изъ нихъ, да и только. Да кому, по правдѣ сказать, и выкалачивать-то? Иванъ Андреичъ мой человѣкъ, всѣмъ извѣстно, безпечный, да и еще и гулящій; какъ только подгуляетъ, такъ и пошелъ все толковать о благоденствіи—хочу, говорить, чтобы вокругъ меня все благоденствовало—а еще было бы имъ, мошенникамъ, за что только и благоденствовать-то! Что ты станешь съ нимъ дѣлать? И сама не знаю, что это такое съ нимъ происходитъ. Ежели бы подумать ужь на запой, какъ у прочихъ, тамъ, добрыхъ людей,—такъ вѣдь нѣтъ, это совсѣмъ не запой, а такъ—завелся у него внутри, слышь, какой-то червякъ—хочешь не хочешь, гулай. Я думала сначала, что онъ нарочно, да нѣтъ, видно и вправду нельзя не гулять—коль не гулять, говорятъ, онъ помретъ... *(испугавшись)* Господи! Ну, а что ежели онъ да и точно помретъ? Что я тогда безъ него

стану дѣлать? Вѣдь каковъ бы онъ ни былъ, да все же онъ мужъ и въ домѣ глава. А? Вѣдь правда? Глава? И чѣмъ-то я его не пользовала! Чего только надъ нимъ ни выдѣлывала! И лекарей-то я созывала! И за старухами посылала! И зельями разными, втихомолку, его я поила! Да какъ разъ, вмѣсто пользованья-то, чуть-чуть не уморила совѣмъ, такъ съ тѣхъ поръ ужъ и бросила и не пользую больше его. *(Начинаетъ понемножку плакать)* Что я стану тутъ дѣлать? Кабы я сама еще умѣла распорядиться, тогда все ничего—вѣдь другія распоряжаются же.... Вонъ Василій Ивановичъ Горшковъ, цѣлыя 10 лѣтъ бѣгаетъ отъ долговъ; цѣлыя десять лѣтъ, какъ у него собираются крестьянъ описывать, да какъ успѣетъ-то человекъ распорядиться-то, такъ собираются, собираются, да и до сихъ поръ еще не соберутся. А я что? Гдѣ мнѣ знать всѣ эти мудрости да эти штуки? Чему меня учили? Меня только вѣдь и учили, что танцовать кадрили да говорить по-французски. Ну, пока говорила да танцевала, такъ и была образованной дамой, а какъ говорить по-французски забыла, да танцовать ноги ослабли, такъ и стала по прежнему дурой. *(Продолжаетъ плакать)* А другая бѣда моя—Маша! Вотъ эту ужъ научили да воспитали, истинно, на свою-то голову! Право, и не учить бѣда, а учить, такъ и того глядишь хуже. Начиталась книжекъ, да и жениха себѣ не можетъ выбрать и добро бы ужъ не было жениховъ у нея что-ли? А то были и женихи,—и женихи все хорошіе—и помѣщики были, и чиновники, и офицеры... Одни были съ имѣньемъ, а другіе при такихъ должностяхъ, что стоятъ имѣнья, да нѣтъ, не приходится ни одинъ ей по вкусу. А чѣмъ? И сама, я думаю, навѣрно, не знаетъ. Вотъ то-то! И приходится видно сказать, что не извѣстно еще, идетъ ли впрокъ намъ это ученье-то.... Право—иному съ него въ голову только залѣзетъ блажь, да такая, что потомъ плачется на себя цѣлый вѣкъ. И кабы этимъ ученьемъ-то еще можно было какънибудь денегъ достать—ну, тогда дѣло другое—а то, поглядишь, блажь-то ему

въ голову лѣзеть , а денегъ все таки не достанетъ , да и не то что ужъ не достанетъ , а пожалуй , еще и свои все послѣднія спустить. (*Входитъ Василиса Ивановна, съ работою въ рукахъ.*)

Я В Л Е Н І Е II-е.

ВАСИЛИСА ИВАНОВНА.

Что ты это , сестрица? Никакъ ты плачешь?

АВДОТЯ ИВАНОВНА.

Такъ всгруснулось немпожко , отъ нечего дѣлать, здѣсь на досугѣ.

ВАСИЛИСА ИВАНОВНА (*садясь*).

О чемъ?

АВДОТЯ ИВАНОВНА.

Да обо всемъ. Вѣдь одинъ мой благовѣрный-то Иванъ Андреичъ въ состояніи меня сокрушить совершенно.

ВАСИЛИСА ИВАНОВНА.

Чѣмъ такъ?

АВДОТЯ ИВАНОВНА.

Да всѣмъ. Цѣлый вѣкъ свой живетъ не полюдски. Ты спроси-ка его , наиримѣръ—для чего онъ съ молоду-то вышелъ въ отставку?

ВАСИЛИСА ИВАНОВНА.

Для чего?

АВДОТЯ ИВАНОВНА.

Да, для пользы отечества! Господи! Другіе, поглядишь, для этого служатъ, а онъ вышелъ въ отставку. «Я, говорить, полезнѣй былъ дома ; безъ меня некому, говорить, было править имѣньемъ». Какъ тебѣ это правится? Случалось ли тебѣ когда нибудь слышать подобныя полоумныя разсужденія, сестрица?

ВАСИЛИСА ИВАНОВНА (*улыбается*).

Не приходилось.

АВДОТЯ ИВАНОВНА.

А главное дѣло, хорошъ управитель? И что же изъ этого вышло? Въ деревнѣ ему, разумѣется, сдѣлалось скучно—отъ скуки онъ и начини погуливать; потомъ, видно тоже отъ скуки, женился на мнѣ, да и со мной-то ему, видно, было не веселѣе. И за чѣмъ это только я за него вышла? Да вѣдь кабы ты знала, какимъ смиренникомъ тогда прикинулся.... Сударыня, говорятъ, я знаю, что про меня... такъ и эдакъ носятся разные странные слухи—ручаюсь, говорить, вамъ, что послѣ свадьбы все брошу. Я ему тутъ повѣрила, а онъ такъ и не бросилъ.

ВАСИЛИСА ИВАНОВНА.

Ахъ, Господи!

АВДОТЯ ИВАНОВНА.

Да, а теперь погляди-ка ты, въ чемъ заключается его хозяйство! Мужики плутуютъ на каждомъ шагу, а его, между тѣмъ, увѣряютъ, что они его дѣти. Помилуй, я говорю, Иванъ Андреечъ, какіе они тебѣ дѣти? Они, просто, мошенники, воры. Что ты имъ въ глаза-то смотришь? А ты знаешь ли, что онъ на это мнѣ отвѣчаетъ?

ВАСИЛИСА ИВАНОВНА.

А что?

АВДОТЯ ИВАНОВНА.

Чтожъ, говорить, у кого имъ, бѣдняжкамъ, и украсть-то, какъ не у меня? Вѣдь не на сторонѣ же имъ воровать? Богъ съ ними! Не тропь ихъ. Пусть ихъ воруютъ—всего не раскрадутъ. А? Я спрашиваю тебя—какъ тебѣ нравится подобнаго рода хозяйство, сестрица?

ВАСИЛИСА ИВАНОВНА (*смыкаетъ*).

Хорошо.

АВДОТЬЯ ИВАНОВНА.

Хорошо? Нѣтъ ужъ для меня-то оно не совѣмъ хорошо. Да это бы еще ничего, еслибъ онъ только, такимъ-то манеромъ, хозяйничалъ дома. А то вѣдь бѣда, какъ вдругъ стануть ему приходить фантази пускаться въ разные обороты.

ВАСИЛИСА ИВАНОВНА.

Какъ, въ обороты?

АВДОТЬЯ ИВАНОВНА.

Да такъ. Выдумалъ ѣздить самъ ставить хлѣбъ. Ну, ужъ я знаю, чѣмъ должна кончиться эта поставка; уговариваю его: «останься моля дома, Иванъ Андреичъ!» Нѣтъ, говорить, какъ это можно? Безъ меня не сдумѣютъ—поѣдетъ, да всякій разъ такъ-то сдумѣеть, что половину, коли не все, съ купцами же тамъ и оставитъ.

ВАСИЛИСА ИВАНОВНА.

Неужели?

АВДОТЬЯ ИВАНОВНА.

Да. Или закупить для дома какойнибудь драни. А то еще компаніи вздумалъ заводить тамъ на иностранный манеръ.

ВАСИЛИСА ИВАНОВНА.

Какъ это, на иностранный манеръ?

АВДОТЬЯ ИВАНОВНА.

А вотъ также, послушай! Продавъ, видишь, недавно онъ хлѣбъ, получилъ деньги, да и говорить: «Ну, Авдотья Ивановна, говорить, съ этими деньгами я намѣреваюсь пуститься теперь въ обороты». Я такъ и ахнула! Помилуй, говорю, Иванъ Андреичъ, какіе ты еще выдумалъ обороты? Да въ слезы. А онъ и примесь тутъ, сестрица, меня увѣрять. Увѣрять—увѣрять—и чтожь бы ты думала, таки увѣрять!

ВАСИЛИСА ИВАНОВНА.

Ахъ, Господи!

АВДОТЯ ИВАНОВНА.

Да, ты бы послушала только, какъ онъ мастерски увѣряетъ. Вѣдь у него ума-то палата! «Хочу, говорить, видишь, компанію завести, на иностранный манеръ». — Съ кѣмъ это еще? Какую компанію? «Съ однимъ купцомъ, говоритъ. Мы накупимъ скота да погонимъ въ Москву, тамъ продадимъ да накупимъ товаровъ, а товары у насъ здѣсь купцы же отхватятъ съ руками». Такъ и сдѣлали. Да только вотъ бѣда, что въ Москвѣ вмѣсто товаровъ-то, они накупили вина. Привезли, а купцы не берутъ. Что тутъ дѣлать? Оставили у себя да и выпили дома. Такимъ-то манеромъ, съ этой проклятой иностранной компаніей и остались мы безъ вина и безъ денегъ!

ВАСИЛИСА ИВАНОВНА.

Чтоже это, сестрица? Это Богъ знаетъ что!

АВДОТЯ ИВАНОВНА.

Да, словомъ — во всемъ домѣ нѣтъ расточителя хуже его. Я, повѣришь, сестрица, блюду и тряусь надъ каждой копѣйкой, а онъ у меня вытормошитъ то, что я наблюла, да все и протранжируетъ, да еще увѣряетъ потомъ, что все это будто бы дѣлается ради спасенія моей души, потому что скупость порокъ, а онъ порокъ этотъ старается во мнѣ, видишь, искоренять.

ВАСИЛИСА ИВАНОВНА.

Помилуй, сестрица, да онъ, мнѣ кажется, ужъ выдѣлываетъ надъ тобой эти штуки, просто, на смѣхъ?

АВДОТЯ ИВАНОВНА.

А извѣстно, на смѣхъ. Такъ подумай сама, каково мнѣ все это сносить, а въ особенности еще знавши кто я и изъ какого рода! Ты помнишь, что покойный папенька го-

ворилъ намъ про то , когда родъ нашъ записанъ въ дворянскую книгу?

ВАСИЛИСА ИВАНОВНА.

Нѣтъ, не помню! А когда онъ записанъ?

АВДОТЯ ИВАНОВНА.

До Рождества Христова! А вѣдь ужъ папенькѣ-то повѣрить можно потому, что онъ былъ человекъ очень ученый—и хоть прокутилъ все наше имѣнье, а все таки надо сознаться, что онъ былъ дѣйствительно очень ученый.

ВАСИЛИСА ИВАНОВНА.

Однакоже , не смотря на эти фокусы , у васъ все таки въ домѣ всего довольно.

АВДОТЯ ИВАНОВНА.

Чтожъ что довольно? Могло бы еще быть довольнѣй. А кто виноватъ больше всѣхъ? Старый пьяница Еремей. Ты не повѣришь, въ какую онъ къ нему втерся въ милость,—просто дѣлаетъ изъ него , что захочетъ. Начнетъ врать разный вздоръ. Ты де молъ нашъ отецъ, а мы твои дѣти... А тотъ слушаетъ да и говорить : Еремей мой , говоритъ , человекъ самый прекрасный и я его никому вамъ въ обиду не выдамъ.

ВАСИЛИСА ИВАНОВНА.

Разумѣется, онъ такъ дѣйствуетъ изъ своихъ видовъ?

АВДОТЯ ИВАНОВНА.

Изъ какихъ видовъ? Просто изъ того , что тотъ даетъ ему лишній разъ выпить , вотъ тебѣ и всѣ виды (*небольшое молчаніе*) Да. А другая бѣда моя—Маша! Вотъ научили да воспитали мы ее на свою-то голову! Кабы поменьше учили , такъ давнымъ бы давно вышла приличнымъ образомъ за мужъ. А то я ей теперь стаю говорить, что она должна стараться сдѣлать приличную партію, а она отвѣчаетъ, что слова-то : партія она не пони-

маеть. Я ей опять говорю, что, сдѣлавши приличную партію, она будетъ въ своемъ кругу извѣстной дамой, а она опять отвѣчаетъ, что этой извѣстности-то предпочитаетъ какую-то тамъ неизвѣстность. Да и еще какую и неизвѣстность-то? О!... Охъ!... Вѣдь она какъ-то ее называетъ... Какъ бишь она называетъ-то эту проклятую неизвѣстность? (*Съ отчаяніемъ*) Совсѣмъ позабыла! А только она, право же, какъ-то ее называетъ... Что же это такое, сестрица? А? Я спрашиваю тебя, поѣяла ты что нибудь изъ того, что я тебѣ говорила?

ВАСИЛИСА ИВАНОВНА.

Ничего не поняла, сестрица—растолкуй хорошенько.

АВДОТЬЯ ИВАНОВНА.

Господи! Да что же я стану тебѣ толковать, коли я и сама ничего тутъ не понимаю. (*Молчаніе*) Хорошо ужъ, кабы это устроилось и поеватался за нее этотъ Синькинъ. Прочитать еще разъ, что тебѣ изъ города-то объ немъ пишутъ.

ВАСИЛИСА ИВАНОВНА.

Прочитай.

АВДОТЬЯ ИВАНОВНА (*достаетъ изъ ридикуля письмо и, надвѣвъ очки, читаетъ*).

Душечка моя Василиса Ивановна. Зная вашу благородную душу и чувствительное сѣрдце особенно относительно судьбы влюбленныхъ (*говоритъ*) Ужасъ, какъ она неразборчиво и странно пишетъ! (*читаетъ*) Судьбы влюбленныхъ... (*говоритъ*) Это дѣйствительно правда. Для тебя сестрица точно пѣтъ, кажется, большаго счастья, какъ устроить чью нибудь свадьбу. (*читаетъ*) Вы сами душинька тѣперь вдовой и время любви вмѣстѣ съ покойнымъ вашимъ супругомъ для васъ не существуетъ а ваше чувствительное сѣрдце не можетъ остаться равнодушнымъ и хотеть насладиться хоть чужимъ щастьемъ. (*говоритъ*) Разумѣется

коли ужъ нѣтъ своего мужа, такъ хочешь насладиться, хоть чужимъ счастьемъ. *(читаетъ)* Но есть ли душичка вы заботитесь о чужихъ то самая природа вѣлитъ заботиться о своихъ былъ у меня.... *(говоритъ)* Что такое? Да, тутъ должна быть точка. *(читаетъ)* Былъ у меня вчера Иванъ Иванычъ Синькинъ. *(говоритъ)* Вотъ вѣдь и образованнѣйшая женщина, по французски говоритъ, слѣдитъ еще и за литературой, а сама пишетъ такъ, что не вдругъ и поймешь, да и писать-то еще, неизвѣстно за чѣмъ романтическимъ словомъ. *(Ищетъ глазами въ письмо)* Гдѣ онъ тутъ? *(читаетъ)* Синькинъ Charmant jeune homme душечка естлибъ вы видѣли какъ онъ милъ и образованъ не знаю видели-ли вы его и что онъ вами такъ очень интересовался ему 31 годъ и время ужъ подумать о женитьбѣ *(говоритъ)* право ежели этакъ не зная да вдругъ, такъ можно подумать, что она тебя самое хочетъ за него сватать. *(читаетъ)* Лучшаго жениха я не желала бы и для своей дочери хорошъ собою милъ образованъ на видномъ мѣстѣ съ прекраснымъ жалованьемъ и вся будущность впереди неправдали больше и желать—нечего? *(говоритъ)* Конечно *(читаетъ)* У него ѣсть и свое состоянье хотя и не огромное, но все таки есть, да въ наше время и службу можно кажется считать за состоянье онъ приѣдетъ на дняхъ къ уважаемой вашей сестрицѣ какъ будто случайно сдѣламъ на которое командированъ я ему разумѣется отозвалась обо всемъ съ самой прекрасной стороны сказала даже что и у васъ состоянья—тысячъ на 70 серебр. *(говоритъ)* За чѣмъ же ей это лгать-то было нужно? Впрочемъ оно хорошо, пусть его думаетъ, что не только у невѣсты да и у тетки-то ея денегъ много *(читаетъ)* поторопикось онъ вероятно скоро приѣдетъ ваши фалборы оборки и проч... Вся готовая къ услугамъ Вѣра Епипженкова» *(Говоритъ задумчиво)* Да, хорошо, если бы все это уладилось; я была бы тогда ужъ совершенно спокойна. Конечно, не велика бѣда, что у него не огромное состояніе, въ наше время и службу можно считать за состояніе. Мало ли

мы видимъ богатыхъ людей, которые, сидя дома, на печкѣ, бѣднѣютъ, а другіе на службѣ, и совершенно ни съ чѣмъ, да богатѣютъ. Ужъ кто ихъ тамъ знаетъ, какъ они это дѣлаютъ, а только дѣйствительно богатѣютъ.

ВАСИЛИСА ИВАНОВНА.

Ты съ Иваномъ-то Андреичемъ объ этомъ не говорила?

АВДОТЬЯ ИВАНОВНА.

Говорила.

ВАСИЛИСА ИВАНОВНА.

Ну, чтоже онъ?

АВДОТЬЯ ИВАНОВНА.

Э! Захотѣла ты отъ эдакаго безпутнаго толку! Другой бы, на его мѣстѣ, старался, какъ вразумить свою дочь, а онъ увѣряетъ, что это не его дѣло, а не въ свои дѣла онъ мѣшаться не хочетъ.

ВАСИЛИСА ИВАНОВНА.

Ну, а Маша?

АВДОТЬЯ ИВАНОВНА.

Куда! Съ этой я ужъ и говорить-то боюсь! Я ей одинъ разъ что-то въ этомъ родѣ сказала, а она, ни съ того ни съ сего, мнѣ и отвѣтъ, что она де не лошадь и себя выводить на базарь ни за что не позволитъ!

ВАСИЛИСА ИВАНОВНА.

Ахъ, сестрица! Да вѣдь ужъ это рѣшительно для меня не понятно!

АВДОТЬЯ ИВАНОВНА.

А для меня, такъ еще и того непонятнѣй, вотъ она идетъ сюда. *(Марья Ивановна входитъ, читая книгу).*

Я В Л Е П І Е Ш-е.

АВДОТЬЯ ИВАНОВНА.

Маша! А, Маша!

МАРЬЯ ИВАНОВНА *(поворачиваетъ голову)*.

Что, маменька?

АВДОТЬЯ ИВАНОВНА.

Что ты это читаешь?

МАРЬЯ ИВАНОВНА *(продолжая читать)*.

Книгу.

АВДОТЬЯ ИВАНОВНА.

Книгу? Я вижу, что книгу. Да о чемъ же пишутъ-то, тамъ, въ этой книгѣ?

МАРЬЯ ИВАНОВНА.

О многомъ! И между прочимъ...

АВДОТЬЯ ИВАНОВНА.

Что между прочимъ?

МАРЬЯ ИВАНОВНА.

О женскомъ сердцѣ.

АВДОТЬЯ ИВАНОВНА.

О женскомъ сердцѣ? Гм!... Что же пишутъ-то, тамъ, про это женское сердце?

МАРЬЯ ИВАНОВНА.

Ничего особеннаго.

АВДОТЬЯ ИВАНОВНА.

Какъ ничего особеннаго?

МАРЬЯ ИВАНОВНА.

Такъ, кажется и самъ авторъ-то, въ этомъ случаѣ, не очень свѣдущъ.

АВДОТЬЯ ИВАНОВНА.

Такъ за чѣмъ же ты это читаешь? (*Марья Ивановна не отвѣчаетъ и продолжаетъ читать. Съ досадою*) Чтожъ ты, сударыня, не изволишь мнѣ отвѣчать-то?

МАРЬЯ ИВАНОВНА.

Да вы, маменька, предлагаете мнѣ такой странный вопросъ!

АВДОТЬЯ ИВАНОВНА.

Странный? А по моему, такъ онъ вовсе не странный. Лучше бы ты ужъ читала мою Опытную Хозяйку. Тамъ, по крайней мѣрѣ, была бы та польза, что ты сама, можетъ быть, сдѣлалась бы хозяйкой.

МАРЬЯ ИВАНОВНА (*довольно рѣзко*).

Мнѣ кажется, маменька, что сначала надо сдѣлаться женщиной, а потомъ ужъ хозяйкой.

АВДОТЬЯ ИВАНОВНА (*разинувъ отъ удивленія ротъ*).

Женщиной? Какъ это такъ? Да ты кто же?... Не женщина, что ли? Да и какъ же ты ей это хочешь—сдѣлаться-то? А? Въ особенности, читавши книги, въ которыхъ и самъ, кто писалъ-то ихъ, ни бельмеса не смыслить!

МАРЬЯ ИВАНОВНА.

Маменька! Вы мучите меня совершенно такими вещами!

АВДОТЬЯ ИВАНОВНА.

Слышишь, сестрица? Вотъ я же еще ее мучу. Сама говорить, Богъ знаетъ что. А меня еще увѣряеть, что я ее мучу. (*молчаніе*) Маша, а Маша!

МАРЬЯ ИВАНОВНА.

Что вамъ угодно?

АВДОТЬЯ ИВАНОВНА.

Знаешь ли ты, что я скажу?

МАРЬЯ ИВАНОВНА.

Нѣтъ, не знаю.

АВДОТЬЯ ИВАНОВНА.

Еслибъ ты поменьше читала о женскомъ-то сердцѣ, такъ давнымъ давно бы вышла приличнымъ образомъ за мужъ.

МАРЬЯ ИВАНОВНА.

Да что вамъ такъ непременно хочется, чтобы я вышла за мужъ?

АВДОТЬЯ ИВАНОВНА.

Да вѣдь ты чай родная мнѣ дочь, а не Богъ знаетъ кто. Вотъ, погляди, всѣ твои ровесницы, да еще и не ученые, а пристроились къ мѣсту.

МАРЬЯ ИВАНОВНА.

Дай имъ Богъ счастья!

АВДОТЬЯ ИВАНОВНА.

А ты, вотъ, у насъ и ученая, да сидишь въ дѣвкахъ!

МАРЬЯ ИВАНОВНА.

За кого же, въ самомъ дѣлѣ, было мнѣ выдти?

АВДОТЬЯ ИВАНОВНА.

Да во 1-хъ, Федоръ Ивановичъ.

МАРЬЯ ИВАНОВНА.

Чуфаркинъ?

АВДОТЬЯ ИВАНОВНА.

Чуфаркинъ.

МАРЬЯ ИВАНОВНА.

Помилуйте, маменька! Да вѣдь онъ рѣшительно круглый дуракъ!

АВДОТЯ ИВАНОВНА.

Чѣмъ же это дуракъ? Развѣ тѣмъ, что не умѣетъ толковать о женскомъ-то сердцѣ, такъ и вышелъ дуракъ? Человѣкъ очень хорошиі, собою не дурень и съ состоян-емъ. Человѣкъ, словомъ, очень, очень обыкновенный.

МАРЬЯ ИВАНОВНА.

Въ томъ-то и дѣло, что ужъ очень обыкновенный.

АВДОТЯ ИВАНОВНА.

А тебѣ бы все хотѣлось какого нибудь необыкновеннаго? Жаль, что негдѣ намъ про тебя его взять-то. Ну, а Василій Сергѣичъ?

МАРЬЯ ИВАНОВНА.

Недоросль—Митрофанъ.

АВДОТЯ ИВАНОВНА.

Слышишь, сестрица? Вотъ этотъ у насъ Митрофанъ! Да у этого Митрофана-то 400 душъ.

МАРЬЯ ИВАНОВНА.

А въ добавокъ и петь.

АВДОТЯ ИВАНОВНА.

А ты видѣла, какъ онъ петь?

МАРЬЯ ИВАНОВНА.

Къ сожалѣнію, нѣтъ.

АВДОТЯ ИВАНОВНА.

Такъ чего же ты зря говоришь? Ну, а Федоръ Петровичъ?

МАРЬЯ ИВАНОВНА.

Хорошъ! Флегма, хомякъ!

АВДОТЯ ИВАНОВНА *(разсердась наконецъ).*

Да ты почему это знаешь, сударыня, что онъ хомякъ?

Ты бы вотъ что—вышла сначала за него за мужъ, да потомъ ужъ и судила, каковъ онъ хомякъ. Да жена должна еще радоваться, коли мужъ попадется хомякъ....

МАРЬЯ ИВАНОВНА *(вдругъ вскрикиваетъ).*

Маменька!

АВДОТЯ ИВАНОВНА.

Что?

МАРЬЯ ИВАНОВНА.

Какія это вы правила мнѣ проповѣдуете?

АВДОТЯ ИВАНОВНА *(въ совершенномъ изумленіи).*

Какія?

МАРЬЯ ИВАНОВНА *(со слезами).*

Помилуйте! Да вѣдь это даже безнравственно!

АВДОТЯ ИВАНОВНА *(тоже плача).*

Слышишь, сестрица, какъ она меня благодарить? Свихнулась совсѣмъ видно съ этихъ дурацкихъ книжекъ! Я для нее же желаю добра, а она смѣетъ еще увѣрять, что это будто безнравственно! *(объ сидятъ и плачутъ. Входятъ: Иванъ Андреичъ и Прохоръ Семенычъ).*

Я В Л Е Н І Е IV-е.

ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ.

Что это? Плачутъ? И точно плачутъ? *(тихо Прохору Семенычу, толкая его подъ бокъ)* А о чемъ, спроси, такъ навѣрно и сами не знаютъ.

ПРОХОРЪ СЕМЕНЫЧЪ *(произнося слова совершенно на русскій ладъ).*

Bonjour mesdames!

ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ.

Авдотья Ивановна!

АВДОТЯ ИВАНОВНА.

Что?

ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ.

О чемъ это ты, мать моя, плачешь?

АВДОТЯ ИВАНОВНА.

Спроси у Маши.

ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ.

А сама ты не знаешь?

АВДОТЯ ИВАНОВНА *(съ досадою).*

Не знаю!

ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ *(опять толкая Прохора Семеныча подъ бокъ).*

Я говорилъ, что не знаютъ. *(Громко)* Видно, опять были здѣсь споры, въ которыхъ ни она тебя, ни ты ее не понимаешь?

ВАСИЛИСА ИВАНОВНА.

Полноте, братецъ, смѣяться-то чужому горю.

ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ.

Какому же это, сестрица, горю? Вѣдь это горе не ваше. У васъ, я думаю, отродясь ни разу не было горя?

ВАСИЛИСА ИВАНОВНА.

Почему же вы знаете? Во-первыхъ, вѣдь я вдова....

ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ.

Да, да, да, да!... И все грустите о вашемъ мужѣ? Прохоръ Семенычъ!

ПРОХОРЪ СЕМЕНЫЧЪ.

Чего?

ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ (*подмигивая на Василису Ивановну*).

Вотъ , эдакъ же , братецъ , Анна Захаровна груститъ о мужѣ.

ПРОХОРЪ СЕМЕНЬЧЪ.

Какая Анна Захаровна?

ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ.

Да сосѣдка наша вдова.

ВАСИЛИСА ИВАНОВНА.

Raivge femme!

ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ.

Вотъ ужъ точно, раивге femme! Бѣдная! При мужѣ все дома сидѣла; а онъ померъ, такъ она , для заглушенія-то своего горя, и пошла мыкаться по бѣлу свѣту.

ПРОХОРЪ СЕМЕНЬЧЪ.

А? Въ самомъ дѣлѣ?

ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ.

Да. Вотъ ужъ три года , какъ она за границей его за-глушаетъ, да къ сожалѣнью никакъ не можетъ. Да, повѣришь-ли, прикащикъ безъ нея, что называется, въ корень тутъ раззорилъ мужиковъ, а она, бѣдная, и имѣнья не въ состояннн видѣть, потому что оно, видишь ли, напоминаетъ ей мужа! Дѣтей даже бросила, потому что и они тоже, видишь ли, напоминаютъ ей мужа! И препоручила ихъ воспитывать гувернеру, а тотъ только и знаетъ, что, вмѣсто воспитанья-то, ихъ сѣчетъ каждый день. Такъ вотъ это горе! А то, что еще ваше, сестрица, за горе! Поѣзжайтека вы, какъ она, за границу, такъ мы тогда всѣ и повѣримъ какъ разъ вашему горю.

ВАСИЛИСА ИВАНОВНА (*съ неудовольствіемъ*).

Я знаю, братецъ, давно вашу способность все представлять въ неестественномъ видѣ.

ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ (*кричитъ*).

Хорошо. Еремей! (*Еремей входитъ*).

ЕРЕМЕЙ.

Чего, сударь, изволишь?

ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ.

Дайка намъ выпить да закусить.

АВДОТЯ ИВАНОВНА.

Чай, батюшка, закуска-то у меня?

ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ.

Ну такъ ступай да приготовь (*Авдотья Ивановна и Еремей уходятъ*). Садись, пожалуйста, Прохоръ Семенычъ.

Я В Л Е Н И Е V-е.

ПРОХОРЪ СЕМЕНЫЧЪ.

Que lisez vous, Марья Ивановна?

МАРЬЯ ИВАНОВНА.

Ахъ, Господи! Опять этотъ несчастный французскій!
(*громко*) Книгу (*продолжаетъ читать*).

ПРОХОРЪ СЕМЕНЫЧЪ.

Гм! Я самъ тоже люблю заняться литературой.

ВАСИЛИСА ИВАНОВНА.

Скажите, пожалуйста, Прохоръ Семенычъ!...

ПРОХОРЪ СЕМЕНЫЧЪ.

Что вамъ угодно-съ?

ВАСИЛИСА ИВАНОВНА.

Какъ далеко отсюда ваше имѣнье?

ПРОХОРЪ СЕМЕНЫЧЪ.

Да верстъ 7 или 8-съ.

ВАСИЛИСА ИВАНОВНА.

А что оно... эдакъ... велико?

ПРОХОРЪ СЕМЕНЫЧЪ.

Да-съ, довольно велико; цѣлыхъ 17 душъ обоого пола.

ВАСИЛИСА ИВАНОВНА.

А!

ПРОХОРЪ СЕМЕНЫЧЪ.

Для другаго это пожалуй было-бъ и мало, ну—а для меня, такъ и очень довольно.

ВАСИЛИСА ИВАНОВНА.

Это пріятно слышать.

ПРОХОРЪ СЕМЕНЫЧЪ.

А что-съ?

ВАСИЛИСА ИВАНОВНА.

Да въ жизни, знаете ли, такъ мало людей довольныхъ своей судьбой.

ПРОХОРЪ СЕМЕНЫЧЪ.

А отчего жъ мнѣ и не быть довольнымъ? Сосѣдъ мой давалъ мнѣ за это имѣнье даже отличную цѣну, да я не продалъ.

ВАСИЛИСА ИВАНОВНА.

Отъ чего же?

ПРОХОРЪ СЕМЕНЫЧЪ.

Какъ, отъ чего? Продать кости моихъ отцовъ—да еще въ чужой родъ! Нѣтъ, ужъ пусть ихъ лучше себѣ лежатъ въ нашемъ роду, а въ чужой ни за что не отдамъ.

ВАСИЛИСА ИВАНОВНА.

Чрезвычайно похвальное чувство! Вѣдь вы служили прежде въ военной службѣ?

ПРОХОРЪ СЕМЕНЬЧЬ.

Служилъ-съ.

ВАСИЛИСА ИВАНОВНА.

И въ компаніяхъ были?

ПРОХОРЪ СЕМЕНЬЧЬ.

Въ Турецкую-съ бралъ Варну, Браиловъ, въ сраженіи былъ подъ Кулевчи. Хотѣлъ сложить побѣдную свою головушку, на бранномъ полѣ, да къ сожалѣнію не сложилъ.

ВАСИЛИСА ИВАНОВНА.

Къ сожалѣнію?

ПРОХОРЪ СЕМЕНЬЧЬ.

Да-съ. Служба что-то мнѣ не везла; служилъ съ хвостикомъ 20 лѣтъ, ну, а выслужилъ всего на все мундиръ. Взялъ да вышелъ въ отставку, да и приѣхалъ сюда.

ВАСИЛИСА ИВАНОВНА.

А по статской службѣ вы не служили?

ПРОХОРЪ СЕМЕНЬЧЬ.

Служилъ и по статской.—Дернула меня—pardon mesdames за выраженіе—пелегкая, неизвѣстно за чѣмъ.

ВАСИЛИСА ИВАНОВНА.

Какъ это такъ, не извѣстно за чѣмъ?

ПРОХОРЪ СЕМЕНЬЧЬ.

Да вотъ такъ-съ: имѣньишко мое, коли правду сказать, ужъ не такъ, чтобы очень велико—всего 17 душъ обоого пола, да съ благоразумной экономіей можно бы жить хорошо, такъ вотъ—нѣтъ-съ! Вообразилось мнѣ, изволите

видѣть, что русскому честному дворянину безъ службы жить стыдно!

ВАСИЛИСА ИВАНОВНА.

Ну?

ПРОХОРЪ СЕМЕНЬЧЪ.

Ну, и начини искать себѣ должность. А дворянству-то, къ этому времени, не то за разные противестественные поступки, не то такъ себѣ, неизвѣстно за что, вздумалось стараго исправника со службы смѣнить. Вотъ они и пристань ко мнѣ: ступай, говорить, братецъ, ты человѣкъ хорошій, такъ съумѣешь намъ угодить. Я слуру-то, послушался, да и пошелъ... до году не происправничалъ, какъ и попался подъ судъ!

ВАСИЛИСА ИВАНОВНА.

Что вы?

ПРОХОРЪ СЕМЕНЬЧЪ.

Да то-съ! Упекли, да и дѣлу конецъ. А спросите за что?

ВАСИЛИСА ИВАНОВНА.

За что?

ПРОХОРЪ СЕМЕНЬЧЪ.

Неизвѣстно за что. Обвинить-то они меня не посмѣли—зубастъ, ну а съ исправничаньемъ-то все таки распроститься пришлось.

ВАСИЛИСА ИВАНОВНА *(качая головой)*.

Ахъ, Боже мой, Боже мой!

ПРОХОРЪ СЕМЕНЬЧЪ.

Хорошо-съ. Послѣ эдакой бѣды, другой бы на мсемъ мѣстѣ сидѣлъ ужъ дома....

ВАСИЛИСА ИВАНОВНА.

А вы?

ПРОХОРЪ СЕМЕНЬЧЪ.

А я? Нѣтъ, мнѣ опять вообразилось, что русскому дворянину безъ службы жить стыдно; я и начини искать себѣ другую должность....

ВАСИЛИСА ИВАНОВНА.

Нашли?

ПРОХОРЪ СЕМЕНЬЧЪ.

Нашель.

ВАСИЛИСА ИВАНОВНА.

И что же?

ПРОХОРЪ СЕМЕНЬЧЪ.

И что?

ВАСИЛИСА ИВАНОВНА.

Да.

ПРОХОРЪ СЕМЕНЬЧЪ (*угрюмо*).

Гм! и тамъ тоже году не пробыль, какъ снова попался подъ судъ.

ВАСИЛИСА ИВАНОВНА.

Ахъ, Господи! Да вѣдь ужъ это изъ рукъ вонъ, какое несчастье?

ПРОХОРЪ СЕМЕНЬЧЪ.

Согласенъ-съ, что точно несчастье. (*Помолчавъ*) Оправдался я кое-какъ, съ занесеніемъ въ формуляръ, и поселился въ своей деревушкѣ, гдѣ живу теперь совершенно фарнейскимъ философомъ, равнодушно смотрю на мірскія дѣла и говорю, что патриоту нѣтъ мѣста въ отечествѣ, да-съ! (*Входятъ Авдотья Ивановна и Еремей съ закуской*).

Я В Л Е Н І Е VI-е.

ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ.

Нака, выпей, да закуси, г-нъ патриотъ.

ПРОХОРЪ СЕМЕНЫЧЪ (*наливая рюмку*).

Позвольте, Mesdames? Я человекъ Русскій, простой, что называется коренной. Люблю все русское и иностранному предпочитаю свое. Я всемъ винамъ предпочитаю очищенное. Что грѣха таить? Люблю, иной разъ, выпить рюмочку и закусить солененькимъ. Я дѣйствительно патриотъ— и держусь того мнѣнія, что напрасно мы даже и торгуемъ-то съ этими иностранцами, какъ будто не можемъ обойтись и безъ нихъ и не имѣемъ всего своего (*выпиваетъ и закусываетъ*).

ВАСИЛИСА ИВАНОВНА.

А знаете ли что, Прохоръ Семенычъ?

ПРОХОРЪ СЕМЕНЫЧЪ.

Нѣтъ-съ, не знаю. А что?

ВАСИЛИСА ИВАНОВНА.

Вѣдь я думаю, эти неудачи по службѣ должны быть вамъ очень прискорбны?

ПРОХОРЪ СЕМЕНЫЧЪ.

Прискорбны-съ? А чѣмъ? Кабы меня упекали за дѣло, ну—тогда такъ... а то я поподался, какъ передъ Богомъ, единственно за свою глупость да простоту. Такъ, о чемъ же, выходить, скорбѣть? Добрые люди и теперь меня знаютъ; имѣнья же у меня обоего пола цѣлыхъ 17 душъ! Человекъ холостой и при томъ безъ страстей... У меня ни какихъ нѣтъ страстей! Вотъ хоть къ этому зелью-то (*указываетъ на водку*) вы не думайте, чтобы я имѣлъ страсть. Страсти нѣтъ никакой—а такъ пьешь его, иной

разъ потому, ... потому... Ну, да просто, такъ потому, что, вотъ, хочется пить.

ВАСИЛИСА ИВАНОВНА.

Неужели же у васъ и дѣйствительно нѣтъ никакихъ страстей?

ПРОХОРЪ СЕМЕНЫЧЪ.

Ни какихъ-съ! *(подумавъ)* Правда, есть одна страсть — да чего!... *(машетъ рукой)* ужъ и та, должно быть, скоро совсѣмъ потухнетъ *(грустно опускаетъ голову)*.

ВАСИЛИСА ИВАНОВНА.

Какая же это страсть, Прохоръ Семенычъ?

ПРОХОРЪ СЕМЕНЫЧЪ.

Къ прекрасному полу, къ прекрасному полу, сударыня, коли желаете знать!

ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ.

Э!!!

ВАСИЛИСА ИВАНОВНА.

Что вы? Помилуйте!

ПРОХОРЪ СЕМЕНЫЧЪ.

Да-съ!

ВАСИЛИСА ИВАНОВНА.

Да который вамъ годъ?

ПРОХОРЪ СЕМЕНЫЧЪ.

Годъ? Съ небольшимъ 43.

ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ *(всторону)*.

Эхъ! Еще фарнейскіи философъ, а вретъ; я думаю, ужъ навѣрно, далеко за 50.

ВАСИЛИСА ИВАНОВНА.

Значить, вы въ женщинахъ, въ свое время, имѣли успѣхъ?

ПРОХОРЪ СЕМЕНЫЧЪ.

Да-съ, признаться, имѣлъ.

ВАСИЛИСА ИВАНОВНА.

И интрижки разныя тоже имѣли?

ПРОХОРЪ СЕМЕНЫЧЪ.

И интрижки имѣлъ. Вѣдь главное дѣло все въ чемъ?

ВАСИЛИСА ИВАНОВНА.

Въ чемъ?

ПРОХОРЪ СЕМЕНЫЧЪ.

Умѣлъ обходиться. Ну, одну прельстишь эдакъ, бывало, манерой; для другой сочинишь, тамъ, стишки.... не успѣешь прочесть, анъ глядишь, ужъ и есть!...

ВАСИЛИСА ИВАНОВНА.

Скажите пожалуйста, такъ вы еще и поэтъ, въ добавокъ ко всѣмъ вашимъ достоинствамъ, Прохоръ Семеновичъ! Какіе же вы писали стихи?

ПРОХОРЪ СЕМЕНЫЧЪ,

Да разные: Орелъ, къ Лилѣ, къ Дунаю.... и много, много разныхъ другихъ—теперь не вспомнишь!

ВАСИЛИСА ИВАНОВНА.

Сдѣлайте милость, прочитайте какіе нибудь!

ПРОХОРЪ СЕМЕНЫЧЪ.

Какіе же вамъ прочитать-то? Хотите Орла?

ВАСИЛИСА ИВАНОВНА.

Пожалуй, Орла!

ПРОХОРЪ СЕМЕНЫЧЪ

Извольте! (*читаетъ* :)

И се Орелъ по воздуху парящъ,
Ко птицамъ жаромъ горящъ,

Добычу себѣ творящъ,
И ничего не говорящъ.

И птицы кричать о горе!
И хотять летѣть за море.
Но достигнута онѣ вскорѣ
И добыча ихъ не будетъ въ спорѣ.

ВАСИЛИСА ИВАНОВНА.

Да это что же такое—стихи?

ПРОХОРЪ СЕМЕНЫЧЪ.

Стихи. Какъ вы находите ихъ? Хороши?

ВАСИЛИСА ИВАНОВНА.

Хороши.

ПРОХОРЪ СЕМЕНЫЧЪ *(кланяется ей)*.

Покорнѣйше васъ благодарю. Вѣдь въ нихъ какое главное достоинство? чувство. Что говорить, я человѣкъ пожилой и свое пѣтическое образованіе получилъ еще гораздо раньше Пушкина, такъ слогъ-то, знаете, и выходитъ пѣскольکو не такой, какъ у него.... Ну, а что касается до чувства, такъ, въ этомъ отношеніи, мы еще не уступимъ и Пушкину.... Это смѣемъ сказать!...

ВАСИЛИСА ИВАНОВНА.

Правда, Прохоръ Семенычъ! А нельзя ли рассказать намъ хоть одну изъ вашихъ интрижекъ?

ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ *(всторону)*.

Эге! Мою возлюбленную сестрицу разговоръ-то начинаютъ, кажется, маленько того.... занимать.

АВДОТЯ ИВАНОВНА *(всторону)*.

Вотъ тоже безпутные-то! нашли разговоръ.

ВАСИЛИСА ИВАНОВНА.

Что же? Мы ожидаемъ васъ, Прохоръ Семенычъ.

ПРОХОРЪ СЕМЕНЫЧЪ (*собираясь съ духомъ*).

Ну-съ, извольте видѣть , въ нашемъ полку былъ Капитанъ....

ВАСИЛИСА ИВАНОВНА (*со вниманіемъ повторяя за нимъ*).

Капитанъ....

ПРОХОРЪ СЕМЕНЫЧЪ.

Можете себѣ вообразить , стараго времени эдакой капитанъ !

ВАСИЛИСА ИВАНОВНА.

Эдакой капитанъ....

ПРОХОРЪ СЕМЕНЫЧЪ.

Человѣкъ, постоянно, знаете, съ водкой.... буйственный, пьяный да красный, однимъ словомъ сказать.

ВАСИЛИСА ИВАНОВНА.

Словомъ сказать.

ПРОХОРЪ СЕМЕНЫЧЪ.

Только вотъ онъ однажды , разумѣется, ужъ какъ слѣдуетъ накургузившись.... приходитъ ко мнѣ и говорить....

ВАСИЛИСА ИВАНОВНА.

И говорить....

АВТОТЪЯ ИВАНОВНА (*перерывая ихъ*).

Постойте-ка, что онъ тамъ, накургузившись, говорить... (*на дворъ слышенъ колокольчикъ*) Батюшки! Это кто-то въѣзжаетъ на дворъ....

ВАСИЛИСА ИВАНОВНА (*быстро подлетаетъ къ окну и вскрикиваетъ*).

Ахъ, Господи! Да это Иванъ Ивановичъ!

ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ.

Какой Иванъ Ивановичъ?

АВДОТЯ ИВАНОВНА.

Синькинъ.

ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ.

Синькинъ? А! Вотъ оно. *(всторону)* Интересный, воображаю я, долженъ выйти спектакль.

АВДОТЯ ИВАНОВНА *(кричитъ)*.

Еремей! Еремей!

ЕРЕМЕЙ *(входитъ)*.

Сейчасъ.

АВДОТЯ ИВАНОВНА.

Возьми эту закуску-то, да отнеси въ кабинетъ.

ЕРЕМЕЙ *(уноситъ закуску)*.

Сейчасъ.

АВДОТЯ ИВАНОВНА.

Маша, пойдемъ!

МАРЬЯ ИВАНОВНА *(съ удивленіемъ)*.

Куда?

АВДОТЯ ИВАНОВНА.

Переодѣться, пойдемъ.

МАРЬЯ ИВАНОВНА.

Да я и такъ маменька, кажется, прилично одѣта?

АВДОТЯ ИВАНОВНА.

Господи! Что это еще за наказанье! Бабушки подъ перины прятались отъ жениховъ, а эти ужъ не хотятъ и одѣваться. Тьфу! Просто срамъ. Пойдемъ, пойдемъ, безстыдница, коли тебѣ говорятъ! *(уходитъ, утаскивая ее почти насильно за руку. Василій Ивановичъ идетъ за ними)*.

ПРОХОРЪ СЕМЕНЫЧЪ.

Послушай, Иванъ Андреевичъ, что это еще за Синькинъ?

ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ.

Такъ, братъ—одинъ чиновникъ!

ПРОХОРЪ СЕМЕНЫЧЪ.

Да ты—какъ съ нимъ—знакомъ или нѣтъ?

ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ.

Въ лице не знаю, а слышалъ таки довольно. Однакожъ пойти, прифрантиться и мнѣ. *(Оба уходятъ; Еремей возвращается изъ кабинета въ переднюю и черезъ нѣсколько минутъ вводитъ Синькина).*

Я В Л Е Н І Е VII-е.

ЕРЕМЕЙ.

Пожалуйте, сударь, въ гостиную—господа сейчасъ выйдутъ.

СИНЬКИНЪ.

Спасибо, любезный! *(Еремей уходитъ. Онъ нѣсколько времени оглядываетъ молча комнату)* Домъ изрядный; деревня тоже; на гумнѣ много хлѣба—посмотримъ теперь, каковы-то будутъ хозяева? Дѣйствительно ли они таковы, какъ объ нихъ говорили? *(помолчавъ и въ размышленіи считая по пальцамъ)* 200 незаложенныхъ душъ! Это ровняется почти что 300 залoженныхъ.... Что стоитъ, по малой мѣрѣ, хоть 50 тысячъ... по 8 процентовъ... 4 тысячи сер. ежегодно дохода—довольно изрядно! При томъ, черезъ залогъ можно во всякое время достать капиталъ—тоже важная вещь,—особенно, когда почти всѣ имѣнья заложены, благодаря виннымъ заводамъ, содержаніямъ станцій, разведенію разныхъ рыснстыхъ породъ лошадей и другимъ тоже выгоднымъ, въ своемъ родѣ, аферамъ—предпринимаемымъ, впрочемъ, большею частию, не изъ особенныхъ выгодъ, а такъ только, въ видѣ поощренія отечественной мануфактуры. Еще—ежели при теперешнемъ, вѣроятно истинно

патріархальномъ управленіи, имѣнье даетъ дохода, то чтожь будетъ , если ввести въ него порядокъ , строгость , рациональность ? А я введу все эти преобразования , хотя бы пришлось гнуть и ломать вокругъ себя вправо и влѣво ; недостатка же твердости для этого во мнѣ не будетъ , потому что только такимъ манеромъ можно удвоить свои доходы. *(небольшое молчаніе)* Философствуя о счастіи человѣческаго рода , я дошелъ до такого умозаключенія : такъ какъ всякому извѣстно , что деньги , въ нынѣшнее время , суть главный двигатель дѣлъ на земномъ шарѣ , стало быть , и у насъ собственная выгода должна вездѣ стоять на первомъ планѣ , то есть : изъ твоего-то я что угодно возьму , а своего , ужъ узвини , ни копѣйки не дамъ. Только при такомъ , если можно сказать , эгоистическомъ пониманіи собственныхъ пользъ и при громадной энергической дѣятельности , возникающей отсюда , неразработанныя богатства и капиталы двинутся въ ходъ , взаимныя отношенія людей примутъ истинный видъ и народы достигнутъ цвѣтушаго своего состоянія. Англійскія мануфактуры тому примѣръ ! Благоговѣешь предъ этимъ созданьемъ ума и удивительно жаль , что у насъ какъ-то трудно прививается это полезное направленіе ! Впрочемъ , при нашей переимчивости и любви къ просвѣщенію начало уже кое-гдѣ есть и—слава Богу ! *(Онъ постепенно одушевляется)* Вопросъ—что такое деньги ? Отвѣтъ—все ! имя , почетъ , умъ и познанья , слава , дружба , родство , любовь и самая добродѣтель.— Неужели на свѣтѣ все это не деньги ? Неужели же можно быть добродѣтельнымъ , не имѣя въ карманѣ денегъ ? Умъ ! холодный , расчетливый умъ ! Вотъ что нужно для чловѣка ! Смотри на людей и на вещи , съ холоднымъ расчетомъ , какъ на капиталъ , изъ котораго можешь извлечь ты извѣстный процентъ—и тогда будетъ все хорошо. Увы ! когда я былъ молодъ и душа моя была подобна душѣ младенца , и я тоже вмѣстѣ съ своими друзьями кричалъ про добродѣтель , разумѣется еще не понимая , что она значить , и можно ли вѣрить кричащему , когда у него нѣтъ

ни алтына въ карманѣ? А теперь, гдѣ, гдѣ все эти истинные друзья? Гдѣ они? А! Сидятъ себѣ, мои голубчики, по доходнымъ мѣстамъ и ни слова про добродѣтель. Лишь я одинъ еще за нее ратоборствую, да и то, съ моей стороны, это дѣло чистого расчета. Хе! Добродѣтель и честность—старыя, избитыя слова, не имѣющія опредѣленнаго смысла! Да и сколько разъ думая поступить честно, мы поступаемъ совсѣмъ напротивъ. Перегорѣвъ въ житейскомъ горнилѣ, скоро перестанемъ вѣрить въ эти странные мифы. Я бѣденъ, но умомъ я доставилъ себѣ уваженіе и заставилъ кланяться тѣхъ, передъ которыми самъ прежде гнулъ шею. Теперь надобны только мнѣ деньги. Деньги—ухъ! Чувствую, алчба къ нимъ поглощаетъ меня.... Милліонъ! Еслибъ можно было достать милліонъ! Для него я бы даже рѣшился на все!... Рѣшился бы даже... *(Входятъ Иванъ Андреичъ и Прохоръ Семенычъ; лице Синькина вдругъ принимаетъ самое пріятное выраженіе, онъ въжливово кланяется и говоритъ)* Мое почтенье!

Я В Л Е Н І Е VIII-е.

СИНЬКИНЪ.

Вѣроятно, я имѣю удовольствіе видѣть хозяина здѣшняго дома?

ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ.

Такъ точно.

СИНЬКИНЪ.

Честь имѣю рекомендоваться: чиновникъ Синькинъ.

ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ.

Очень пріятно. *(Протягиваетъ ему руку)* Прошу покорно садиться!

СИНЬКИНЪ *(раскланивается съ Прохоромъ Семеновичемъ).*

ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ.

Сосѣдъ мой Дудаковъ , штабсъ-капитанъ , Прохохъ Семеновичъ! *(Синькинъ еще разъ кланяется и садится).*

СИНЬКИНЪ.

Вы меня извините , ради Бога , Иванъ Андреевичъ , за ту смѣлость , съ которою я къ вамъ явился.... По такъ какъ вы тоже принимаете участіе въ Межовскомъ дѣлѣ , а я назначенъ слѣдователемъ по этому дѣлу....

ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ.

Помилуйте , очень вамъ благодаренъ.

СИНЬКИНЪ.

Какой прекрасный видъ открывается , когда подъѣзжаешь къ вашей деревнѣ!

ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ.

Да , видъ довольно изрядный.

СИНЬКИНЪ.

И сколько разнообразія и угодій ! Рѣка , лѣсъ , горы , внизу долина , покосы.... Земля , какъ и всѣ земли въ здѣшнемъ уѣздѣ , я полагаю должна быть отличнаго свойства?

ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ.

Земля хорошая!

СИНЬКИНЪ.

И мужички ваши , сколько могъ я замѣтить , живутъ богато.

ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ.

Мужички точно живутъ не бѣдно.

СНІЬКІНІЪ.

Но мнѣ поправилась собственно , коли правду сказать , одна вещь, Иванъ Андреевичъ...

ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ.

Какая?

СНІЬКІНІЪ.

Ваше гумно. Господи, что это за обиліе и за достатокъ! Земля ломится, какъ говорится, подъ хлѣбомъ.

ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ.

Да, хлѣба у меня, точно, довольно.

СНІЬКІНІЪ.

Разумѣется, все это, благодаря заботамъ хозяевъ?

ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ.

Какихъ это хозяевъ?

СНІЬКІНІЪ.

Какъ, какихъ хозяевъ? Да вѣдь хозяинъ-то вы, я думаю, Иванъ Андреевичъ?

ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ.

Помилуйте, ужъ какое хозяйство! Живешь себѣ, спустя рукава, а оно идетъ какъ-то само собою.

ПРОХОРЪ СЕМЕНЬЧЪ.

То есть, идетъ какъ-то себѣ по щучьему велѣнію, да по Емелиному прошенію.

СНІЬКІНІЪ (*взглянувъ нѣсколько съ удивленіемъ на Прохора Семеныча и потомъ говоритъ со вздохомъ*).

Да, хорошо, если оно идетъ такимъ манеромъ и по Еме-

линому прошенью (*входятъ Авдотья Ивановна, Василиса Ивановна и Марья Ивановна*).

Я В Л Е Н И Е IX-е.

ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ.

Честь имѣю представить: жена моя, дочь, сестра жены—
моя свояченица.

СИНЬКНИЧЪ (*Василисъ Ивановъ*).

Сударыня, я очень часто имѣлъ удовольствіе слышать
о васъ отъ одной изъ вашихъ знакомыхъ г-жи Епижен-
новой!

ВАСИЛИСА ИВАНОВНА.

O! oui, Mr. c'est une personne de ma connaissance.

СИНЬКНИЧЪ.

Et je dois dire, M-me que c'est une personne de grand
esprit.

ВАСИЛИСА ИВАНОВНА.

Et de science aussi, Mr.

СИНЬКНИЧЪ.

Oui! est de science aussi, oui! (*салятся*).

ВАСИЛИСА ИВАНОВНА.

Скажите пожалуйста, давно вы оставили городъ?

СИНЬКНИЧЪ.

Нѣтъ, очень недавно, дней 5 не больше.

ВАСИЛИСА ИВАНОВНА.

Что новаго? Не ожидаютъ ли тамъ зимой какихъ ни-
будь особенныхъ удовольствій?

СНІЬКІНІЪ.

Какія же могутъ быть тамъ особенныя удовольствія? Я думаю, вамъ, сударыня, наши губернскія удовольствія слишкомъ извѣстны?

ВАСИЛИСА ИВАНОВНА.

Я потому, видите, собственно интересуюсь городомъ, что сама жительница не деревенская, а городская.

СНІЬКІНІЪ.

И предпочитаете городскую жизнь деревенской?

ВАСИЛИСА ИВАНОВНА.

О! да, вы тоже, надѣюсь?

СНІЬКІНІЪ.

Не скажу. Я скорѣе, сударыня, городу предпочитаю деревню. Впрочемъ, вѣдь это дѣло личнаго мнѣнія и личнаго вкуса. А о вкусахъ, какъ говорится, не спорять.

ВАСИЛИСА ИВАНОВНА.

Все таки должна же быть тому причина?

СНІЬКІНІЪ.

Конечно! Страно было бы, въ наше время, имѣть мнѣніе безъ достаточной на то причины. Впрочемъ, я по многимъ причинамъ люблю деревню. Во-первыхъ, ужъ деревенская эта свобода.... Скажу болѣе, мнѣ даже странно всякій разъ слышать, когда говорятъ, будто въ деревнѣ можетъ быть скучно. Я такъ полагаю совѣмъ напротивъ, что въ деревнѣ-то именно и не можетъ быть скуки, Иванъ Андреичъ?

ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ

Почему же вы это полагаете?

СИШЬКИНЪ.

Вотъ видите ли, я имѣю на этотъ счетъ свою, можетъ быть, даже нѣсколько оригинальную точку зрѣнія, Иванъ Андреичъ!

ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ.

Какую же это вы имѣете даже нѣсколько оригинальную точку?

СИШЬКИНЪ.

Во-первыхъ, я полагаю, что тамъ, гдѣ есть дѣятельность—тамъ ужъ не можетъ быть скуки.

ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ.

Это конечно.

СИШЬКИНЪ.

При этомъ, разумѣется, еще необходимо принять за непремѣнное условіе то, что наша дѣятельность должна вознаграждаться, какъ водится, и результатомъ, то есть видимымъ или, правильнѣе сказать, денежнымъ результатомъ.

ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ.

Да, денежнымъ результатомъ.

СИШЬКИНЪ.

Я надѣюсь, что вы со мной согласны? Время безумныхъ увлеченій прошло невозвратно, Иванъ Андреичъ, и мы, кажется, имѣемъ полное право, за наши труды требовать видимыхъ результатовъ. Прошу васъ, ради Бога, не принять моихъ словъ за слова эгоиста. Я совершенно не эгоистъ и для меня нѣтъ ничего даже и отвратительнѣе эгоизма, но я только высказываю правила, которымъ должны слѣдовать всѣ правильныя и законныя человѣческія отношенія.

ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ.

Да, отношенія.

СИНЬКИНЪ.

Прошу васъ еще разъ—не принять этихъ словъ за слова эгонета. Это только общія правила, ии какъ не больше. Чтожъ дѣлать? И съ нами легко можетъ случиться, что мы, забывъ все, должны будемъ двинуться ратовать за добро съ полнымъ самоотверженіемъ—и мы это исполнимъ, не такъ ли?

ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ.

Такъ, такъ, исполнимъ.—Еще бы!

СИНЬКИНЪ.

Надѣюсь, вы поняли меня, Иванъ Андренчъ?

ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ.

Какъ не понять! Понялъ прекрасно.

СИНЬКИНЪ.

Да, но мы нѣсколько отклонились отъ первоначальнаго нашего разговора. Мы говорили про деревенскую жизнь и я сказалъ, что тамъ, гдѣ есть дѣятельность, тамъ ужъ не можетъ быть скуки.

ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ.

Правда.

СИНЬКИНЪ.

А гдѣ это дѣятельность можетъ быть чище и благороднѣй, какъ не въ деревнѣ? Гдѣ она награждается легче всего, какъ я выразился, видимымъ результатомъ? Даже еслибъ вамъ пришла фантазія,—простите за выраженіе—Иванъ Андренчъ, пришла фантазія дѣйствовать себѣ въ ущербъ, и безкорыстно, то и тогда, гдѣ лучше всего исполнить это, какъ не въ деревнѣ? Ужъ одно это сознанье, что вы властелинъ судьбы сотенъ людей....

ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ.

Сознанье это, что говорить,—очень пріятно!

СИНЬКИНЪ.

И можете осчастливить всѣ эти сотни! Что можетъ быть выше этого и даже полезнѣй отечеству, которое мы, истинные его сыны, любимъ такъ горячо и безкорыстно!

ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ.

Правда, все правда.

СИНЬКИНЪ (*съ удивленіемъ*).

Все должно быть, иной разъ, принесено въ жертву общественной пользѣ! Вотъ гдѣ должны быть забыты наши мелкіе интересы! Какъ нѣкіе рыцари добра и чести ринемся въ битву со зломъ, со знаменемъ, на которомъ яркими буквами написано: добро и правда.

МАРЬЯ ИВАНОВНА (*всторону*).

Однакожъ, онъ очень не глупъ и при томъ еще съ горячимъ сердцемъ.

АВДОТЯ ИВАНОВНА (*всторону*).

Вотъ, дѣйствительно, замѣчательный-то проповѣдникъ!

СИНЬКИНЪ.

Сказавъ теперь, такимъ образомъ, о необходимости самоотверженья, ради общественной пользы, я опять возвращаюсь къ первоначальному нашему разговору о деревенской жизни.

ПРОХОРЪ СЕМЕНЫЧЪ.

Да.

СИНЬКИНЪ.

И говорю, что, кромѣ дѣятельности мѣшающей скукѣ, въ деревнѣ еще могутъ быть тысячи и другихъ удовольствій.

ПРОХОРЪ СЕМЕНЬЧЪ.

Какихъ?

СИНЬКИНЪ.

Да разныхъ , напримѣръ—литература. Вѣдь нельзя не сознаться, что мы , слава Богу, живемъ не въ вѣкъ барбаризма или какихъ нибудь тамъ Фонъ-Визиновскихъ Митрофановъ. Теперь можно получать книги даже и при самомъ ограниченномъ состоянiи.... А въ наше время при томъ столько возбуждено интересныхъ вопросовъ , что только слѣдя за этими вопросами , и открывая мысль , иногда скрытую на самомъ днѣ сочиненiя, для мыслящаго человѣка уже не можетъ быть скуки.

МАРЬЯ ИВАНОВНА.

Да онъ вдобавокъ еще человѣкъ развитой!

ПРОХОРЪ СЕМЕНЬЧЪ.

Вотъ это вы , дѣйствительно , изволили сказать правду, милостивый государь!

СИНЬКИНЪ (*всторону*).

Вотъ однакоже чудакъ—то этотъ господинъ штабсъ-капитанъ.... Гдѣ это они его откопали ? (*громко*) Опять , если я не ошибусь, Иванъ Андреичъ, мнѣ кажется, что хозяйство наше до сихъ поръ еще во младенчествѣ и нуждается въ разныхъ преобразованiяхъ. Я ничего не говорю о преобразованьяхъ, вводимыхъ дурно и безтолково, но вѣдь нельзя же не сознаться, что нѣкоторые изъ нихъ моглибъ прозвести и дѣйствительную пользу.

ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ (*съ усмѣшкою*).

Какъ не мочь, конечно могли бы—да только, къ несчастiю, существуютъ, видите ли , для этого , различныя затрудненья.

СИНЬКИНЪ.

Затрудненья? Какiя же?

ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ.

Да разные. Во-первыхъ, вотъ хоть бы эта наша славянская добродѣтель.

СИНЬКИНЪ.

Какая славянская добродѣтель?

ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ.

Такая же—лѣнь.

СИНЬКИНЪ (*тоже смѣясь*).

Лѣнь? Хе, хе, хе!... Однакоже, вы се прекрасно назвали—Славянская добродѣтель... (*продолжаетъ смѣяться*).

ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ.

Это не мое собственное названье, — а былъ у меня въ молодости учитель, прекрасный и умный учитель, который всегда намъ говаривалъ: эхъ, господа, берегитесь вы этой добродѣтели, пуще огня! Знаю, пока вы молоды, такъ готовы на все—на добро и на пользу и на трудъ безкорыстный, а тамъ, поглядишь, прошелъ годикъ другой... обуяла эта славянская добродѣтель—и вышелъ такъ лежебокъ—просто, чертъ знаетъ что! И чтожъ бы вы думали? Вѣдь все такъ и выходило; ни труда, ни добра и ни пользы, а такъ просто чертъ знаетъ что—лежебоки! То-то былъ мудрый учитель! Даже впередъ все предвидѣлъ—ей Богу!

СИНЬКИНЪ.

Это очень прискорбно, Иванъ Андреевичъ.

ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ.

Ну, а кромѣ того, существуютъ еще и другія собственно наши мѣстные затрудненія, незнакомыя иностранцамъ, и которыхъ вы, разумѣется, ужъ не отыщете ни въ какомъ курсѣ хозяйства.

СИНЬКИНЪ.

Какія же это?

ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ.

А вотъ, слушайте, я тотчасъ поясню вамъ примѣромъ: напала, видите ли вы, назадъ тому эдакъ лѣтъ съ восемь, на меня, ни съ того ни съ сего, вдругъ охота учить православныхъ моихъ садоводству. Какъ вы находите это?

СНЬКНИНЪ.

Прекрасно, прекрасно!

ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ.

Я и самъ думаю, что прекрасно. Вотъ, хорошо, и начиня закупать разныхъ деревьевъ. Накупилъ да и радуюсь. Только жена и говоритъ: для чего ты, Иванъ Андреичъ, накупилъ эти деревья? Да хечу, говорю, православныхъ моихъ приучать къ садоводству. Э! Вотъ еще тоже нашелъ садоводовъ! Куда это имъ дуракамъ! Увидишь, что ничего изъ этого не выйдетъ. Отъ чего же молъ не выйдетъ? Да отъ того и не выйдетъ, что какъ только насадишь, такъ въ первый же годъ все обгложутъ коровы и поломаютъ мальчишки.... Вотъ вы смѣтаетесь?...

СНЬКНИНЪ.

Помилуйте, я... я... нисколько.

ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ.

Я тоже смѣялся, а между тѣмъ вышло, что она говорила мнѣ правду. Въ первой же годъ, какъ насадили, такъ все обглодали коровы и поломали мальчишки. А денегъ истратилъ я вовсе не мало.

СНЬКНИНЪ (*въ недоумльнн*).

Ду что же это такое, однакожь?

ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ.

А это-то и есть, какъ я говорилъ, собственно наши мѣстные затрудненія, неизвѣстныя иностранцамъ.

СНІЬКІНЪ (*еще въ большомъ недоумініи*).

Какъ затрудненія—коровы? мальчишки? Помилуйте, да я замѣчаю, что вы шутите надо мною, Иванъ Андреичъ. (*поглядываетъ на него нѣсколько подозрительно.*)

ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ

Какія шутки!

СНІЬКІНЪ.

Конечно, противъ воли сдѣлать что нибудь трудно, однакожь, я вижу въ этомъ только одно.....

ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ.

Что такое?

СНІЬКІНЪ.

Вижу удивительную неразвитость понятій и нахожу, нахожу.... извините за выраженіе, нахожу, что мужики ваши круглые дураки и совершеннѣйшіе невѣжды, Иванъ Андреичъ.

ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ.

Рѣшительно съ вами согласенъ. Я даже пробовалъ было ихъ и учить.

СНІЬКІНЪ.

Да что же?

ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ.

Ну, да опять помѣшали, видите, затрудненія, рѣшительно неизвѣстныя иностранцамъ.

СНІЬКІНЪ.

Помилуйте, Иванъ Андреичъ! такъ надобно бы ихъ просвѣщать, толковать имъ невѣждамъ, вѣдывать, что все это дѣлается для ихъ же пользы. Ну... ну, а тѣмъ, которые дограмотнѣе, такъ можно даже давать сочиненія.

ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ.

Какъ сочиненья?

СИНЬКИНЪ.

Да, сочиненья, написанныя на этотъ счетъ.... Эдакъ.... знаете ли, въ простонародномъ духѣ и ради распространенья простонароднаго-то образованья....

ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ.

Конечно, это было бѣ прекрасно... прекрасно... а въ особенности еще того прекраснѣе, коль давать эти сочиненья имъ на голодное брюхо!

СИНЬКИНЪ.

Какъ, на голодное брюхо?

ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ.

Да такъ, по пословицѣ—сытое брюхо къ ученью глухо.

СИНЬКИНЪ.

Вотъ вы, я вижу, опять начинаете шутить, Иванъ Андреевичъ.

ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ.

Право, нисколько. *(Въ дверяхъ появляется Еремей съ водкой на поднось)* А между тѣмъ, чтобъ у насъ съ вами не было голодно брюхо, милости просимъ обѣдать, чѣмъ Богъ послалъ, по-деревенски. *(Всѣ встаютъ съ мѣстъ. Еремей подноситъ водку—Синькинъ отказывается; онъ подноситъ ее другимъ).*

АВДОТЯ ИВАНОВНА *(въ это время говоритъ всторону, смотря сердито на Ивана Андреевича).*

Эхъ, благовѣрный мой, благовѣрный! Ужъ что ни скажетъ, такъ ни на что не похоже. А какъ сейчасъ видѣнъ истинно умный-то и образованный челоуѣкъ! Какъ онъ

понятно растолковалъ всѣмъ намъ, что въ деревнѣ не можетъ быть скучно. А я-то? дура я, дура! Сижу себѣ, иной разъ, да скучаю неизвѣстно о чемъ, а того и не пойму, что мнѣ ни какъ не можетъ быть скучно.

К О Н Е Ц Ъ .

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	стр.
Выгодная женитьба.	3
Образованность.	133
Отрывокъ.	209

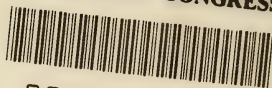

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Jan. 2007

PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION

111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

LIBRARY OF CONGRESS

00024103596